

Московский институт психоанализа
Moscow Institute of Psychoanalysis

Научный журнал
ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ

Scientific journal
COGNITION & EXPERIENCE

Основан в 2020 году
Founded in 2020

Том 4 № 3
2023

Главный редактор

Барабанищikov В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Заместители главного редактора

Ананьева К. И. Московский институт психоанализа; ИП РАН, Москва, Россия

Шляпников В. Н. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Ответственный секретарь

Волкова Т. В. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Аверьянов А. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Александров Ю. И. ИП РАН; МГППУ, Москва, Россия

Асмолов А. Г. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Грачев А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Демидов А. А. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Карабущенко Н. Б. МИФИ, Москва, Россия

Карпов А. В. ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Ковпак Д. В. СЗГМУ им. И. И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия

Куфтяк Е. В. Московский институт психоанализа; РАНХиГС, Москва, Россия

Лабунская В. А. ЮФУ, Ростов-на-Дону, Россия

Марцинковская Т. Д. РГГУ, Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Прохоров А. О. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Самойленко Е. С. ИП РАН, Москва, Россия

Селиванов В. В. МГППУ, Москва, Россия

Солдатова Г. У. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Фахрутдинова Л. Р. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Хащенко В. А. ИП РАН, Москва, Россия

Председатель редакционного совета

Сурат Л. И. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета

Барабанищikov В. А. Московский институт психоанализа; МГППУ, Москва, Россия

Редакционный совет

Абульханова К. А. ИП РАН, Москва, Россия

Баттиани А. Институт Виктора Франкла, Вена, Австрия

Коварскис Л. Московский институт психоанализа, Москва, Россия; Финское психоаналитическое общество, Хельсинки, Финляндия

Лейбин В. М. Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Носуленко В. Н. ИП РАН, Москва, Россия

Обознов А. А. ИП РАН, Москва, Россия

Панов В. И. ПИ РАО, Москва, Россия

Скотникова И. Г. ИП РАН, Москва, Россия

Спиваковская А. С. МГУ им. М. В. Ломоносова; Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Editor-in-Chief

Barabanshikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Deputy Editors-in-Chief

Ananyeva K. I. Moscow Institute of Psychoanalysis; Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Shlyapnikov V. N. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Executive Secretary

Volkova T. V. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Editorial Board

Alexandrov Yu. I. Institute of Psychology, RAS; MSUPE, Moscow, Russia

Asmolov A. G. M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Averyanov A. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Demidov A. A. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Fakhrutdinova L. R. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Grachev A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Karabuschenko N. B. MEPHI, Moscow, Russia

Karpov A. V. P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Khashchenko V. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Kovpak D. V. N-W SMU named after I. I. Mechnikov, St Petersburg, Russia

Kuftyak E. V. Moscow Institute of Psychoanalysis; RANEPa, Moscow, Russia

Labunskaya V. A. SFEDU, Rostov-on-Don, Russia

Martsinkovskaya T. D. RSUH, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Prokhorov A. O. Kazan Federal University, Kazan, Russia

Samoylenko E. S. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Selivanov V. V. MSUPE, Moscow, Russia

Soldatova G. U. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Chairman of the Editorial Council

Surat L. I. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Deputy Chairman of the Editorial Council

Barabanshikov V. A. Moscow Institute of Psychoanalysis; MSUPE, Moscow, Russia

Editorial Council

Abulkhanova K. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Batthyány A. Viktor Frankl Institute, Vienna, Austria

Kovarskis L. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia; Finnish Psychoanalytic Association, Helsinki, Finland

Leibin V. M. Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

Nosulenko V. N. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Oboznov A. A. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Panov V. I. Psychological Institute, RAE, Moscow, Russia

Skotnikova I. G. Institute of Psychology, RAS, Moscow, Russia

Spivakovskaya A. S. M. V. Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛОГИИ

Савицкая Т.Ю., Жегалло А.В., Носуленко В.Н., Александров Ю.И.

Особенности движений глаз и системной организации поведения
при оценке эмоционально окрашенных изображений 6

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Савченко Т.Н., Самойленко Е.С.

Взаимосвязь субъективного качества жизни с направленностью
на сравнение себя с другими людьми и само-сравнение. 18

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Розин В.М.

Личность: авторское понятие, генезис, типология. 32

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Торопова А.В.

Интонированное переживание как «переходный объект»
в терапии мусическими искусствами. 44

Сидорова В.В.

Развитие переживания и роль Другого в контексте
интермодальной терапии экспрессивными искусствами. 57

ЛОГОМАРАФОН

Попова Т.А., Кильдишова А.С.

Идеографические и номотетические методы исследования
типа рефлексии и уровня креативности в подростковом возрасте.
Практика применения арт-логотерапии. 70

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Никитин И.Ю.

Частные примечания об объект-ориентированном психоаналитическом
исследовании художественного творчества. 92

CONTENTS

AN EXPERIMENT IN PSYCHOLOGY

Savitskaya T.Y., Zhegallo A.V., Nosulenko V.N., Alexandrov Yu.I.

- Features of eye movements and systemic organization of behavior
when assessing emotionally charged images. 6

PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Tatyana N. Savchenko, Elena S. Samoylenko.

- The relationship between subjective quality of life and the tendency
to compare oneself with other people and self-comparison. 18

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

Rozin V. M.

- Personality: author's concept, genesis, typology. 32

PSYCHOLOGY IN PRACTICE CONTEXTS

Toropova A.V.

- Intonated experience as a «transitional object»
in music therapy. 44

Sidorova V.V.

- The development of experience and the role of the Other
in the context of intermodal therapy with expressive arts. 57

LOGOMARATHON

Popova T.A., Kildishova A.S.

- Ideographic and nomothetic methods for researching the type
of reflection and level of creativity in adolescence.
Practice of art-lolotherapy. 70

ANALYTICAL NOTES

Nikitin I. Yu.

- Particular notes on object-oriented psychoanalytic
research of artwork. 92

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛОГИИ

ОСОБЕННОСТИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

САВИЦКАЯ Т.Ю.^а, ЖЕГАЛЛО А.В.^б, НОСУЛЕНКО В.Н.^с, АЛЕКСАНДРОВ Ю.И.^д

^{а, б, с, д}, Институт психологии Российской Академии наук, Москва, Россия

Цель данного исследования заключалась в выявлении закономерностей системной организации поведения, проявляющейся в изменении окулографической активности у субъектов в состояниях, характеризующихся различной степенью эмоциональности. Различия в параметрах движения глаз в ситуациях, характеризующихся разной эмоциональной интенсивностью и валентностью, отмечаются многими авторами, однако, вопрос природы таких различий остается дискуссионным. С системно-эволюционных позиций эмоции рассматриваются как характеристика актуализации менее дифференцированных систем. На основе данного подхода было выдвинуто предположение о том, что при восприятии эмоционально окрашенных изображений характеристики движения глаз будут отличаться от ситуаций восприятия нейтральных изображений, характеризуя уменьшение способности выделять детали в изображении. В исследовании приняло участие 32 человека. Каждому участнику предъявлялось 26 изображений, при восприятии которых в течение минуты проводилась регистрация движений глаз при помощи айтрекера Eyegaze Analyzing System 120 Гц.

В результате исследования были выявлены различия в показателях окулографической активности при восприятии эмоциональных изображений по сравнению с нейтральными, указывающие на уменьшение выделения деталей изображения. Предполагается, что данный эффект связан с процессами временной системной дедифференциации, при которой в составе актуализированного опыта относительно больше представлены менее дифференцированные системы, характеризующиеся более высокой эмоциональностью.

Ключевые слова: эмоции, системная организация поведения, NAPS, айтрекинг, восприятие изображений.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект No 20-68- 47048).

Для цитаты: Савицкая Т.Ю., Жегалло А.В., Носуленко В.Н., Александров Ю.И. Особенности движений глаз и системной организации поведения при оценке эмоционально окрашенных изображений // Познание и переживание. 2023. Т. 4. № 3. С. 6—17. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_01.

Для контактов: Савицкая Т.Ю., 032646@mail.ru

FEATURES OF EYE MOVEMENTS AND SYSTEMIC ORGANIZATION OF BEHAVIOR WHEN ASSESSING EMOTIONALLY CHARGED IMAGES

SAVITSKAYA T.Y. ^a, ZHEGALLO A.V. ^b, NOSULENKO V.N. ^a, ALEXANDROV YU.I. ^d

^{a, b, c, d}, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The purpose of this study was to identify patterns of systemic organization of behavior, manifested in changes in oculographic activity in subjects in states characterized by varying degrees of emotionality. Differences in eye movement parameters in situations characterized by different emotional intensity and valence have been noted by many authors, but the nature of such differences remains controversial. From a systemic-evolutionary perspective, emotions are considered as a characteristic of the actualization of less differentiated systems. Based on this approach, it was hypothesized that when perceiving emotionally charged images, the characteristics of eye movements will differ from situations when perceiving neutral images, characterizing a decrease in the ability to highlight details in the image.

32 people took part in the study. Each participant was presented with 26 images, during the perception of which eye movements were recorded for a minute using an Eyegaze Analyzing System 120 Hz eye tracker.

The study revealed differences in the indicators of oculographic activity when perceiving emotional images compared to neutral ones, indicating a decrease in the emphasis on image details. It is assumed that this effect is associated with processes of temporary systemic dedifferentiation, in which less differentiated systems characterized by higher emotionality are relatively more represented in the actualized experience.

Keywords: emotions, systemic organization of behavior, NAPS, eye tracking, perception images.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-68-47048).

For citation: Savitskaya T.Y., Zhegallo A.V., Nosulenko V.N., Alexandrov Yu.I. Features of eye movements and systemic organization of behavior when assessing emotionally charged images // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2023. V. 4. № 3. P. 6–17. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_01 (in Russ.).

Corresponding author: Savitskaya T.Y., 032646@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Проблема выявления особенностей окулографической активности при восприятии изображений рассматривалась во многих исследованиях (Черниговская, 2018; Жегалло, 2022 и др.). Часто подчеркивается, что с задачей, решаемой субъектом, связаны такие окулографические параметры, как

фиксации, саккады, диаметр зрачка, и др. (Гиппенрейтер, 1978). Локализацию зрения часто связывают с процессами внимания, а его направление — с целями индивида, при изменении которых меняется окуломоторная активность (Безденежных, 2004; Zagermann, Pfeil, Reiterer, 2016; Chen, 2011).

Отмечается, что окулографические показатели изменяются в зависимости от степени эмоциональности ситуации, в которой находится субъект (Skaramagkas et al., 2021).

Метод окулографии часто применяется при изучении активности человека в состояниях, характеризующихся различной степенью эмоциональности при решении задач высокой сложности, при чтении, распознавании экспрессий лица (Барабанщиков, 2012; Барабанщиков, Жегалло, 2013; Skaramagkas et al., 2021; Coral, 2016).

Визуальные характеристики (такие как освещенность, яркость и др.) окружающей обстановки также сопряжены с изменением окулографических параметров. Например, расширение диаметра зрачка наблюдается при восприятии более темных изображений (Beatty, Lucero-Wagoner, 2000). Однако подчеркивается, что эмоциональная составляющая зачастую преобладает над визуальной значимостью и становится определяющей в распределении внимания в сложных сценах (Niu, 2012).

Так, например, было показано, что при восприятии изображений эмоциональная интенсивность может характеризовать увеличение продолжительности просмотра как приятных, так и неприятных сцен (Lang et al., 1993), также больше фиксаций наблюдалось в эмоционально значимых областях, чем в визуально значимых (Niu, 2012).

В рамках единой концепции сознания и эмоций (см. Александров, 2006), сознание и эмоции рассматриваются как характеристики разных, одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения, представляющих собой трансформированные этапы развития, соответствующие различным уровням системной дифференциации (Александров, 2011). Таким образом, предполагается, что ситуация, оцениваемая индивидом как эмоциональная, сопряжена с определенными изменениями в активности индивида в сторону дедифференциации актуализированного индивидуального опыта (Александров, 2006, Александров, 2011). Подобные процессы временной системной дедифференциации характеризуются упрощением взаимодействия индивида со средой (Александров, 2006, Александров и др., 2017; Александров, 2011; Бахчина, 2017; Alexandrov et al., 2020).

Ранее нами было показано, что в ситуациях восприятия эмоционально окрашенных изображений, которые субъективно оценивались как эмоциональные с высокой степенью интенсивности, наблюдается временная системная дедифференциация (Савицкая, Носуленко, Александров, 2020). Результаты этого исследования свидетельствуют о снижении энтропии сердечного ритма, связываемого с понижением сложности актуализируемого индивидуального опыта при восприятии изображений, вызывающих у участников негативные эмоции высокой интенсивности.

Общий дизайн нашего экспериментального исследования был направлен на обеспечение возможности интегративного анализа данных, получаемых разными методами. Речь идет о методической триангуляции, в которой объединены метод свободной вербализации, метод шкальных оценок, метод окулографии, психофизиологические методы (Носуленко, 2021). Задачей участников было устно описать особенности воспринимаемого изображения и дать оценку валентности и интенсивности (эраузал), связанных с изображением эмоциональных переживаний по девятибалльной шкале SAM «Self-Assessment-Manikin» (Bradley, Lang, 1994).

В нашей предыдущей статье были представлены результаты, показывающие, в частности, что вербализации являются значимым индикатором степени детализации описания изображений разной эмоциональной окрашенности (Александров, Носуленко, Савицкая, 2020). Так, было обнаружено, что оценка по шкале SAM сильно связана с показателями вербальной валентности (т.е. вербальная валентность является первичной, поскольку задача оценки по шкале давалась после задачи вербализации). Была подтверждена также связь оценки эраузела с вербальными показателями интенсивности эмоции. Полученные результаты показали, что при переходе к более эмоциональному состоянию число выделяемых деталей, описываемых вербально, падает. Это также свидетельствует о наличии феномена временной системной дедифференциации актуализируемого индивидуального опыта в ситуациях, оцениваемых как эмоциональные высокой интенсивности.

В данной статье мы продолжаем анализ экспериментального материала, фокусируясь на особенностях окулоmotorной активности при восприятии изображений различной эмоциональной окрашенности. На следующем этапе исследования эти данные мы предполагаем сопоставить с результатами вербального анализа.

Таким образом, основной целью той части исследования, результаты которой представлены в этой работе, являлось выявление закономерностей системной организации поведения, проявляющейся в изменении окулографической активности у субъектов, воспринимающих изображения различной эмоциональной окрашенности.

Мы предполагали, что в ситуациях восприятия эмоционально окрашенных изображений характеристики движения глаз будут отличаться от ситуаций восприятия нейтральных изображений, характеризуя уменьшение способности выделять детали в изображении.

МЕТОДИКА

Участники исследования

В исследовании приняли участие 32 человека (12 мужчин, 20 женщин) в возрасте от 18 до 32 лет ($M=21$; $SD=4,705$; $Med=18,5$).

Дизайн и процедура эксперимента

Участникам предлагалось описать 24 изображения различной эмоциональной валентности (негативные, позитивные, а также нейтральные) из базы NAPS (Marchewka et al., 2014). Изображения предъявлялись в случайном порядке так, чтобы подряд шло не более двух изображений одной валентности. Для предъявления изображений использовалась программа «NYAN Version 1.3» (Interactive Minds).

После того, как изображение появлялось на экране, участники выполняли задачу вербального описания изображения. По истечению минуты под изображением по очереди появлялись шкалы: сначала для оценки валентности эмоции, затем ее интенсивности, далее — оценка сложности изображения (как участник оценивает насыщенность изображения деталями), где «1» оценивается как минимальная, а «9» — наиболее высокая сложность изображения.

Участники оценивали фотоизображения с помощью 9-балльных шкал самооценки с использованием графических рисунков (SAM). Шкала эмоциональной валентности была биполярной, где оценке «1» соответствовало негативное, «5» — нейтральное, «9» — позитивное эмоциональное отношение к изображению. Шкала интенсивности представляла собой оценки от «1» (низкая интенсивность) до «9» (высокая интенсивность). Оценка по шкалам также осуществлялась вербально (подробнее см. Савицкая, Носуленко, Александров, 2020).

Во время восприятия и оценивания изображений регистрировалась кардиоритмограмма с помощью телеметрической кардио-системы «Zephyr HxM BT», анализировались показатели выборочной энтропии сердечного ритма, как характеристика степени дифференцированности актуализированных функциональных систем (Бахчина, Александров, 2017). Также фиксировались окулографические показатели с помощью комплекса Eyegaze Analyzing System 120 Гц. Процесс вербального описания изображений записывался на диктофон. Результаты анализа динамики сердечного ритма и вербализаций представлены в наших предыдущих работах (Александров, Носуленко, Савицкая, 2020; Савицкая, Носуленко, Александров, 2020).

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ

Статистический анализ данных проводился в среде статистической обработки R. Детекция фиксаций выполнялась с помощью пакета ETRAN, алгоритм детекции I-DT (Dispersion Threshold Identification, пороговая дисперсия 50 px, минимальная продолжительность фиксации 6 сэмплов данных, 50 мс).

Для сравнения окулографических показателей при восприятии изображений разной эмоциональной валентности использовался дисперсионный анализ (ANOVA с дополнительной проверкой попарных различий с использованием Tukey Honest Significant Differences). Достоверными считали различия при $p < 0,05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На рисунке 1 представлены данные о связи между средней продолжительностью фиксации и типом воспринимаемого изображения.

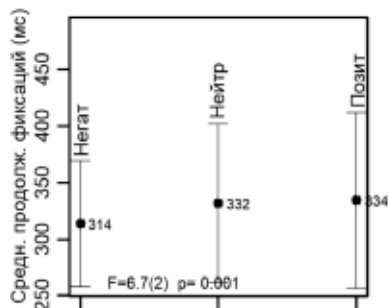

Рисунок 1 – Средняя продолжительность фиксации при восприятии негативных (Негат), нейтральных (Нейтр) и позитивных (Позит) изображений

Обнаружены значимые различия (превышение) средней продолжительности фиксации восприятия негативных изображений при сравнении этих данных с данными, относящимися к нейтральным ($p=0,0099$) и к позитивным изображениям ($p=0,0022$). Различия показателей средней продолжительности фиксации при сравнении восприятия нейтральных и позитивных изображений не значимы.

Значимым оказались также различия показателя диаметра зрачка.

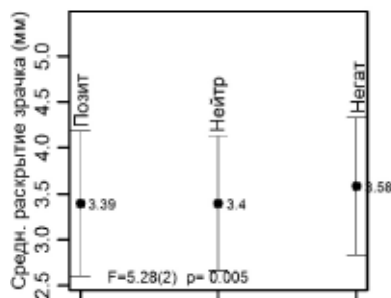

Рисунок 2 – Диаметр зрачка при восприятии негативных (Негат), нейтральных (Нейтр) и позитивных (Позит) изображений

На рисунке видно, что между негативными и нейтральными ($p=0,0158$), а также между негативными и позитивными изображениями обнаруживаются различия по показателю диаметра зрачка ($p=0,0121$).

В данном исследовании анализ показателей окуломоторной активности при восприятии изображений различной валентности показал, что продолжительность фиксации существенно ниже при восприятии негативных изображений. Эти сравнительно короткие фиксации отражает уменьшение количества

информации, воспринимаемой субъектом по сравнению как с нейтральной, так и с эмоционально позитивной ситуацией. Следовательно, можно полагать, что и при анализе движений глаз мы обнаруживаем свидетельства в пользу уменьшения детальности, степени дифференцированности соотношения субъекта со средой. Почему данное изменение касается негативных, а не позитивных эмоций, что было обнаружено ранее нами и при изменении энтропии вариабельности сердечного ритма (Савицкая, Носуленко, Александров)? Дело, по-видимому, в том, что срочная оценка «негативной» ситуации и формирование избежательного поведения в ней более важно эволюционно и сопровождается сравнительно более выраженными эмоциями. Последнее подтверждается тем, что в нашем исследовании установлено достоверное увеличение диаметра зрачка при восприятии негативных изображений относительно восприятия нейтральных и позитивных изображений. Следует отметить, что диаметр зрачка может изменяться от многих факторов, таких как яркость: когда окружающая среда становится темнее, зрачок расширяется. Большой диаметр зрачка характеризует в том числе повышенную эмоциональность (Jyotsna, 2018, Coral, 2016). Эти данные согласуются с полученными нами в предыдущих исследованиях, где было показано, что выборочная энтропия сердечного ритма снижается только при восприятии именно негативных изображений, что согласуется с тем, что негативные эмоции при восприятии эмоционально окрашенных изображений являются более интенсивными (Савицкая, Носуленко, Александров, 2020).

Подобный вывод о негативных эмоциях делают и другие авторы. Они объясняют это адаптивными причинами – важно быстро обнаружить и идентифицировать «плохие», опасные случаи (Calvo, Lang, 2004). Многими подчеркивается особая роль именно негативных эмоций в адаптационных процессах (Alexandrov, Sams, 2005; Baumeister et al., 2001; Nummenmaa L. et al. 2012; и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Параметры движения глаз значительно различаются при восприятии эмоциональных и нейтральных изображений. В нашем исследовании при восприятии негативных изображений наблюдается более короткая продолжительность фиксации. Считается, что фиксации являются одной из основных форм глазодвигательной активности, во время которой идет обработка визуальной информации (Гиппенрейтер, 1978). Во время фиксаций активно воспринимаются детали зрительных объектов (Барабанщиков, 2015). Таким образом можно судить о сниженной динамике выделения деталей наблюдателем при восприятии негативных изображений относительно изображений других эмоциональных валентностей.

В то же время, при восприятии негативных изображений, увеличивается диаметр зрачка.

Ранее нами в той же экспериментальной ситуации были обнаружены изменения показателей сердечного ритма и количества вербальных единиц при описании эмоциональных изображений участниками данного эксперимента

(Александров, Носуленко, Савицкая, 2020; Савицкая, Носуленко, Александров, 2020), свидетельствующие также в пользу уменьшения детальности восприятия изображений при негативных эмоциях. Полученные результаты соотносятся с упомянутыми выше представлениями о наличии временной системной дедифференциации при описании изображений, оцениваемых как эмоциональные. То есть процессы дедифференциации обеспечиваются большим вкладом низкодифференцированных систем индивидуального опыта, что обуславливает достоверное снижение выделяемых деталей в окружающей среде.

Таким образом, можно говорить о том, что при актуализации систем, характеризующихся более высокой эмоциональностью, изменяется зрительное восприятие в сторону уменьшения выделения деталей изображения, что объясняется процессами временной системной дедифференциации.

Литература

- Александров Ю.И. От эмоций к сознанию // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. — М.: 2006. — 293-328с.
- Александров Ю.И. Развитие как дифференциация / Ю.И. Александров // Дифференционно- интеграционная теория развития / Сост. Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 49-69с.
- Александров Ю.И. и др. Регрессия как этап развития. Город, изд-во. 2017.
- Александров Ю.И., Носуленко В.Н., Савицкая Т.Ю. Вербальная оценка эмоциональных и нейтральных изображений // Вопросы психологии. — 2020. — №. 6. — 117-130с.
- Барабанщиков В.А. Экспрессии лица и их восприятие. — М.: ИП РАН, 2012.
- Барабанщиков В.А., Жегалло А.В. Распознавание экспрессий лица в ближней периферии зрительного поля // Экспериментальная психология. 2013. — Том 6. — № 2. — 58-83с.
- Барабанщиков В.А. Айттрекинг в психологической науке и практике: коллективная монография / отв. ред. В. А. Барабанщиков. — Москва: Когито-Центр, 2015. — 410с.
- Бахчина А.В., Александров Ю.И. Сложность сердечного ритма при временной системной дедифференциации // Экспериментальная психология. 2017. — Том 10. — № 2. С— 114-130с. DOI: 10.17759/exppsy.2017100210.
- Безденежных Б.Н. Психофизиологические закономерности взаимодействия функциональных систем при реализации деятельности: дис. — Москва: [Ин-т психологии РАН], 2004.
- Гиппенрейтер Ю.Б. Движения человеческого глаза. — МГУ, 1978.
- Жегалло А. В. Принципы параллельного анализа движений глаз и речевой продукции наблюдателя //История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. — 2022. — 224-225с.
- Носуленко В.Н. Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании //Экспериментальная психология. — 2021. — Т. 14. — №. 3. — 4-16с.

- Савицкая Т.Ю., Носуленко В.Н., Александров Ю.И.* Динамика сердечного ритма у индивидов при оценке и описании ими эмоционально окрашенных изображений // Экспер. психол. 2020. — Т. 13. — № 1. — 5-19с.
- Черниговская Т.В. и др.* Взгляд кота Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / Черниговская Т.В., Алексеева С.В., Дубасова А.В., Петрова Т.Е., Прокопеня В.К., Чернова Д.А. / Под. ред. Т.В. Черниговской, Т.Е. Петровой. — СПб.: Изд-во СПбГУ. 2018. — 228с.
- Alexandrov Y.I., Sams M.E.* Emotion and consciousness: Ends of a continuum //Cognitive brain research. — 2005. — Т. 25. — №. 2. — 387-405p.
- Alexandrov Y. et al.* Regression I. Experimental approaches to regression //Journal of Analytical Psychology. — 2020. — Т. 65. — №. 2. — 345-365p.
- Baumeister R.F. et al.* Bad is stronger than good / Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. // Rev. General Psychol. 2001. — V. 5. — N 4. — 323-370p.
- Beatty J., Lucero-Wagoner B.* The pupillary system. — 2000.
- Bradley M.M., Lang P.J.* Measuring emotion: The Self-Assessment Manikin and the semantic differential // J. Behav. Therapy and Exp. Psychiatry. 1994. — V. 25. — 49-59p.
- Calvo M. G., Lang P. J.* Gaze patterns when looking at emotional pictures: Motivationally biased attention //Motivation and Emotion. — 2004. — Т. 28. — №. 3. —221-243p.
- Chen S. et al.* Eye activity as a measure of human mental effort in HCI //Proceedings of the 16th international conference on Intelligent user interfaces. — 2011. — 315-318p.
- Coral M. P.* Analyzing cognitive workload through eye-related measurements: A meta-analysis: дис. — Wright State University, 2016.
- Jyotsna C., Amudha J.* Eye gaze as an indicator for stress level analysis in students //2018 International Conference on Advances in Computing, Communications and Informatics (ICACCI). — IEEE, 2018. — 1588-1593p.
- Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. E.* An eye movement study of insight problem solving //Memory & cognition. — 2001. — Т. 29. — №. 7. — 1000-1009p.
- Lang P. J. et al.* Looking at pictures: Affective, facial, visceral, and behavioral reactions //Psychophysiology. — 1993. — Т. 30. — №. 3. — 261-273p.
- Marchewka A. et al.* The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database / Marchewka A., Żurawski Ł., Jednoróg K., Grabowska A. // Behav. Res. Methods. 2014. — V. 46. — N 2. — 596-610p.
- Niu Y. et al.* Visual and emotional salience influence eye movements //ACM Transactions on Applied Perception (TAP). — 2012. — Т. 9. — №. 3. — 1-18p.
- Nummenmaa L. et al.* Emotions promote social interaction by synchronizing brain activity across individuals //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Т. 109. — №. 24. — 9599-9604p.
- R.-Tavakoli H. et al.* Predicting the valence of a scene from observers' eye movements // PloS one. — 2015. — Т. 10. — №. 9. — e0138198p.
- Skaramagkas V. et al.* Review of eye tracking metrics involved in emotional and cognitive processes //IEEE Reviews in Biomedical Engineering. — 2021. — Т. 16. — 260-277p.

Zagermann J., Pfeil U., Reiterer H. Measuring cognitive load using eye tracking technology in visual computing // Proceedings of the sixth workshop on beyond time and errors on novel evaluation methods for visualization. — 2016. — С. 78

References

- Alexandrov Yu.I.* From emotions to consciousness // Psychology of creativity: school of Ya.A. Ponomarev / Ed. D.V. Ushakova. — M.: 2006. — 293-328p. (in Russ.).
- Alexandrov, Yu.I.* Development as differentiation / Yu.I. Alexandrov // Differential-integration theory of development / Comp. N.I. Chuprikova, A.D. Koshelev. M.: Languages of Slavic Cultures, 2011. — 49-69p. (in Russ.).
- Aleksandrov Yu. I. et al.* Regression as a stage of development. — 2017. (in Russ.).
- Aleksandrov Yu. I., Nosulenko V. N., Savitskaya T. Yu.* Verbal assessment of emotional and neutral images // Questions of psychology. — 2020. — No. 6. — 117-130p. (in Russ.).
- Drummers V. A.* Facial expressions and their perception. — M.: IP RAS, 2012. (in Russ.).
- Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V.* Recognition of facial expressions in the near periphery of the visual field // Experimental psychology. 2013. — Vol. 6. — No. 2. — 58-83p. (in Russ.).
- Barabanshchikov V.A.* Eye tracking in psychological science and practice: collective monograph / rep. ed. V. A. Barabanshchikov. — Moscow: Cogito-Center, 2015. — 410p. (in Russ.).
- Bakhchina A.V., Alexandrov Yu.I.* The complexity of the heart rhythm during temporary systemic dedifferentiation // Experimental psychology. 2017. — Vol. 10. — No. 2. — 114-130p. DOI: 10.17759/exppsy.2017100210. (in Russ.).
- Bezdenezhnykh B. N.* Psychophysiological patterns of interaction of functional systems during the implementation of activities: dis. — Moscow: [Institute of Psychology RAS], 2004. (in Russ.).
- Gippenreiter Yu. B.* Movements of the human eye. — Moscow State University, 1978. (in Russ.).
- Zhegallo A. V.* Principles of parallel analysis of eye movements and speech production of the observer // History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences. — 2022. — 224-225p. (in Russ.).
- Nosulenko V.N.* Issues of integration of qualitative and quantitative methods in psychological research // Experimental psychology. — 2021. — T. 14. — No. 3. — 4-16p. (in Russ.).
- Savitskaya T.Yu., Nosulenko V.N., Aleksandrov Yu.I.* Dynamics of heart rate in individuals when assessing and describing emotionally charged images // Exp. psychol. 2020. — T. 13. — No. 1. — 5-19p. (in Russ.).
- Chernigovskaya T.V.* and others. The gaze of Schrödinger's cat: registration of eye movements in psycholinguistic studies / Chernigovskaya T.V., Alekseeva S.V., Dubasova A.V., Petrova T.E., Prokopenya V.K., Chernova D. A. / Under. ed. T.V. Chernigovskaya,

- T.E. Petrova. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 2018. 228 p. (in Russ.).
- Alexandrov Y.I., Sams M.E.* Emotion and consciousness: Ends of a continuum //Cognitive brain research. — 2005. — Т. 25. — №. 2. — 387-405p.
- Alexandrov Y. et al. Regression I.* Experimental approaches to regression //Journal of Analytical Psychology. — 2020. — Т. 65. — №. 2. — 345-365p.
- Baumeister R.F. et al.* Bad is stronger than good / Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. // Rev. General Psychol. 2001. — V. 5. — N 4. — 323-370c.
- Beatty J., Lucero-Wagoner B.* The pupillary system. — 2000.
- Bradley M.M., Lang P.J.* Measuring emotion: The Self-Assessment Manikin and the semantic differential // J. Behav. Therapy and Exp. Psychiatry. 1994. — V. 25. — 49-59p.
- Calvo M.G., Lang P.J.* Gaze patterns when looking at emotional pictures: Motivationally biased attention //Motivation and Emotion. — 2004. — Т. 28. — №. 3. — 221-243p.
- Chen S. et al.* Eye activity as a measure of human mental effort in HCI //Proceedings of the 16th international conference on Intelligent user interfaces. — 2011. — 315-318p.
- Coral M.P.* Analyzing cognitive workload through eye-related measurements: A meta-analysis: дис. — Wright State University, 2016.
- Jyotsna C., Amudha J.* Eye gaze as an indicator for stress level analysis in students //2018 International Conference on Advances in Computing, Communications and Informatics (ICACCI). — IEEE, 2018. — 1588-1593p.
- Knoblich G., Ohlsson S., Raney G.E.* An eye movement study of insight problem solving //Memory & cognition. — 2001. — Т. 29. — №. 7. — 1000-1009p.
- Lang P.J. et al.* Looking at pictures: Affective, facial, visceral, and behavioral reactions // Psychophysiology. — 1993. — Т. 30. — №. 3. — 261-273p.
- Marchewka A. et al.* The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database / Marchewka A., Żurawski Ł., Jednoróg K., Grabowska A. // Behav. Res. Methods. 2014. — V. 46. — N 2. — 596-610p.
- Niu Y. et al.* Visual and emotional salience influence eye movements //ACM Transactions on Applied Perception (TAP). — 2012. — Т. 9. — №. 3. — 1-18p.
- Nummenmaa L. et al.* Emotions promote social interaction by synchronizing brain activity across individuals //Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Т. 109. — №. 24. — 9599-9604p.
- R.-Tavakoli H. et al.* Predicting the valence of a scene from observers' eye movements // PloS one. — 2015. — Т. 10. — №. 9. — e0138198p.
- Skaramagkas V. et al.* Review of eye tracking metrics involved in emotional and cognitive processes //IEEE Reviews in Biomedical Engineering. — 2021. — Т. 16. — 260-277p.
- Zagermann J., Pfeil U., Reiterer H.* Measuring cognitive load using eye tracking technology in visual computing //Proceedings of the sixth workshop on beyond time and errors on novel evaluation methods for visualization. — 2016. — 78p.

Информация об авторах

Савицкая Татьяна Юрьевна, младший научный сотрудник, Институт психологии Российской Академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3598-4110>, e-mail: 032646@mail.ru

Жегалло Александр Владимирович, кандидат психологических наук, Старший научный сотрудник лаборатории системных исследований психики, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5307-0083>, e-mail: zhegallov@ipran.ru

Носуленко Валерий Николаевич, доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН); Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0591-2335>, e-mail: nosulenkovn@ipran.ru, valery.nosulenko@gmail.com

Александров Юрий Иосифович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий лабораторией психофизиологии имени В.Б. Швыркова, Институт психологии РАН (ФГБУН ИП РАН); Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2644-3016>, e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Information about the authors

Tatyana Y. Savitskaya, junior researcher Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (FGBUN IP RAS), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3598-4110>, e-mail: 032646@mail.ru

Alexander V. Zhegallov, candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (FGBUN IP RAS), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5307-0083>, e-mail: zhegallov@ipran.ru

Valery N. Nosulenko, doctor of Psychology, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (FGBUN IP RAS); Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0591-2335>, e-mail: nosulenkovn@ipran.ru, valery.nosulenko@gmail.com

Yuri I. Aleksandrov, doctor of Psychological Sciences, Professor, Academic of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory of Psychophysiology named after V.B. Shvyrkova, Institute of Psychology RAS (FGBUN IP RAS); Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2644-3016>, e-mail: yuraalexandrov@yandex.ru

Получена: 08.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 08.09.2023

Accepted: 30.09.2023

ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ С НАПРАВЛЕННОСТЬЮ НА СРАВНЕНИЕ СЕБЯ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ И САМО-СРАВНЕНИЕ

САВЧЕНКО Т.Н.^а, САМОЙЛЕНКО Е.С.^б

^{а, б} Институт психологии Российской академии наук (ИПРАН),
Москва, Россия

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи субъективного качества жизни с направленностью на сравнение человеком себя с другими людьми и само-сравнение. Обнаружены значимые взаимосвязи между общей направленностью на сравнение себя с разными категориями социальных референтов, направленностью на интра-субъектное сравнение, на сравнение себя с другими людьми по способностям и с точки зрения глобальной жизненной ситуации, с одной стороны, и субъективным качеством жизни и желаемой удовлетворенностью жизнью, с другой стороны. Направленность на субъектно-ориентированное сравнение и прежде всего на сравнение себя с самим собой, а также направленность на сравнение себя с другими людьми по способностям оказывают отрицательное влияние на СКЖ.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, субъективное благополучие, социальное сравнение, направленность на социальное сравнение.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Госзадания, проект № 0138-2023-0006 № ЕГИСУ НИОКТР 121041500254-5 «Личностные и коммуникативные детерминанты познавательных процессов». Министерство науки и высшего образования РФ.

Для цитаты: Савченко Т.Н., Самойленко Е.С. Взаимосвязь субъективного качества жизни с направленностью на сравнение себя с другими людьми и само-сравнение // Познавание и переживание. 2023. Т. 4 № 3. С. 18–31. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_02

Для контактов: Самойленко Е.С. samoylenko@ipran.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE AND THE TENDENCY TO COMPARE ONESELF WITH OTHER PEOPLE AND SELF-COMPARISON

TATYANA N. SAVCHENKO ^a, ELENA S. SAMOYLENKO ^b

^{a, b} Institute of Psychology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article presents the results of an empirical study of the relationship between subjective quality of life and a tendency to compare oneself with other people and self-comparison. Significant relationships were found between the general orientation on comparing oneself with different categories of social referents, the orientation on self-comparison, on comparing oneself with other people in terms of abilities and global life situation, on the one hand, and the subjective quality of life, on the other side. The comparison orientation and, above all, self-comparison as well as the orientation on comparing oneself with other people in terms of abilities, have a negative impact on the subjective quality of life.

Keywords: subjective quality of life, subjective well-being, social comparison, social comparison orientation.

Funding: This work was supported by the State Assignment (project No. 0138-2023-0006 «Personal and communicative determinants of cognitive processes». Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: *Tatyana N. Savchenko, Elena S. Samoylenko.* The relationship between subjective quality of life and the tendency to compare oneself with other people and self-comparison // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*, 2023. V. 4. No. 3, P. 18–31. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_02

Corresponding author: Elena S. Samoylenko, samoylenkoes@ipran.ru.

ВВЕДЕНИЕ

Субъективное качество жизни (СКЖ) рассматривается в современных работах как такой многомерный феномен, который включает эмоциональный (аффективный), когнитивный и ценностно-побудительный компоненты психики. По мнению Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной, СКЖ представляет собой одну из составляющих качества жизни, трехкомпонентную структуру интегральных объективных и субъективных показателей: качество природной среды, качество социальной среды и субъективное качество жизни (Савченко, Головина, 2006). Смыслообразующая функция СКЖ заключается в том, что оно имеет для личности ценностное значение, придает смысл и определяет цели будущего развития и жизнедеятельности (Папура, 2014).

Субъективное качество жизни понимается как индикатор, который характеризует интегральную оценку своей личности, целостное субъективное пере-

живание человеком своего бытия; показывает, насколько комфортно человек ощущает себя в социуме. СКЖ можно рассматривать в качестве одного из показателей процесса самопознания личности, характеризующего степень близости образов «Я-реального» и «Я-идеального» (Савченко, Головина, 2019).

Методический аппарат исследования СКЖ разнообразен (см., например, Pavot, 2018). Как отмечают исследователи (Arnold, 1991), не существует какого-то одного общепризнанного инструмента измерения этого конструкта, наряду с тем, что любой из них предполагает обращение в той или иной мере к самоотчетам людей об их качестве жизни (Awad et al., 1997). Среди существующих в зарубежной психологии способов оценки СКЖ и удовлетворенности жизнью можно отметить: интервью «Качество жизни» (Quality of Life, Lehman et al., 1988); Ланкаширский профиль качества жизни (Lancashire Quality of Life Profile, Oliver, 1991); Орегонский инструмент оценки качества жизни (Oregon Quality of Life instrument, Bigelow et al., 1991); Манчестерский краткий инструмент оценки качества жизни (Manchester Short Assessment of Quality of Life, Priebe et al., 1999); Шкалу оценки качества жизни и удовлетворенности (Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire, Endicott, 1990), адаптированную Е.И. Рассказовой. Глобальную удовлетворенность жизнью обычно измеряют с помощью опросника, разработанного Диенером (Satisfaction with Life Scale, SWLS; Diener et al, 1985).

Что касается опросников, используемых в отечественной психологии для оценки СКЖ, то одним из них является методика «Субъективное качество жизни» (СКЖ), разработанная Т.Н. Савченко и Г.М. Головиной и используемая для опросов разнообразных по социальному составу, образованию, профессиям и региональному проживанию людей (Головина, Савченко, 2013; Головина, Савченко, 1997, 2006; Савченко, Головина, 2010). Этот инструмент позволяет соотнести реальную и желаемую (идеальную) удовлетворенность разнообразными ценностными конструктами. В основе инструмента лежит предположение о существовании у человека представления об идеальном качестве жизни, которое определяется его ценностными ориентациями и реальной удовлетворенностью жизнью. Данная методика была модифицирована А.А. Папурой для диагностики СКЖ у подростков (Папура, 2014). На аналогичном подходе, касающемся ценностей, основана методика «Субъективное качество жизни личности», разработанная Т.В. Эксакусто и А.А. Заиченко (Эксакусто, Заиченко, 2012). Данные методические инструменты часто используются при изучении взаимосвязей субъективного качества жизни и ряда личностных характеристик, среди которых, например, нейротизм, экстраверсия и самооценка.

Еще одной такой личностной характеристикой, связь которой с СКЖ начинают в последнее время изучать, является направленность на социальное сравнение. Социальное сравнение в целом – это всеобъемлющий процесс сопоставления себя с другими людьми на межличностном и межгрупповом уровне (Wood, 1989), который является одним из важных источников получения информации о себе. Согласно теории социального сравнения Л. Фестингера (Festinger, 1954), у человека существует потребность в оценке собственных

мнений и способностей, и при отсутствии объективных способов такой оценки он прибегает к сравнению себя с другими людьми.

В социальном сравнении выделяют три основных когнитивных процесса: получение информации о других людях, более или менее осознанная ее обработка при соотнесении с собственным «Я» и реагирование на социальную информацию сравнительного плана. Получение информации о других людях происходит, во-первых, при более или менее целенаправленном поиске для сравнения определенных индивидов; во-вторых, при неожиданной встрече с индивидами, в процессе которой необходимо их проанализировать на предмет релевантности и сопоставимости с собственным «Я»; в-третьих, путем создания субъектом воображаемых образов людей, не существующих в реальности, с которыми он стремится себя сравнить (Wood, 1996). Обработка информации о других людях при соотнесении с собственным «Я» может выражаться либо в простой идентификации какого-то другого человека как обладающего похожими, лучшими или худшими характеристиками по сравнению с собственными характеристиками, либо в скрупулезном исследовании сходных и отличающихся характеристик. Этот процесс приводит, во-первых, к вынесению суждений или подтверждению имевшихся ранее убеждений, касающихся соотнесения себя и другого человека; во-вторых, к интерпретации относительных позиций себя и другого человека по некоторым атрибутам или общим размерностям (Wood, 1996). Завершающим этапом социального сравнения является то или иное реагирование, которое может иметь когнитивную (например, искажение или опровержение результатов сравнения), аффективную (например, возникновение чувства зависти или гордости) и поведенческую (например, конформное поведение или вхождение в некоторую социальную группу) формы (Wood, 1996).

Некоторые исследователи предлагают рассматривать социальное сравнение в более широком смысле, то есть не ограничивать его случаями сопоставления человеком себя с другими людьми, а включать в него так называемое сравнение во времени, которое человек осуществляет по отношению к самому себе: «Я» в настоящем и прошлом, «Я» в настоящем и будущем (Albert, 1977). Предлагается также относить к социальному сравнению и процессы сравнения человеком существующих у него в данный момент особенностей с гипотетическими особенностями, которые могли бы, но не присутствуют у него (Olson et al., 2000), а также с тем идеальным образом, к которому он стремится (Sanitioso et al., 2006).

Для более четкого дифференцирования видов социального сравнения предложена их систематизация (Самойленко, 2023), в рамках которой они сначала дифференцируются на субъектно-ориентированное сравнение, касающееся отдельных социальных объектов, одним из которых субъект в той или иной мере сам является; и сравнение, ориентированное на субъектно-релевантные социальные группы, к одной из которых принадлежит осуществляющий их сравнение субъект. Субъектно-ориентированное сравнение разделяется, в свою очередь, на интер-субъектное, в процессе которого субъект сравнивает себя с другими людьми; интра-субъектное, когда субъект осуществляет сравнение себя с самим собой (или само-сравнение). Сравнение, ориентированное на субъектно-релевантные социальные группы, дифференцируется на ин-групповое, ког-

да субъект сравнивает саму с собой группу, к которой он принадлежит; ин-аут групповое, когда субъект осуществляет сравнение ин-группы, частью которой он себя воспринимает, с внешней аут-группой, к которой он себя не причисляет. Субъектно-ориентированное сравнение и сравнение, ориентированное на субъектно-релевантные социальные группы, могут происходить либо в актуальном плане, либо иметь темпоральный характер, то есть заключаться в сопоставлении выраженности характеристик в настоящий момент с их выраженностью в прошлом и их предполагаемой выраженностью в будущем (Самойленко, 2023).

Среди методических инструментов измерения разнообразных характеристик социального сравнения (их обзор представлен, например, Самойленко, 2012, 2020) особое место занимают те, которые имеют отношение к такой индивидуальной особенности человека, как направленность на социальное сравнение или, другими словами, направленность на субъектно-ориентированное сравнение. Наиболее часто используется шкала INCOM (Iowa-Netherlands Comparison Orientation Measure), созданная Ф. Гиббонсом и А. Буунком (Gibbons, Buunk, 1999). Сравнительный анализ психометрических характеристик вариантов шкалы, разработанных для разных культур, дан в работах Савченко, Самойленко, Корбут (2019). В дополнение к данной шкале, касающейся сравнения человеком своих мнений и способностей с другими людьми, разработан русскоязычный опросник РООСС (Самойленко, 2012), относящийся к сравнению себя не только с другими людьми, но и себя с самим собой.

Эмпирические исследования показали, что в настоящий момент еще рано говорить об однозначном решении вопроса о взаимосвязи между СКЖ и социальным сравнением (обзор соответствующих исследований сделан в работах Самойленко, Савченко (2022). Определенный шаг в направлении изучения данного вопроса предпринят нами в эмпирическом исследовании, результаты которого представлены ниже.

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязей СКЖ с направленностью на субъектно-ориентированное сравнение.

В исследовании были сформулированы следующие гипотезы: 1. Респонденты с более высоким уровнем СКЖ характеризуются более низким уровнем выраженности факторов и общих показателей направленности на субъектно-ориентированное сравнение. 2. Отдельные факторы направленности на субъектно-ориентированное сравнение являются предикторами СКЖ.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании принимали участие студенты из различных вузов Москвы (81 человек), в возрасте от 17 до 35 лет.

Использовались три методики, одна из которых относилась к СКЖ, а две другие — к направленности на субъектно-ориентированное сравнение.

Методика «Субъективное качество жизни» (СКЖ) (Савченко, Головина, 2006) состоит из двух блоков, содержащих 20 одинаковых понятий, характери-

зующих основные жизненные ценности: высшее образование, здоровье, уверенность в завтрашнем дне; экология, спорт, профессия, домашние животные, стабильная обстановка в стране, питание, развлечение, любовь, работа, свое жилье, достойный круг общения, семья, полноценный отдых, материальное положение (достаток), духовные ценности, самоуважение и уважение окружающих, личная свобода. Используя шкалу от 1 до 10 (1 — полная неудовлетворенность; 10 — полная удовлетворенность), респондент должен определить в отношении каждой из этих ценностей сначала степень собственной реальной удовлетворенности ею в текущий момент (первый блок), а потом степень желаемой удовлетворенности ею (второй блок). Кроме того, необходимо оценить реальную общую удовлетворенность жизнью по шкале от 1 до 10. При обработке данных подсчитываются различия между шкальными оценками, вынесенными в отношении реальной и желаемой удовлетворенности каждой из ценностей. Сумма отклонений (различий) по всем ценностям характеризует суммарный показатель СКЖ. Анализируются: 1) показатели реального (сумма Р) и идеального (сумма И) качества жизни; 2) реальная общая удовлетворенность жизнью (Р-ОУЖ); 3) интегральный показатель СКЖ как среднее взвешенное отклонение субъективных оценок реального КЖ от желаемого КЖ по каждому понятию, входящему в структуру СКЖ.

Опросник INCOM (Gibbons, Buunk, 1999), адаптированный и валидизированный нами на разнообразной по возрасту русскоязычной выборке (Савченко, Самойленко, Корбут, 2019). Опросник INCOM состоит из 11 пунктов, содержащих утверждения, касающиеся сравнения мнений, способностей выполнять дела и успешности в социальном плане. Используя пятибалльную шкалу (1 — абсолютно не согласен; 5 — совершенно согласен), респонденты должны указать, насколько они согласны с утверждениями. В русскоязычном варианте опросника мы выделили три фактора: Фактор 1 — «Ориентированность на сравнение способностей», Фактор 2 — «Ориентированность на сравнение мнений», Фактор 3 — «Ориентированность на сравнение глобальной жизненной ситуации».

Опросник РООСС (Самойленко, 2012), который состоит из 12 утверждений, касающихся интер-субъектного сравнения, то есть соотнесения себя с другими людьми (знакомыми и незнакомыми), и интра-субъектного сравнения человеком себя в настоящем и в прошлом; себя в настоящем с таким, каким он хочет, может, боится быть в будущем; себя с таким, каким мог бы стать, но не стал, должен стать, но не стал; со своим идеальным «Я». Респонденты должны указать, как часто они осуществляют содержащиеся в утверждениях виды сравнения, используя пятибалльную шкалу (0 — никогда не сравниваю; 4 — сравниваю все время). В опроснике выделены 3 фактора: Фактор 1 объединяет вопросы, касающиеся сравнения себя с самим собой; Фактор 2 — вопросы, касающиеся сравнения себя со знакомыми людьми; Фактор 3 — вопросы, касающиеся сравнения себя с незнакомыми людьми.

По обоим опросникам, касающимся субъектно-ориентированного сравнения, подсчитывались общий показатель и показатели по каждому фактору. Каждый из показателей представляет собой сумму баллов по соответствующим

шкалам. Для анализа полученных данных использовались корреляционный и регрессионный анализ, метод структурных уравнений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Корреляционный анализ данных с помощью критерия Спирмена касался взаимосвязей между суммарными показателями реальной (Сумма Р) и идеальной/желаемой (Сумма И) удовлетворенности ценностными компонентами, реальной общей удовлетворенностью жизнью (Р-ОУЖ) и интегральным показателем СКЖ, с одной стороны, и интегральными показателями и показателями по каждому из трех факторов шкалы INCOM и опросника РООСС, с другой стороны.

Результаты корреляционных взаимосвязей (по критерию Спирмена) между показателями СКЖ и направленностью на интер-субъектное сравнение, оцениваемой по шкале INCOM и опроснику РООСС, позволяют говорить о наличии ряда значимых закономерностей (Таблице 1).

Таблица 1

Результаты анализа ранговых корреляций между показателями СКЖ и показателями направленности на интер-субъектное сравнение по шкале INCOM и опроснику РООСС

	Р-ОУЖ	Сумма Р	Сумма И	СКЖ
INCOM – Фактор 1	-0,16	-0,27*	0,09	-0,29*
INCOM – Фактор 2	-0,07	-0,05	0,19	-0,11
INCOM – Фактор 3	0,05	0,07	-0,21*	0,23*
INCOM – Интегр.	-0,10	-0,18	0,10	-0,18
РООСС – Фактор 1	0,09	-0,15	0,27*	-0,31*
РООСС – Фактор 2	-0,09	0,01	0,12	-0,12
РООСС – Фактор 3	-0,12	-0,15	0,04	-0,14
РООСС – Интегр.	0,01	-0,16	0,23*	-0,30*

*значимые корреляции по критерию Спирмена (при $p < 0,05$)

Показатель СКЖ оказался значимо (при $p < 0,05$) отрицательно (обратно) взаимосвязан с фактором 1 (-0,29) и положительно (прямо) – с фактором 3 (0,21) методики INCOM; а также с фактором 1 (-0,31) и интегральным показателем (-0,30) опросника РООСС. Субъективное качество жизни оказывается тем ниже, чем менее выражена направленность на интер-субъектное сравнение, с точки зрения глобальной жизненной ситуации, но тем более выражена направленность на интересубъектное сравнение по способностям, а также общая направленность на сравнение себя с разными категориями социальных референтов и, в частности, на интрасубъектное сравнение.

Не обнаружены значимые взаимосвязи между показателем реальной общей удовлетворенностью жизнью и показателями шкалы INCOM и опросника РООСС. При этом показатель реальной удовлетворенности ценностными компонентами жизни (Сумма Р) был значимо (при $p < 0,05$) отрицательно

взаимосвязан с фактором 1 INCOM (-0,27). При менее выраженной реальной удовлетворенностью ценностными компонентами жизни отмечена более выраженная направленность на интересубъектное сравнение по способностям.

Суммарный показатель идеальной/желаемой удовлетворенности ценностными компонентами жизни (Сумма И) был значимо (при $p < 0,05$) отрицательно взаимосвязан с фактором 3 INCOM (-0,21) и положительно взаимосвязан с интегральным показателем (0,23) и фактором 1 (0,27) опросника РООСС. Таким образом, обнаружено, что желаемая удовлетворенность ценностными компонентами жизни оказывается тем ниже, чем более выражена направленность на интересубъектное сравнение (с точки зрения глобальной жизненной ситуации) и чем менее выражена общая направленность на сравнение себя с разными категориями социальных референтов и, в частности, на интрасубъектное сравнение.

Таким образом, чем более выражены оцениваемые с помощью опросника РООСС общая направленность на сравнение себя с разными категориями социальных референтов и, в частности, направленность на интрасубъектное сравнение, тем ниже субъективное качество жизни и тем выше желаемая удовлетворенность жизнью.

Чем более выражены оцениваемые с помощью шкалы INCOM направленность на интересубъектное сравнение по способностям и чем менее выражена направленность на интересубъектное сравнение (с точки зрения глобальной жизненной ситуации), тем ниже субъективное качество жизни. При этом, чем менее выражена направленность на интересубъектное сравнение (с точки зрения глобальной жизненной ситуации), тем выше желаемая удовлетворенность жизнью.

Для подтверждения влияний субъектно-ориентированного сравнения на СКЖ мы построили регрессионные зависимости (линейные) как для общих показателей методик INCOM и РООСС, так и для составляющих их факторов.

Таблица 2

Результаты регрессии для зависимой переменной СКЖ от интегральных показателей INCOM и РООСС

	БЕТА	Ст.Ош. - БЕТА	В	Ст.Ош. - В	t(84)	p-знач.
Св.член			9,53	0,79	12,08	0,000
INCOM	-0,07	0,12	-0,02	0,03	-0,60	0,55
РООСС	-0,25	0,12	-0,05	0,02	-1,99	0,05

Уравнение линейной регрессии СКЖ от общих показателей INCOM и РООСС:

$$СКЖ = - 0,05*РООСС - 0,02* INCOM + 9,53$$

Наибольший вклад в СКЖ вносит интегральный показатель РООСС. При пошаговом исключении остается только один предиктор – интегральный показатель РООСС. Соответственно, уравнение выглядит так:

$$СКЖ = - 0,08*РООСС + 8,9$$

Таким образом, интегральный показатель РООСС влияет на уровень СКЖ, причем у респондентов с более низким уровнем интегрального пока-

зателя РООСС наблюдается более высокий уровень СКЖ. Т.е. можно утверждать, что для повышения субъективного качества жизни необходимо реже осуществлять сравнение себя с самим собой и с другими людьми.

Был также проведен регрессионный анализ влияния отдельных факторов РООСС и INCOM на СКЖ.

Результаты регрессионного анализа влияния отдельных факторов РООСС на СКЖ приведены в таблице 3.

Таблица 3

**Результаты регрессии для зависимой переменной СКЖ
от отдельных факторов опросника РООСС**

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Знч.
	B	Стд. Ошибка	Бета		
(Константа)	9,06	,44		20,66	,000
РООСС – Фактор 1	-,08	,03	-,26	-2,29	,02
РООСС – Фактор 2	-,01	,06	-,02	-,13	,89
РООСС – Фактор 3	-,07	,11	-,08	-,69	,49

Как показано в таблице 3, наибольший вклад в СКЖ вносит первый фактор – «ориентация на сравнение себя с самим собой», и далее третий – «сравнение себя с незнакомыми людьми», далее второй – «сравнение себя со знакомыми людьми».

Уравнение множественной линейной регрессии для СКЖ (зависимая переменная) от факторов РООСС:

$$СКЖ = - 0,08 * РООСС \text{ Фактор}1 - 0,07 * РООСС \text{ Фактор}3 - 0,01 * РООСС \text{ Фактор}2 + 9,1$$

При пошаговом исключении остается только Фактор, и уравнение приобретает вид:

$$СКЖ = - 0,08 * РООСС \text{ Фактор}1 + 8,9$$

Результаты регрессионного анализа влияния отдельных факторов INCOM на СКЖ приведены в таблице 4.

Таблица 4

**Результаты регрессии для зависимой переменной СКЖ от отдельных факторов
шкалы INCOM**

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Знч.
	B	Стд. Ошибка	Бета		
(Константа)	8,53	,98		8,68	,000
INCOM – Фактор 1	-,07	,04	-,24	-1,69	,07
INCOM – Фактор 2	,01	,05	,02	,14	,89
INCOM – Фактор 3	,08	,08	,13	1,02	,31

Как показано в таблице 4, наибольший вклад в СКЖ вносит Фактор 1 – «ориентированность на сравнение способностей»; далее Фактор 3 – «ориентированность на сравнение глобальной жизненной ситуации»; далее Фактор 2 – «ориентированность на сравнение мнений».

Уравнение линейной регрессии СКЖ от факторов INCOM:

$$СКЖ = 0,08 * INCOM_{Фактор3} - 0,07 * INCOM_{Фактор1} + 0,01 * INCOM_{Фактор2} + 8,5$$

При пошаговом исключении остается только Фактор1 INCOM – «ориентация на сравнение способностей», и уравнение приобретает вид:

$$СКЖ = - 0,09 * INCOM_{Фактор1} + 9,3$$

Таким образом, на СКЖ оказывают наибольшее отрицательное влияние интегральный показатель и первый фактор опросника РООСС, а также первый фактор шкалы INCOM.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Таким образом, в проведенном на выборке студентов исследовании было выявлено влияние факторов субъектно-ориентированного сравнения на СКЖ и построены регрессионные зависимости. Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы.

1. Чем более выражены оцениваемые с помощью опросника РООСС общая направленность на сравнение себя с разными категориями социальных референтов и, в частности, направленность на интрасубъектное сравнение, тем ниже субъективное качество жизни и тем выше желаемая удовлетворенность жизнью.
2. Чем более выражены оцениваемые с помощью шкалы INCOM направленность на интересубъектное сравнение по способностям и чем менее выражена направленность на интересубъектное сравнение (с точки зрения глобальной жизненной ситуации), тем ниже субъективное качество жизни. При этом, чем менее выражена направленность на интересубъектное сравнение (с точки зрения глобальной жизненной ситуации), тем выше желаемая удовлетворенность жизнью.
3. Оцениваемая с помощью опросника РООСС направленность на субъектно-ориентированное сравнение и, прежде всего, на сравнение себя с самим собой, а также оцениваемая с помощью шкалы INCOM направленность на сравнение себя с другими людьми по способностям оказывают отрицательное влияние на СКЖ.
4. Включение такого конструкта, как субъектно-ориентированное сравнение, в контекст исследований субъективного качества жизни необходимо при изучении механизмов и построении структурной модели СКЖ.

Мы предполагаем, что соотношения СКЖ и направленности на субъектно-ориентированное сравнение, измеряемые с помощью шкалы INCOM и опросника РООСС, могут более или менее различаться для разных страт ре-

спондентов, что обуславливает перспективу дальнейшей работы, связанную с включением в исследования респондентов других возрастных категорий.

Прикладное значение полученных результатов выражается в возможности их использования в консультационной деятельности и тренинговых программах, касающихся формирования и коррекции субъективного качества жизни.

Литература

- Головина Г.М., Савченко Т.Н. *Экология человека: восприятие качества жизни* // Психологическая наука: традиции, современное состояние и перспективы. Тезисы докладов научной конференции Института психологии. 1997. — 23с.
- Головина Г.М., Савченко Т.Н. Адаптация методик в исследовании субъективного качества жизни людей, работающих вахтовым методом // Прикладная юридическая психология. 2013. — № 3. — 41-50с.
- Папура А. А. Категория «качество жизни» в психологических исследованиях // Прикладная психология и психоанализ. 2014. — № 3.
- Савченко Т.Н. Методология исследования субъективного качества жизни // Прикладная юридическая психология. 2010. — №4, — 23-35с.
- Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. — М.: ИП РАН, 2006.
- Савченко Т.Н., Головина Г.М. Проблема качества жизни в трудовой деятельности // Прикладная юридическая психология. 2010. — № 1. — 32-51с.
- Савченко Т.Н., Головина Г.Н. Субъективное качество жизни: подходы, измерение. Разработка понятий в современной психологии. — Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019, — 595-614с.
- Савченко Т.Н., Самойленко Е.С., Корбут А.В. Сопоставление психометрических показателей инструментов измерения ориентированности на социальное сравнение // Экспериментальная психология. 2019. — Т. 12. — № 2. С— 112-130с.
- Самойленко Е.С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: дисс. ... д-ра психол. наук. — М, 2012.
- Самойленко Е.С. Основные методологические подходы к исследованию социального сравнения. // Познание и переживание. 2020. — Том 1. — № 1, — 55-71с.
- Самойленко Е.С. К проблеме систематизации видов сравнения в психологии // Познание и переживание. 2023. — Т. 4. — № 2. — 06-19с.
- Самойленко Е.С., Савченко Т.Н. Социальное сравнение как фактор субъективного благополучия // Социологические исследования. 2022. — №11. — 74-85с.
- Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Сравнительные исследования качества жизни // Прикладная юридическая психология. 2010. — № 4. — 8-22.
- Эксакусто Т.В., Заиченко А.А. Конструирование и апробация методики «субъективное качество жизни» // Вестник Санкт-Петербургского Университета, сер 12, вып. 4, 2012, — 64-75с.

- Albert S.* Temporal comparison theory // *Psychological review*. 1977. V. 84. № 6. P. 485–503.
- Arnold, S. B.* Measurement of quality of life in the frail elderly. // *R. P. Abeles (Ed.). The concept and management of quality of life in the frail elderly*. 1991. NY: Academic Press.
- Awad, G., Varuganti, L., & Heslegrave, R.* Measuring quality of life in patients with schizophrenia // *Pharmaco Economics*. 1997. V. 11. P. 32–47.
- Bigelow, D.A., McFarland, B. H. & Olson, M. M.* Quality of life of community mental health programme clients: validating a measure // *Community Mental Health Journal*. 1991. V. 27. P. 43–55.
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S.* The satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. V. 49. № 1. P. 71–75.
- Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human relations*. 1954. V. 7. P. 117–140.
- Gibbons F.X. and Buunk B.P. ()* Individual differences in social comparison: development of a scale of social comparison orientation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. № 1. P. 129–142.
- Lehman AF.* A quality of life interview for the chronically mentally ill // *Eval Program Plan*. 1988. V. 11. P. 51–62.
- Oliver, J.P.* The social care directive: development of a quality of life profile for the use in community services for the mentally ill // *Social Work & Social Science Review*. 1991. V. 3. P. 5–45.
- Olson J. M., Buhrmann O., Roese N.J.* Comparing comparisons. An integrative perspective on social comparison and counterfactual thinking // *Handbook of Social Comparison: Theory and Research*. J. Suls, Wheeler, L. New York, Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. P. 379–398.
- Pavot, W.* The cornerstone of research on subjective well-being: Valid assessment methodology. In E. Diener, S. Oishi, & L. Tay (Eds.), *Handbook of well-being*. Salt Lake City, UT: DEF Publishers. 2018.
- Priebe, S., Roeder-Wanner, U.U., Knight, S. & Evans, S.* Applications and results of the Manchester Short Assessment of Quality of Life (MANSA) // *International Journal of Social Psychiatry*. 1999. V. 45. P. 7–12.
- Sanitioso R.B., Conway M.A., Brunot S.* Autobiographical memory, the self, and comparison processes // *Social Comparison and Social Psychology: Understanding cognition, intergroup relations and culture*. S. Guimond. Cambridge, MA, Cambridge University Press. 2006. P. 55–75.
- Wood, J. V.* Theory and research concerning social comparisons of personal attributes // *Psychological Bulletin*. 1989. V. 106. P. 231–248.
- Wood J.V.* What is social comparison and how should we study it? // *Personality and social psychology bulletin*. 1996. V. 22. №5. P. 520–537.

References

- Golovina G.M., Savtchenko N.N.* Ekologiya tcheloveka: vospriyatie katchestva jizni // *Psikhologitcheskaya nauka: traditsii, sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Hu-

- man ecology: perception of quality of life // Psychological science: traditions, current state and prospects. Abstracts of reports of the scientific conference of the Institute of Psychology]. 1997. P.23. (In Russ.)
- Golovina G.M., Savtchenko N.N.* Adaptatsiya metodik v issledovanii subektivnogo katchestva jizni ludei, rabotauchikh vakhtovym metodom // Prikladnaya uriditcheskaya psikhologiya [Adaptation of methods in the study of the subjective quality of life of people working on a rotational basis // Applied law psychology] 2013. № 3. P. 41-50. (In Russ.)
- Eksakusto T.V., Zaitchenko A.A.* Konstruirovaniye i aprobatsiya metodiki "subektivnoe katchestvo jizni" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Construction and testing of the "subjective quality of life" methodology // Bulletin of St. Petersburg University] 2012. 12/4. P. 64-75. (In Russ.)
- Papura A.A.* Kategoriya «katchestvj zizni» v psikhologicheskikh issledovaniyakh [Category «quality of life» in psychological research]. [Electronic resource]. *Applied psychology and psychoanalysis: electron. Scientific journal*, 2014, № 3. URL:<http://ppip.idnk.ru> (accessed 03.04.2019). (In Russ.)
- Samoylenko E.S.* Process sravneniya v sistemakh poznaniya, obscheniya i lichnosti: diss...d-ra psikhol. nauk. M.: Institut psikhologii RAN, 2012. [Samoylenko E.S. The process of comparison in systems of cognition, communication and personality: diss. ... Dr. psikhol]. Sciences. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2012] (in Russ.).
- Samoylenko E.S.* Osnovnye metodologicheskie podkhody k issledovaniyu sotsialnogo sravneniya // Poznanie i perejivanie [Basic methodological approaches to the study of social comparison // Cognition and experience]. 2020. V. 1. № 1. P. 55-71.] (In Russ.)
- Samoylenko E.S.* K problem systematizatsii vidov sravneniya v psikhologii // Poznanie i perejivanie [On the problem of systematization of types of comparison in psychology // Cognition and experience]. V. 4. № 2. P. 06-19.] (In Russ.)
- Samoylenko E.S., Savchenko T.N.* Sotsialnoe sravnenie kak factor subektivnogo blagopolutchiya //Sotsiologicheskie issledovaniya [Social comparison as a factor of subjective well-being // Sociological Research] 2022. №11. P. 74-85.] (In Russ.)
- Savtchenko N.N.* Metodologiya issledovaniya subektivnogo katchestva jizni // Prikladnaya uriditcheskaya psikhologiya [Methodology for studying subjective quality of life // Applied law psychology] 2010. №4, P.23-35. (In Russ.)
- Savtchenko N.N., Golovina G.M.* Subektivnoe katchestva jizni: podkhody, metody, otsenki, prikladnye issledovaniya [Subjective quality of life: approaches, assessment methods, applied research] M: IP RAN, 2006. (In Russ.)
- Savtchenko N.N., Golovina G.M.* Problema katchestva jizni v trudovoi deyatel'nosti // Prikladnaya uriditcheskaya psikhologiya [The problem of quality of life in work // Applied law psychology]. 2010. № 1. P. 32-51.] (In Russ.).
- Savchenko T.N., Golovina G.N.* Subektivnoe katchestvo jizni: podkhody, izmereniya [Subjective quality of life: approaches, measurement] // Razrabotka ponyatij v sovremennoi psikhologii [Development of concepts in modern psychology] / In

- Editors A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova, G.A. Vilenskaya (eds). Moscow: Institute of Psychology RAS. 2019. V. 2. P. 595–614. (In Russ.)
- Savchenko T.N., Samoylenko E.S., Korbut A.V.* Sopostavlenie pskhometricheskikh pokazatelej instrumentov izmereniya orientirovannosti na sotsialnoe sravnenie // Eksperimentalnaya psikhologiya [Comparison of psychometric indicators of instruments for measuring social comparison orientation // Experimental psychology]. 2019. V. 12. № 2. P. 112–130. (In Russ.)
- Sotchiyko D.V., Savchenko T.N., Golovina G.N.* Sravnitelnye issledovaniya katchestva jizni // Prikladnaya uriditcheskaya psikhologiya [Comparative studies of quality of life // Applied law psychology]. 2010. № 4. P. 8–22. (In Russ.)

Информация об авторах

Савченко Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН, e-mail: savchenkotn@ipran.ru

Самойленко Елена Станиславовна, Доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии, ФГБУН Институт психологии РАН, e-mail: samoylenkoes@ipran.ru

Information about the authors

Savchenko Tatyana N., Dr. Sci. (Psychology), Chief Researcher, Laboratory of cognitive processes and mathematical psychology, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7980-3903, e-mail: savchenkotn@ipran.ru

Samoylenko Elena S., Dr. Sci. (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of cognitive processes and mathematical psychology, Institute of psychology, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-7980-3903, e-mail: samoylenkoes@ipran.ru

Получена: 27.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 27.09.2023

Accepted: 30.09.2023

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТЬ: АВТОРСКОЕ ПОНЯТИЕ, ГЕНЕЗИС, ТИПОЛОГИЯ

РОЗИН В.М.

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

В статье предложено авторское понятие личности, основанное на культурно-исторической реконструкции и методологическом подходе. Формулируются проблемы, позволяющие построить данное понятие: не является ли личность эпифеноменом; как осмыслить переход человека к самостоятельному поведению на рубеже конца 2-го, середины 1-го тысячелетий до н. э.; осмысление конфликта становящейся античной личности с социальным коллективом (полисом); объяснение фигур «Я» и «персоны»; проблема сборки личности на основе «конституирующей инстанции»; а также размножение концепций личности в культуре Нового времени. Начиная с эпохи Возрождения, на сцену выходят самые разные концепции личности: личность как «второй Бог» у Николая Кузанского; личность, поставленная в «центр мира», руководствующаяся собственными желаниями (Пико дела Мирандола); кантианская личность, балансирующая между «свободой над природной необходимостью» и следованием общественной морали и праву; творческая личность художников и ученых; религиозная и эзотерическая личность; конформистская личность; патологическая и преступная личность, и др. Намечаются четыре цикла становления и развития личности: 1) виртуальный (построение схемы и идеальных объектов, разрешающих проблемы, стоящие по поводу личности); 2) практикование нового понимания личности; 3) формирование личности как реального социального и психического феномена; 4) осмысление и исследование сложившегося феномена личности. В настоящее время личность переживает кризис, поэтому важно не только ее исследование, но и работа по формированию нового понятия личности, которое, с одной стороны, учитывало бы в плане осмысления сложившиеся концепции личности, с другой — было ориентировано на вызовы времени и проблемы становящейся культуры («фьючекультуры»).

Ключевые слова: личность, индивид, культура, история, реконструкция, модерн, понятие, становление, развитие, социальность.

Для цитаты: Розин В.М. Личность: авторское понятие, генезис, типология // Познание и переживание. 2023. Т. 4. № 3. С. 32–43. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_03

Для контактов: Розин Вадим Маркович, rozinvm@gmail.com

PERSONALITY: AUTHOR'S CONCEPT, GENESIS, TYPOLOGY

ROZIN V.M.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article proposes the author's concept of personality, based on cultural-historical reconstruction and a methodological approach. Problems are formulated that make it possible to construct this concept: is personality an epiphenomenon, how to comprehend the transition of a person to independent behavior at the turn of the end of the 2nd, middle of the 1st millennium BC. e., understanding the conflict between the emerging ancient personality and the social collective (polis), explaining the figures of "I" and "persona", the problem of assembling personality on the basis of a "constituent authority", as well as the proliferation of concepts of personality in the culture of modern times. Since the Renaissance, a variety of concepts of personality have appeared on the scene: personality as the "second God" of Nicholas of Cusa, personality placed at the "center of the world," guided by his own desires (Pico della Mirandola), Kantian personality balancing between "freedom over natural necessity" and adherence to public morality and law, the creative personality of artists and scientists, the religious and esoteric personality, the conformist personality, the pathological and criminal personality, etc. Four cycles of the formation and development of personality are outlined. The first, virtual, is the construction of a scheme and ideal objects that resolve problems regarding the individual. Second, practicing a new understanding of personality. Third, the formation of personality as a real social and mental phenomenon. The fourth stage, comprehension and research of the established personality phenomenon. Currently, personality is going through a crisis, so it is important not only to study it, but also to work on the formation of a new concept of personality, which, on the one hand, would take into account the existing concepts of personality in terms of comprehension, and on the other hand, would be focused on the challenges of the time and the problems of the emerging culture ("futurecultures").

Key words: personality, individual, culture, history, reconstruction, modernity, concept, formation, development, sociality.

For citation: Rozin V. M. Personality: author's concept, genesis, typology // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2023. V. 4. № 3. P. 32–43. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_03 (in Russ.).

Corresponding author: Vadim M. Rozin, rozinvm@gmail.com.

Сразу поясню, почему авторское понятие, а не общее. Дело в том, что в настоящее время понятие личности выглядит очень многозначным и нечетким: во-первых, разные исследователи и практики вкладывают в это понятия разное содержание, во-вторых, три важных в современном гуманитарном и социальном мышлении понятия — *личность*, *индивид*, *субъект* — плохо различаются, их смыслы пересекаются (Розин, 2020). Стараться непротиворечиво организовать

это поле смыслов и содержаний, конечно, можно, но опять же это будет еще одна из версий понятия «личность», и вряд ли остальные участники научной коммуникации согласятся «без боя» отказаться от своего понимания. Поэтому лучшей стратегией в современных условиях можно считать другую: не претендуя на общезначимость, сформулировать собственное понимание понятия «личность», отнестись к другим пониманиям этого понятия, выставить авторское понятие личности на свободное обсуждение и критику. Поскольку отношение к другим основным понятиям личности мы уже представили в книге «Личность и ее изучение» и нескольких статьях, сосредоточимся на решении первой задачи (Розин, 2021).

Учитывая состояние современной научной коммуникации, охарактеризуем сначала подход и методологию исследования личности (зная их, другие участники обсуждения смогут легче выработать отношение к авторскому понятию). Мы считаем, что понятия создаются в определенной научной дисциплине и, следовательно, подчиняются логике и нормам мышления этой дисциплины, кроме того, понятия описывают основные характеристики «идеальных объектов», которые строятся в данной дисциплине. Идеальный объект — это понятие «философии науки». В ней считается, что познание явлений осуществляется путем построения идеальных объектов, представляющих данные явления. В свою очередь, идеальным объектам исследователь приписывает такие свойства (Кант приписывает «a priori», а я, разрешая познавательные проблемы, следуя определенной методологии), которые позволяют мыслить непротиворечиво, решать проблемы по-новому, осмысливать эмпирический материал (факты) (Розин, 2023, с. 59-60). В данном случае в качестве научной дисциплины выступает авторский вариант персонологии, а нормы задаются «методологией с ограниченной ответственностью» (Розин, 2017, с. 56-71).

Проблемы, которые встали передо мною и которые я решал, создавая идеальные объекты, были связаны, с одной стороны, с предложенными мною методологией и генезисом личности (в основном, с филогенезом, частично — с онтогенезом), с другой — с философской и научной полемикой по поводу сущности личности. Охарактеризую кратко эти проблемы.

1. Не является ли личность эпифеноменом, как в свое время полемично утверждал мой учитель Г.П. Щедровицкий. «Со всех сторон», — говорил он, — я слышу: человек! ...личность! ...Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипотеза и материализация, организм мысли. И ничего больше... Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент (мне было тогда лет двадцать) я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление, что это моя ценность и моя, как человека, суть... Все наше поведение — это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*» (Щедровицкий, 1994, с. 9, 12).

И это при том, что сам Щедровицкий был яркой личностью. Однако именно так, вероятно, он себя ощущал — гипостазой и материализацией социокультурных форм (будем это неиндивидуальное, культурно-историческое целое называть «социальным»).

В отличие от своего учителя, я всегда принимал два начала — личность и социальное целое, считая, что, начиная с античности, особенности европейской культуры определяются взаимодействием этих двух начал. Всякая личность является не только социальным субъектом, но и составляющей, а иногда и точкой роста культуры. Например, тот же Щедровицкий, с одной стороны, был законопослушным гражданином (и в этом смысле — полноценным социальным субъектом), а с другой стороны, он был зачинателем дискурсивности в методологии, т.е. точкой роста культуры. Эту вторую свою ипостась он выстраивал, реализуя себя как личность.

Как личность, индивид обусловлен не только социальным целым (и культурой), но собственной, имманентной конституцией. Хотя последняя складывается в ходе решения проблем культуры, которые часто осознаются как личностные проблемы. Это решение определяется индивидуальными особенностями и творчеством человека. В результате и складывается личность — второе целое наряду с социальным целым. Мыслил Щедровицкий, следуя нормам и природе мышления, но следовал он им не как другие, а сообразно своей личности, ее особенностям и проблемам. В Щедровицком мышление обретало свое новое бытие — личностное, «щедровитянское», и поскольку Щедровицкий оказывал большое влияние на людей и было много его последователей, щедровитянский след остался в мышлении. Как, впрочем, и следы других больших мыслителей (Платона, Аристотеля, Канта, Маркса, Фрейда...).

2. Как осмыслить переход человека к самостоятельному поведению на рубеже конца 2-го середины 1-го тысячелетий до нашей эры? Для личности характерно именно самостоятельное поведение, но до античной культуры социальность была устроена таким образом, что самостоятельность отдельного человека не допускалась. Начиная с конца 2-го тысячелетия, имеет место глубокий кризис культуры Древних царств, повлекший за собой разочарование в богах, которые, по убеждению древних, должны были направлять и поддерживать людей (Клочков, 1983, с. 85, 108, 120, 122, 149). Как следствие, отдельные индивиды отказываются от опоры на богов, переключаясь на самостоятельное поведение; необходимое условие подобной трансформации — построение «приватных схем», позволяющих выйти на *собственное понимание мира и себя в нем*. Другими словами, начинается процесс становления античной личности.

С точки зрения познания, этот процесс я задаю уже как построение в филогенезе идеальных объектов. В свою очередь идеальные объекты строятся с опорой на схемы, которые изобретаются индивидами с целью решения возникающих в культуре проблем. Схемы задают понимание происходящего и новую реальность, последняя в рамках мышления может быть представлена и осмыслена с помощью идеальных объектов. Например, в «Пире» Платон устами

своего героя Аристофана сначала строит схему андрогинов. Андрогины Зевс разрезал на половинки (эти половинки уподобляются влюбленным) и разбросал по всему свету, но каждая половинка стала искать другую свою часть. Затем на основе этой схемы Аристофан дает определение новой любви, а именно, любовь — это поиск своей половины и стремление к целому (именно определение задает любовь как идеальный объект) (Розин, 2015, с. 18).

В онтогенезе речь идет о процессе становления личности на этапе завершения «культуры детства» и требования самостоятельности, идущего от родителей и других взрослых (Розин, 2015а).

3. Осмысление конфликта становящейся античной личности с социальным коллективом (полисом). Переходя к самостоятельному поведению, индивид выходит на представления о мире и себе, не совпадающие с общепринятыми в полисе. В результате — социальный конфликт, который разрешается за счет компромисса с обеих сторон. Формируются «лично ориентированные» практики (античное судопроизводство, искусство, платоническая любовь, мышление), в рамках которых личность адаптируется к требованиям общества (полиса), а последнее идет на уступки. Если на заре античности Сократа приговаривают к смерти, то на излете — Апулей выигрывает судебный процесс, хотя он высказывает личные убеждения, ссылаясь на пример Сократа и говоря, что главное, «по каким принципам человек решил прожить свою жизнь».
4. Формирование в поздней античности фигуры «Я». Античное «Я» осознается, с одной стороны, как «персона», обладающая правом (владеть собственностью, представлять себя в суде), с другой — как роль в социальном общении (для нее моделью выступила «маска», роль в античном театре). В «Метаморфозах» Апулея герой Луций в силу трагикомических обстоятельств оказался в теле осла, однако, он осознает свое «Я» как человек и пытается обратиться к гражданам с просьбой о спасении (Апулей, 2022). Здесь «Я» истолковывается уже не только как социальная роль, представляющая индивида, но и как «внутреннее начало», претендующее на *управление* поступками. Такие свойства личности, как «Я», социальная роль, внутреннее управление — это еще одни характеристики становящейся личности как идеального объекта.
5. Анализ поведения и поступков св. Августина, о которых тот рассказывает в «Исповеди». «Между тем, — вспоминает Августин, — во мне родилась новая воля — служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобой, Боже мой, как единственным источником истинных наслаждений. Но эта воля была еще так слаба, что не могла победить той воли, которая господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... Я одобрял одно, а следовал другому... Но да исчезнут от лица Твоего, Боже... те, которые, видя две воли в борьбе духа нашего, утверждают, что в нем существуют два духовных начала противоположного естества: одно — доброе, а другое — злое.

Питая такие нечестивые мысли, они сами признают себя злыми; между тем могли бы быть добрыми, если бы отказались от этих мыслей» (Августин, 1992, с. 103-108).

Получается, чтобы личность могла эффективно действовать, ее сознание и воля должны быть целостными, собирая в единство отдельные частичные «Я», сложившиеся в предыдущем развитии. Можно предположить, что необходимым условием становления личности выступает формирование особой «конституирующей» инстанции психики, обеспечивающей периодическую сборку целостного «Я». Августин вспоминает о таком периоде своего развития, где эта инстанция только складывалась.

6. Эта проблема относится уже к Новому времени, когда личность была поставлена на формирование общества. Спрашивается, какими чертами она была наделена, чтобы служить одновременно себе и обществу? Кант отвечает, что, с одной стороны, личность «есть свобода над природной необходимостью» (последнюю, как мы видим, впервые обсуждает Августин), с другой стороны, чтобы служить обществу и другим, личность должна следовать долгу и морали, корректируемым разумом. «Это, — пишет великий немецкий философ, — не что иное, как *личность*, то есть свобода и независимость от механизма всей природы, рассматриваемая вместе с тем как способность существа, которое подчинено особым, а именно, данным его же собственным разумом, чистым практическим законам... Моральный закон *священен* (ненарушим). Человек, правда, не так уж свят, но *человечество* в его лице должно быть для него священо» (Кант, 1997, с. 509-511). В разные периоды модерна и в разных типах социальности соотношение свободы и следования социальным нормам (морали, праву, законам) было различным, от полного подчинения личности государству (в тоталитарных типах) до своеобразной анархии в революционные времена.

7. Осмысление и объяснение разных типов личности. Личность в Новое время — это популятивный (множественный феномен): эмпирически мы наблюдаем «уникальную личность» типа Сократа или А. Швейцера, «массовую личность», принимающую решения согласно общепринятым обычаям и правилам, «асоциальную личность» (в том числе «патологическую»), «религиозную и эзотерическую личность», и др. (см. подробнее нашу работу «Психическое заблуждение как тренд развития личности и состояния культуры» (Розин, 2018).

В XX столетии, помимо становления личности посредством ее самости (как писал Фихте, она строит сама себя), личность начинают сознательно формировать в различных практиках (психоанализе, нейролингвистическом программировании, идеологически ориентированных СМИ, образовании и др.). Пионером здесь был З. Фрейд, разработавший метод замаскированного внушения. «Видимо, неслучайно, — пишет А. Сосланд, — история психотерапии началась с гипноза... Принцип невмешательства, введенный в терапевтический обиход, создает иллюзию минимального участия терапевта...» (Сосланд, 1999, с. 233, 258). Предлагая субъекту вполне определенные схемы и истолко-

ывая с их помощью проблемы и особенности личности этого субъекта, удается на время или более длительный срок определить его поведение и поступки. Внешне это выглядит таким образом, что происходит целенаправленное формирование личности. Но так ли это на самом деле? Проблема заключается в том, действительно ли внушенные структуры могут вытеснить естественно сложившиеся (изменить последние или образовать с ними симбиоз), и если могут, то при каких условиях?

Думаю, целенаправленное формирование личности образует один из контекстов кризиса личности модерна, другие — кризис личностно ориентированных практик, прежде всего, права и мышления, а также институтов семьи, школы и государства, особенно последнего, учитывая, что государство с самого начала своего формирования пыталось поставить личность под свой контроль. «Каждое европейское, а впоследствии — и любое другое, государство после 1798 г., — пишет Мартин Кревельд, — хотело быть уверенным, что повседневная деятельность населения находится под его контролем и, насколько это возможно, служит целям этого самого государства. Важнейшим средством достижения этого стали полиция и тюремный аппарат, системы образования и социального обеспечения <...> Государство не только использовало науку и технологию для расширения своих возможностей, для ведения войн с другими государствами, но те же самые средства применялись им для усиления контроля над каждым квадратным дюймом территории страны и над жизнью каждого подданного» (Кревельд, 2011, с. 165-166, 209-210).

Если подвести черту под проблематизацией личности и определением характеристик личности как идеального объекта (постановка проблем, как известно, процесс открытый), то авторское понятие личности включает в себя следующие характеристики: личность находится в сложных отношениях с социальным целым; для нее характерно самостоятельное поведение, построение приватного мира и себя в нем; личность связана с социальным целым посредством личностно ориентированных практик; организованность ее психики и сознания предполагают фигуру «Я» и конституирующую инстанцию, обеспечивающие единство личности; личность популятивный и формируемый феномен; наконец, в настоящее время она переживает кризис.

Можно заметить, что такое понимание личности частично отражено в ряде ее определений, ближе всего в понимании личности — В.С. Библер, Фихте, А.Н. Леонтьев, З. Бауман. Продемонстрированное здесь, так сказать, личностное понимание личности заставляет обсуждать возможность множественного ее существования. Сделаем это на примере понимания любви, как одной из личностно ориентированных практик.

Первоначально в «Пире» Платон решает проблему любви для становящейся античной личности в семиотической плоскости: он создает схемы и идеальные объекты, разрешающие данную проблему. Другими словами, на этом этапе платоническая любовь — это виртуальный феномен. Поскольку схемы «Пира» приглянулись античной личности, начинается с использованием этих схем практикование платонической любви (второй этап). В результате скла-

дывается платоническая любовь уже как реальный социальный феномен, как новая практика любви (третий этап). Она начинает осмысливаться и изучаться (четвертый этап). Таков, на наш взгляд, цикл становления и развития социальных явлений, в том числе и личности.

Второй цикл становления и развития любви был связан с преодолением недостатков конструкции платонической любви. Платон таким образом задал любовь, что в ней в значительной степени оказался элиминированным чувственный аспект, кроме того, высшая форма любви, по Платону, — это любовь не к женщине, а к прекрасному юноше. В Средние века в куртуазной любви эти два недостатка были преодолены, причем сначала именно в семиотической плоскости. В любовных куртуазных текстах культивировалась и чувственная сторона любви, и образ прекрасной дамы. «Тот, — читаем мы в средневековом тексте «Донна, я принадлежу вам», — кто чувствует склонность к даме и часто посещает ее, не смея, однако, убеждать ее, является робким «таящимся». Но если дама выказала ему уважение и настолько обнадежила его, что он решился высказать ей свою просьбу, он становится «молящим». Если же уговорами он добился того, что она дарит его шнуром, поясом или перчаткой, или каким-нибудь другим именем, малым или большим, он поднимается на ступень «поклонника». Если же она полюбит своего поклонника и ей угодно будет, целуя, даровать ему свою любовь и уложить его с собой под одеяло, он возводится в степень «друга» (Фридман, 1965). Дальше последовали три указанных выше этапа: практикование рыцарями куртуазной любви, становление ее как реального социального феномена, осмысление и изучение этой новой практики любви.

Третий цикл становления и развития любви относится уже к Новому времени. Здесь, опираясь на концепции платонической и куртуазной любви, сначала были построены две основные концепции: в романах Драйзера «американской любви», предполагающей смену в браке партнеров, и целой серии концепций «романтической любви». Складывается индивидуальный опыт любовного поведения и переживания, который часто декларируется и манифестируется как норма, как природа любви. Так, если одни индивиды возвышают любовь, то другие принижают; одни считают несовместимыми брак и любовь, другие высказываются за их союз; одни исключают из «настоящей любви» половое влечение, другие считают, что без него, без этой «химии» любовь не существует, и т.д. Кроме того, любовь в культуре Нового времени — это своеобразный объект изучения, предмет знаний и размышлений. А раз так, то любви приписываются определенные свойства и характеристики, вытекающие из рассуждений о любви, которые, естественно, разные. Любовь соотносится в мысли с другими явлениями и характеристиками человека. Став предметом познания, любовь превращается в идеальный объект. Еще один момент: любовь психологизируется, что связано с новоевропейским пониманием любви как определенной формы поведения и качеств новоевропейской личности. Ни Афродита, ни христианский Бог больше не ответственны за любовь, только сам человек, его характер, убеждения, темперамент, склонности, потребности» (Розин, 2006, с. 141-153). В новоевропейской культуре (в социологии

часто называемой «модерном») любовь — это уже популятивный (множественный в бытийном отношении) феномен.

По тем же самым культурным сдвигам просматриваются и циклы понятия личность. В античной культуре личность только становится, здесь для нее главное — конституирование приватного мира и себя в нем, а также выработка отношения с полисом. В Средние века складывается христианская личность, для которой центральная проблема — баланс отношений с Богом, что, например, хорошо видно в знаменитых письмах «Элоизы к Абеляру». «Во всю свою жизнь, — пишет Элоиза, — что бы ни происходило, я больше боюсь обидеть тебя, чем Бога; больше жажду угодить тебе, чем ему. Я стала монахиней не ради божественной любви, а по твоей воле... Бог ведает, что я точно так же, ничуть не сомневаясь, по твоей воле последовала бы за тобой или упредила бы тебя, даже если бы ты поспешил во владения Вулкана, ибо душа моя была не со мной, а с тобой! Даже и теперь, если она не с тобой, то ее нет нигде: поистине без тебя моя душа никак существовать не может <...> В каком бы уголке неба ни поместил бы меня Бог, я буду довольна. Ведь там никто никому не будет завидовать, а каждый будет довольствоваться тем, что у него есть» (Абеляр, 1959, с. 70, 87, 88).

В новое время на сцену выходят самые разные концепции личности: личность как «второй Бог» у Николая Кузанского; личность, поставленная в «центр мира», руководствующаяся собственными желаниями (Пико дела Мирандола); кантианская личность, балансирующая между «свободой над природной необходимостью» и следованием общественной морали и праву; творческая личность художников и ученых; религиозная и эзотерическая личность; конформистская личность; патологическая и преступная личность, и др. (см. также Розин, 2018, 2021).

Поскольку в настоящее время личность переживает кризис, важно не только ее исследование, но и работа по формированию нового понятия личности, которое бы, с одной стороны, учитывало в плане осмысления сложившиеся концепции личности, с другой — было ориентировано на вызовы времени и проблемы становящейся культуры («фьючекультуры»). Предполагаю, что представленное здесь авторское культурно-историческое и методологическое понятие личности должно помочь в формировании указанного нового понятия личности.

Литература

- Абеляр П. История моих бедствий. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — 256с.
- Августин Аврелий Исповедь. — М.: МНПП «Гендальф»: МЭТ-ООО, Б. г., 1992. — 541с.
- Апулей Л. Метаморфозы, или Золотой осел. — М.: Азбука, 2022. — 448с.
- Кант И. Критика практического разума / Кант И. соч. в 4 т. Т. 3. — М.: Московский философский фонд, 1997. — 784с.
- Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. — М. Наука, 1983. — 207с.

- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. — М.: Ирисэн, 2011. — 544с.
- Розин В.М.* Личность и ее изучение. — М.: URSS, 2021. — 230с.
- Розин В.М.* Образование в эпоху Интернета и индивидуализации. — М.: Новый хронограф, 2020. — 200с.
- Розин В. М.* История и философия науки: учебное пособие для вузов / В. М. Розин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 414с.
- Розин В.М.* Единство и различия антропологических понятий «субъект», «личность», «индивид», «Я» // «Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью» — развитие личности; становление субъектности; формирование self skills» / Материалы XIII Международной научно-практической конференции (XXV Всероссийской научно-практической конференции). — М.: Ресурс, 2020.
- Розин В.М.* Замысел методологии с ограниченной ответственностью / Розин Возобновление методологии: Открытые письма, адресованные последователям Московского методологического кружка. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 56-87с.
- Розин В.М.* Психическое заболевание как тренд развития личности и состояния культуры. — М.: URSS, 2018. — 252с.
- Розин В.М.* «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. URSS. 2015. — 200с.
- Розин В.М.* Философско-педагогические этюды. Изд. ПГТУ. — Йошкар-Ола, 2015. — 184с.
- Розин В.М.* Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. — М.: МПСИ, 2006. — 464с.
- Сосланд А.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. — М., 1999. — 368с.
- Щедровицкий Л.П.* Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. — № 1-2.
- Фридман Р.А.* «Кодекс» и «законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров // Уч. Зап. Рязанский ГПИ. — М., 1965. — Т.34.

Reference

- Abelyar P.* Istoriya moih bedstvij [History of my disasters]. Moscow: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1959. 256 p.
- Avgustin Avrelij* Ispoved' [Confession]. Moscow: MNPP «Gandalf»: «MET-OOO, B., 1992. 541 p.
- Apulej L.* Metamorfozy, ili Zolotoj osel [Metamorphoses, or the Golden Ass]. Moscow: Azbuka, 2022. 448 p.
- Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma [Critique of practical reason]/ Kant I. op. in 4 volumes. T. 3. Moscow: Moscow Philosophical Foundation, 1997. 784 p.
- Klochkov I.S.* Duhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya [Spiritual culture of Babylonia: man, fate, time]. Moscow: Nauka, 1983. 207 p.
- Krevel'd M.* Rascvet i upadok gosudarstva [The Rise and Decline of the State]. Moscow: Irisen, 2011. 544 p. Irisen, 2011. 544 p.

- Rozin V.M.* Lichnost' i ee izuchenie [Personality and its study]. Moscow: URSS, 2021. 230 p.
- Rozin V.M.* Obrazovanie v epohu Interneta i individualizacii [Education in the era of the Internet and individualization]. Moscow: New Chronograph, 2020. 200 p.
- Rozin, V. M.* Istoriya i filosofiya nauki : uchebnoe posobie dlya vuzov [History and philosophy of science: textbook for universities] / V. M. Rozin. — 2nd ed., rev. and additional — Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. — 414 p.
- Rozin V.M.* Edinstvo i razlichiya antropologicheskikh ponyatij «sub»ekt», «lichnost'», «individ», «YA» [Unity and differences of anthropological concepts “subject”, “personality”, “individual”, “I”] // «T'yutorstvo v otkrytom obrazovatel'nom prostreanstve: yazyki opisaniya i raboty s «samost'yu» — razvitie lichnosti; stanovlenie sub»ektnosti; formirovanie self skills» / Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (XXV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii) [“Tutoring in an open educational space: languages of description and work with the “self” - personality development; formation of subjectivity; formation of self skills» / Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference (XXV All-Russian Scientific and Practical Conference)]. Moscow: Resurs, 2020.
- Rozin V.M.* Zamysel metodologii s ogranichennoj otvetstvennost'yu / Rozin Vozobnovlenie metodologii: Otkrytye pis'ma, adresovannye posledovatelyam Moskovskogo metodologicheskogo kruzhka [The idea of a limited liability methodology / Rozin Renewal of methodology: Open letters addressed to followers of the Moscow Methodological Circle]. Moscow: LENAND, 2017. Pp. 56-87.
- Rozin V.M.* Psihicheskoe zabolevanie kak trend razvitiya lichnosti i sostoyaniya kul'tury [Mental illness as a trend in the development of personality and the state of culture]. Moscow: URSS, 2018. 252 p.
- Rozin V.M.* «Pir» Platona: Novaya rekonstrukciya i nekotorye reminiscencii v filosofii i kul'ture [Symposium” of Plato: New reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture]. Moscow: URSS. 2015. 200 p.
- Rozin V.M.* Filosofsko-pedagogicheskie etyudy [Philosophical and pedagogical studies]. Ed. PSTU. Yoshkar-Ola, 2015a. 184 p.
- Rozin V.M.* Lyubov' v zerkalah filosofii, nauki i literatury [Love in the mirrors of philosophy, science and literature]. Moscow: MPSI, 2006. 464 p.
- Sosland A.* Fundamental'naya struktura psihoterapevticheskogo metoda, ili kak sozdat' svoju shkolu v psihoterapii [Fundamental structure of the psychotherapeutic method, or how to create your own school in psychotherapy]. Moscow, 1999. 368 p.
- Shchedrovickij L.P.* Sladkaya diktatura mysli [Sweet dictatorship of thought] // Voprosy metodologii [Questions of methodology]. 1994. № 1–2.
- Fridman R.A.* «Kodeks» i «zakony» kurtuaznogo sluzheniya dame vlyubovnoj lirike trubadurov [“Code” and “laws” of courtly service to a lady in love lyrics of troubadours] // Uch. Zap. Ryazanskij GPI [Teaching. Zap. Ryazan State Pedagogical Institute]. — Moscow, 1965. — T.34.

Информация об авторах

Розин Вадим Маркович, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4025-2734>, e-mail: rozinvm@gmail.com

Information about the authors

Rozin Vadim M., Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4025-2734>, e-mail: rozinvm@gmail.com

Получена: 06.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 06.09.2023

Accepted: 30.09.2023

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ИНТОНИРОВАННОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ КАК «ПЕРЕХОДНЫЙ ОБЪЕКТ» В ТЕРАПИИ МУСИЧЕСКИМИ ИСКУССТВАМИ

ТОРОПОВА А.В.^{a, b, c}

^a Высшая школа экономики, Москва, Россия

^b Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

^c Московский институт психоанализа, Москва, Россия

Статья обращена к аргументации построения методологии музыкальной терапии и терапии мусическими искусствами на основе понимания схожести феноменов – *переживания и интонирования*, которые взаимосвязаны в своей *процессуальности* и неразрывны как непосредственный внутренний опыт и его внешний знак. Раздел «*Методологические основания связи феноменов переживания и интонирования*» раскрывает ход размышлений автора, отталкивающегося от идей Б.В. Асафьева, Л.С. Выготского, Ф. Е. Василюка, У. Джемса, С.Л. Рубинштейна, Д. Винникотта, и др. Представлен авторский тезаурус и даны определения основным понятиям, создающим концептуальный каркас подхода в понимании сущности музыкальной терапии; раскрыт генезис интонационных знаков и архетипов интонированного переживания; поднимается проблема приверженности музыкальной терапии клиента в свете истоков индивидуального стиля интонирования. Предложенные методологические основания музыкальной терапии позволяют обозначить единицы феноменологического анализа картины внутренних переживаний субъекта по выявленным внешним признакам интонированного переживания.

Ключевые слова: интонированное переживание, музыкальная терапия, терапия мусическими искусствами, переходный объект.

Для цитаты: *Торопова А.В.* Интонированное переживание как «переходный объект» в терапии мусическими искусствами // *Познание и переживание*. 2023. Т. 4. № 3. С. 44–56. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_04

Для контактов: Торопова А.В., allatoropova@list.ru

INTONATED EXPERIENCE AS A «TRANSITIONAL OBJECT» IN MUSIC THERAPY

ALLA V. TOROPOVA A, B, C

^a Higher School of Economics, Moscow, Russia

^b Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

^c Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia

The article addresses the argument for constructing a methodology for music therapy and therapy with the musical arts based on an understanding of the similarity of phenomena – experience and intonation, which are interconnected in their processivity and inseparable as direct internal experience and its external sign. The section on the methodological basis for the connection between the phenomena of experience and intonation reveals the author's course of thought, based on the ideas of B.V. Asafiev, L.S. Vygotsky, F.E. Vasilyuk, W. James, S.L. Rubinstein, D. Winnicott, etc. The author's thesaurus is presented and definitions are given to the basic concepts that create the conceptual framework of the approach in understanding the essence of music therapy. The genesis of intonational signs and archetypes of intoned experience is revealed. The problem of the client's adherence to music therapy is raised in the light of the origins of the individual intonation style. The proposed methodological foundations of music therapy make it possible to identify units of phenomenological analysis of the picture of the subject's internal experiences based on the identified external signs of intoned experience.

Keywords: intonated experience, music therapy, transitional object.

For citation: *Toropova A.V.* Intonated experience as a «transitional object» in music therapy // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2023. V. 4. № 3. P. 44–56. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_04 (in Russ.).

Corresponding author: Alla V. Toropova, allatoropova@list.ru

ВВЕДЕНИЕ

Категория «*переживание*» несет в себе нагруженность смыслами, которые выходят за рамки профессиональной терминологии психолога. *Переживание как понятие* охватывает разнообразную палитру *проживания* человеческого бытия в его *процессуальности* и *дискретности кризисных остановок*, как блокировок естественного течения жизни. *Переживание (как феномен)* принадлежит всем – и психологам, и не психологам. Опыт переживаний человека в самых разных жизненных обстоятельствах является основным содержанием всех искусств, а искусствоведы изучают языки и формы отражения переживаний в образах искусства, средствах выразительности, способных обеспечить сопереживание зрителей и слушателей. И, конечно, переживание и способы его предъявления есть тот материал, с которым работает психолог в консультативной и терапевтической практике.

В этой статье автор раскрывает свое понимание механизмов действительности терапии мусическими искусствами и, в частности, музыкальной терапии через обращение к связи категории и феномена «*переживание*» с категорией и феноменом «*интонирование*».

Методологические основания связи феноменов «переживание» и «интонирование»

Задачу выделения психологической дефиниции «переживание», как известно, в качестве единицы анализа психической жизни человека обозначил Л.С. Выготский (Выготский, 1982). В его трудах появляется и мысль о разграничении переживания и знака этого переживания, что побудило появление дальнейших размышлений психологов о знаково-символической функции сознания (Зинченко, 2010; Мухина, 2013).

Обращение к исследованию знаково-символической функции и слоя сознания является актуальным как для теоретических оснований понимания путей расшифровки в индивидуальном сознании знаков и символов языков искусств, так и для построения методологических моделей работы с переживанием как с феноменом, поддающимся категоризации и операционализации через его представленность для себя и предъявленность для других в знаке, который имеет свою «материю», изоморфную переживанию. Развитие (вслед за Л.С. Выготским и Ф. Е. Василюком (Василюк, 2016)) идеи операционализации категории «переживание» привело автора этой статьи к пониманию значимости выделения *наблюдаемого слоя в феномене переживания*. Таким знаком, который являет себя как артефакт *проживаемого* «изнутри наружу», является, по моему мнению, *феномен интонирования* — явление, которое рождается в слое непосредственного переживания и, источаясь вовне, обретает свою выразительную форму. Переживание может быть заперто, немо, невыражено, но даже такая форма внутреннего переживания являет себя во внешнем знаке запертости, немоты, запрета выразиться и тем самым является наблюдаемым феноменом.

Категория «интонирование», по моему мнению и на основании проведенных автором исследований (Торопова, 2012, 2015, 2017, 2018, и др.), закрывает пробел в понятийном аппарате психологии своей способностью обозначить как *формально-динамические свойства индивидуальности*, выраженные непроизвольно, так и особенности внешних пластических рисунков *идентичности человека определенной культуры*, конфессии или социального слоя. Это тот самый пробел, который был описан еще Джемсом в его упоминании о двух видах состояний сознания — «устойчивых» и «изменчивых» (Джемс, 1991) — и их представленности в языке психологии, где первые (устойчивые) имеют наглядную чувственную основу, «оречевляются» в форме существительных и стереотипируются культурой, а вторые (изменчивые) состояния «между» — не имеют ни наглядно-образного содержания, ни определенных наименований и с большим трудом поддаются словесному выражению (Джемс, 1991). Функцию обозначения текущих и изменчивых во времени состояний сознания, то есть *динамики переживаний*, и берет на себя интонирование как феномен, а для

психологии этот феномен становится инструментом, когда приобретает имя — «интонирование».

Вычленение наблюдаемого слоя или внешнего знака для переживаемого внутри согласуется и со стремлением Д. Винникота (Винникотт, 2000, 2002) выделить переходные объекты и переходные пространства опыта переживаний субъекта. Обращаясь к категориям *интонирование* и *интонированное переживание*, мы получаем концептуализацию и опредмечивание переходного объекта и пространства для наблюдения за динамикой переживания, тем самым имеем возможность наблюдать, понимать и трансформировать переживания субъекта в пространстве «между»: между сокрытым в его внутреннем мире и явленном в знаке, между человеком и человеком, между сущностью личности и реальностью ее бытия, между индивидуальностями клиента и арт-терапевта.

Интонированное переживание ближе всего к образным языкам мусических (процессуальных) искусств, какими являются временные искусства, такие как музыка, поэзия, танец, театр, искусство декламации и просодии. Мусические искусства и музыка, в частности, как сохранившийся архив летописей о переживаниях и проживании их во времени человека разных эпох и культур, могут явиться материалом для анализа психологической сущности обликов отдельных родовых культур, цивилизаций, социальных и конфессиональных групп или для анализа субкультур современного общества. Феномены интонирования и интонированных переживаний, закрепленные в традиционных антропопрактиках народов мира, могут стать предметом для анализа современной арт-терапии с целью выявления механизмов для реализации своих функций в этих антропопрактиках — сопровождение в кризисных переживаниях, в переходных состояниях между сном-бодрствованием-трансом-сверхсозанием, в исцелении или реабилитации.

Для точного понимания содержания понятий и их сопряжения в предлагаемой автором концепции интонированного переживания как «переходного объекта» в терапии мусическими искусствами предложим более подробную трактовку ключевых понятий.

Авторский тезаурус как концептуальный каркас понимания сущности музыкальной терапии

В исследованиях автора статьи (Торопова, 2012, 2015, 2017, 2018) были даны дефиниции и определения сущности основных и смежных феноменов, которые придется здесь повторить.

Феномен *интонирования* в научном пространстве имеет коннотации к музыкальному и театральному контексту, в психологии интонация чаще соотносится с языком невербальной коммуникации между людьми, с неосознаваемыми сторонами общения и распознавания подтекстов.

Категория «*интонирование*» появилась в труде Б. В. Асафьева «Музыкальная форма как процесс» (Асафьев, 1971), где было сформулировано: «музыка есть искусство интонируемого смысла» (Асафьев, 1971, с. 344). Формулу Асафьева можно дополнить аналогией: человек есть процесс интонирования пережи-

ваний смысла (смыслов) или бессмысленности. Процессуальность переживания изоморфна процессу музыкального интонирования.

Указание на связь между музыкальной интонацией и пластическим обликом человека мы усматриваем в дневниках С. Л. Рубинштейна 1920-х годов, среди записей которых: «...архитектоника пластики человеческого существа..., в ней выражается основная его онтологическая закладка и структура — по-вадка, темп и ритм» (Рубинштейн, 2003, с. 202). Изучение истоков пластического интонирования (как языка психики и моторного поля личности) может основываться на идеях о «бессознательном умозаключении» и «темном мышечном чувстве» И. М. Сеченова (Сеченов, 1947, с. 374), взаимосвязанных в акте интонирования; в построении структуры «живого движения» Н. А. Бернштейна (Бернштейн, 2004); в подчеркивании телесно-двигательных аспектов восприятия знаков М. Мерло-Понти (Мерло-Понти, 1999), в телесно-ориентированной психологии характера и индивидуальности В. Райха (Райх, 2006) и А. Лоуэна (Лоуэн, 1997), в эмпирических находках музыкантов-ритмистов и представителей «музыкального движения» (Ж. Далькроза, К. Орфа, А. Дункан, С. Рудневой, Н. Г. Александровой, В. А. Гринер, А. М. Айламазян, Т. С. Князевой, и др. (Танцевальные практики... Под общ. ред. А.М. Айламазян, 2012)).

Интонирующее сознание рассматривается нами и как предъязык, и как праслой (мета-уровень) языкового сознания, базис развития невербальных языков личности и культуры (Торопова, 2017).

Интонированное переживание обеспечивает первичную, еще довербальную или, вернее, *вневербальную категоризацию чувственного опыта* (там же).

Символогенез интонирования — понятие, отражающее обоюдный процесс порождения-усвоения личностью интонационных знаков и символов, обусловлен двумя основными факторами и имеет, соответственно, два плана бытия: социокультурный и внутриличностный (там же).

Интонационный символ — культурно-закрепленный знак интонированного смысла или переживания, имеет, как правило, широкую зону разброса значений вокруг центрального *архетипа интонирования* (там же).

Архетип интонирования — обобщенный знак энерговременного паттерна переживания, имеющий биологические и психофизиологические истоки, этнокультурную вариативность и окрашенный личным эмоциональным переживанием (там же). *Базовые архетипы интонирования имеют биологическое происхождение и связаны с процессуальностью самой жизнедеятельности и психическим временем переживания*, которое наполняется и измеряется сменой процессов *напряжения и расслабления* (или возбуждения и торможения), в интонировании они переживаются как «сжатие», «нагнетание» и «разрешение», «ослабление».

Архитектоника интонированного переживания — выражение, отражающее целостность интонационной экспрессии переживания, имеющего сквозные проявления на всех уровнях бытия человеческого существования: от висцерально-моторной реакции на воздействие и аффекта или эмоции (боли, удовольствия, тревоги) до культурно-заданного языкового способа выражения рефлексии и отношения к переживаемому (там же).

Индивидуальный стиль интонирования отражает индивидуальные проявления и взаимосвязи *содержательного* и *формально-динамического* аспектов личностного *архетипа интонирования* и проявляется в уровнях: телесном, аффективно-когнитивном, социально-коммуникативном и духовном.

Антропопрактика, антропопрактики — «намеренные и отрефлексированные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но и стремятся преобразовать самих себя, измениться в своем уникальном бытии, сделать свою жизнь собственным произведением» (Хоружий, 2010).

Представленный авторский тезаурус является ядром построения модели арт-терапевтических технологий на основе концепта интонированного переживания в опоре на возможность его феноменологического изучения в мусических антропопрактиках и трансформации деструктивных или дисфункциональных переживаний субъекта арт-терапии через их обновленное творческое и свободное переинтонирование.

Генезис знаков и архетипов интонированного переживания

Первичные ощущения (как материал для интонированного переживания) связаны, на мой взгляд, с законами тяготения и напряжением по их преодолению, то есть с подчинением и преодолением гравитации. Эти первичные телесные переживания-ощущения превращаются с течением жизни в психологические переживания-состояния и чувства, наполняясь жизненным материалом вокруг «общего знака» — организмического паттерна подчинения «силам гравитации» или преодоления этих сил в опыте самостояния, меры организмических затрат в процессе переживания в виде длящегося и нарастающего напряжения или сброса его и расслабления, затухания усилия по противостоянию «силам гравитации» или подчинения, смирения, повторяемости ритмически-структурированных паттернов или размытости дления без структуры. Эти базовые переживания-ощущения являются, в моем представлении, ядром формирования архетипических комплексов переживаний-состояний, связанных с вариативным опытом каждого человека и сообществ. Опыт переживаний, накопленный на стержневых организмических паттернах, имеет сходные этим паттернам интонационные формы, что и опосредуется в виде этно-кодов интонирования в разнообразных антропопрактиках.

Сигнификация ощущений и переживаний происходит через следование внешнему или внутреннему состоянию и означиванию их в первичных жестовых и голосовых интонамах. Таков, по нашему представлению, процесс формирования интонирующего слоя сознания человека и разнообразных сообществ с общими переживаниями, интонированными сходным образом, который выполняет разнообразные функции, в том числе означенную Д. Винникотом как «переходный объект» и «переходное пространство» между внутренним и внешним мирами бытия человека с первых мгновений жизни. Переходный объект в начале открытия-порождения субъективного феномена, согласно идеи Д. Винникотта, то, что не является частью тела ребенка, но и не может быть отделено от него, не осознается частью внешнего мира (Винникотт, 2000).

Заявленный Д. Винникотом поиск «переходного объекта» для понимания органического процесса совладания с переживаниями помогает понять функцию интонирования, как помогающую индивиду справляться с базовой тревогой и обеспечивающую важнейшее качество жизни — непрерывность психического бытия субъекта. Как пишет В.В. Старовойтов, «с течением времени он теряет свое значение, поскольку переходные феномены становятся менее четкими и выходят за пределы промежуточной области между «внутренней психической реальностью» и «внешним миром, совместно воспринимаемым двумя людьми», то есть распространяются на всю культурную сферу» (Винникотт, цит. по Старовойтов, 2021, с. 73). Так, текучесть и непрерывность переживаемого выражается в видимом и слышимом интонировании переживаний самой жизни и может быть выражена, отражена и отреагирована в формах мусических искусств, в спонтанном самоосмыслении своего состояния через «зеркало искусства» и в процессе организованной арт-терапии.

О приверженности клиента музыкальной терапии в свете истоков индивидуального стиля интонирования

Важнейшим вопросом целенаправленной музыкальной терапии является исследовательский вопрос о факторах *приверженности клиента* (пациента) такой терапии. Благодаря чему происходит «сцепление» субъекта с музыкальным материалом?

Точка «сцепления» человека и музыкальной формы — в возможности продуктивного сочетания двух процессов интонированной драматургии событий в *звучащей музыкальной форме* и *интегральной человеческой*, обе формы длящиеся и способные к изменению в процессе.

Методологически интегральная форма человеческой индивидуальности в научной психологии хорошо изучена. В науке выделены следующие *уровни интегральной индивидуальности личности* и ее профиля или *типа интонирования*: *организмический* уровень (аффективно-когнитивный), уровень *социального «Я»* (коммуникативный) и *внутри-личностный* (автокоммуникативный), каждый из которых находит свой путь к экспрессии вовне через перечисленные ранее *орудия знакового интонирования* в его голосовых, двигательнo-пластических или музыкально-инструментальных способах (Торопова, 2018).

Организмический уровень интонирования связан с индивидуальными телесными возможностями и особенностями. Телесные характеристики имеют широкий спектр для спонтанного и абсолютно неосознаваемого самопредъявления в позе, пространственной и временной свободе / или несвободе-блокировке, гибкости или прерывистости спонтанных проявлений, манифестирующих «изнутри наружу» неосознаваемые установки, скрытые намерения, опыт переживаний и травм, запечатанный в телесном психомоторном контуре организма. По замечанию Я. Э. Голосовкера, «весь организм человека “мыслит” втайне от нашего интеллекта» (Голосовкер, 1987, с. 158), и не только мыслит, но и выражает переживаемое через внешние интонационные знаки.

Музыкально-процессуальная форма может резонировать с социальными *установками и контекстом* идентичности личности. Б. Шоу в «Пигмалионе» показал, что определенный тип интонирования является как бы «входным билетом» в столь же определенное общество или круг людей, социальный слой или «клуб», открытый только для владеющих специальными интонационными кодами. Наряду с организмическим уровнем этот уровень поставляет приобретенные и интериоризованные «кирпичики» интоном и развитых интонационных форм для символогенеза интонирующего (языка переживаний) сознания личности (Торопова, 2018).

Основным показателем присутствия и развитости *внутриличностного уровня интонирования* является рефлексия и осознанность диалога с самим собой или Сверхсознанием, созидание внутреннего пространства собственной личности посредством интонационно-языковых кодов. На этом уровне интонирование становится выразителем личностных смыслов сознания, переработавшего биологические и социокультурные знаки и их значения.

Все три уровня истоков интонирования сливаются в единстве личностных проявлений, каждый из которых подчас может занимать доминирующее положение. Стиль интонирования исходит из индивидуально-психологической сущности личности и «болевой точки опыта переживаний», является произвольным и потому может являться материалом для диагностики, но может стать и произвольным актом самопредъявления при целенаправленном развитии в исполнительских искусствах.

Целостная иерархическая система *индивидуально-психологических особенностей интонирующего сознания* была разработана и представлена автором в двух докторских диссертациях (защиты на степень д.п.н. в 2009 г. и д.психол.н. в 2017 г.), в общем виде может быть дана в виде таблицы, читаемой снизу-вверх.

Таблица 1

Уровни проявлений индивидуального стиля интонирования

V	Деятельностная ткань интонирования в структуре выбора активности во внешних формах
IV	Аффективно-когнитивные стратегии отношения к опыту переживаний, в том числе рефлексия неосознаваемых предпочтений
III	Предпочитаемый стиль интонирования — содержательная «пристрастность» интонирующего сознания (акцентирование в опыте переживаний драматических или лирических, комических или трагических сюжетов)
II	Психомоторный (организмический) контур индивидуальности интонирования
I	Ядро индивидуальности = архетип интонирования

При происходящем «сцеплении» музыкального процесса с интегральной индивидуальностью клиента музыкальной терапии (или терапии мусическими искусствами) происходит усиление манифестаций ожившего интонированно-

го переживания или усиление его «блокады», сопротивления разворачиванию болезненного опыта. В любом случае это становится материалом для терапевтического бережного исследования.

В моих исследованиях были выявлены архетипы интонирования, встроенные во взаимоотношенную системность опыта переживаний личности или родовой системы. Не имея возможности в рамках одной статьи останавливаться подробно на описании системы архетипов интонирования, представим их ряд и выявленные вербальные ассоциации, маркирующие данные архетипы. Это 6 основных архетипов интонирования, обозначенные нами греческими буквами: альфа, бета, гамма, дельта, эпсилон и омега-интонирование (Торопова, 2017).

Представленные далее вербальные ряды ассоциаций были получены и систематизированы на основании многолетнего опыта наблюдений и подсчета частоты употребления определенных слов и словосочетаний (а также их синонимов) респондентами в ответ на прослушивание музыкальных фрагментов с детерминированным архетипом.

Альфа-интонирование чаще ассоциировано со словами: борьба, погоня, война, оружие, захват, победа, труба, преодоление, разрушение, раны, сила, бег, ярость, возбуждение, напряжение, катастрофа, завоевание, достижение, гора, вершина, взлет, взрыв, комета, кровь, удовлетворение в бою, огонь. Персонажи — Икар, Прометей, птица Феникс, что явно отражает функцию юнгианского архетипа «Герой» (Торопова, 2017).

Бета-интонирование чаще ассоциировано со словами: смирение, ожидание, притяжение, отдохновение, релаксация, соблазнение, оцепенение, заволаживание, мираж, звезда, сокровище, западня, омут, русалка, песня, девица в темнице, сеть, паутина, вуаль, колечко, любовь, мечта, душа, успокоение, колодец, оазис. Персонажи — Сиринга, Лорелея, сирены, русалки, Василисы и Елены Прекрасные, чаша Грааля, перо Жар-птицы, что связано с функцией архетипа «Анимы» (Торопова, 2017).

Гамма-интонирование: закон, оценка, долг, кара, суд, порядок, правила, структура, государство, наказывать, возвеличивать, формировать, укреплять традиции, консерватизм, инструкция, норма, границы, служение, алгоритм, воспроизведение, ограничение, стены, крепости. Персонажи — Зевс, царь, мудрец, пророк, Кашей бессмертный, правитель, тотем, т.е. функция архетипа «Старик» (Торопова, 2017).

Дельта-интонирование чаще ассоциировано со словами: укрывать, вынашивать, воспитывать, прятать, укачивать, успокаивать, море, вода, колыбель, утроба, печка, каравай, забота, пещера, укрытие, объятие, поглощение, тюрьма, замкнутое пространство, покров. Персонажи — Мать-сыра-земля, Богоматерь, все сказочные мать-и-мачехи, Медея, Баба-Яга, что связано с функцией архетипа «Мать» (Торопова, 2017).

Эпсилон-интонирование чаще ассоциировано со словами: ангел, вестник, купидон, креатив, случайность, шалость, юмор, шут, юродивый, трикстер, игра, прятки, риск, страх, росток, почка, цветочек аленький, игрушки, новизна, каприз, самодостаточность и беспомощность одновременно, воздух, молодое де-

рево или животное. Персонажи — Андрогин, мальчик-с-пальчик, Питер Пэн, Конек-горбунок, что олицетворяет функцию архетипа «Дитя» (Торопова, 2017).

Омега-интонирование: совершенство, точка Омега, Бог, целостность, круговорот, хоровод, мир, Вселенная, вечность и неизменность, бессмертие, смысл. Все..., то есть функция архетипа «Мандалы, Круга» (Торопова, 2017).

Выделенные вербальные кластеры и их функции позволяют нам использовать юнгианские символы как краткие обозначения архетипов интонирования в ряде статей автора (альфа — «Герой»; бета — «Анима»; гамма — «Старик»; дельта — «Мать»; эпсилон — «Дитя»; омега — «Мандала»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные основания для психодиагностики индивидуального стиля интонирования в контексте музыкальной терапии позволяют обозначить следующие единицы феноменологического анализа картины внутренних переживаний субъекта:

1) комплекс признаков архетипического интонирования при исполнении музыки и в других интонационно-двигательных проявлениях личности (темп и амплитуда речи, почерк, походка, жестикуляция, и т.д.). Они имеют тонусовые и темповые характеристики, признаки широты и амплитуды динамического диапазона, а также артикуляционные признаки по полярным шкалам связности-отчлененности, монотонии-изменчивости и другим;

2) вербальный комплекс ассоциаций слушателя при восприятии музыкально-стимульного материала определенных архетипов интонирования (содержание экспериментально выявленных архетипических ассоциаций приведены выше);

3) содержательную «пристрастность сознания» к определенным сюжетам, жанрам, формам и интонационно-языковым символам, которая с помощью психолога или арт-терапевта выявляется в рефлексивном самоанализе.

Во всех формах, или модальностях интонирования, присутствуют (как сквозные) индивидуальные признаки архетипа интонирования, что может служить материалом для психодиагностики личности и накопления кейсов путей трансформации состояний в самоисследовании интонированных переживаний и переинтонировании их в процессе арт-терапии.

В арт-терапевтической работе интонированные и переинтонированные переживания создают для личности новый эмоционально-корректирующий опыт, расширяющий личностный репертуар означения и отношения к проживаемому.

Литература

- Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. 2-е изд. / Б.М. Асафьев. — Л.: Музыка, 1971. — 376с.
- Бернштейн Н.А. О физиологии движений и двигательной активности / Н.А. Бернштейн. — М.: Наука, 2004. — 496с.

- Василюк Ф.Е.* К истории понятия переживания / Ф.Е. Василюк // Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации: материалы международного симпозиума, Москва, 27–28 июня 2016 года. — М.: БУКИВЕДИ, 2016. — 114–122с.
- Винникотт Д. В.* Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «не-я» предмета. (1953) // «Антология современного психоанализа». — М.: Институт психологии РАН, 2000.
- Винникотт Д.* Игра и реальность. — М.: Институт общегуманитарных исследований. — 2002. — 288с.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. — Т. 2. — М.: Педагогика, 1982. — 504 с.
- Герцман Е.В.* Языческие и христианские музыкальные древности / Е.В. Герцман. — С-Пб.: Лебедушка, 2006. — 656с.
- Голосовкер Я.Э.* Логика мифа / Я.Э. Голосовкер. — М.: Наука, 1987. — 216с.
- Джемс У.* Психология / У. Джемс. — М.: Педагогика, 1991. — 367с.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. — М.: Языки славянских культур. — 2010. — 592с.
- Лоуэн А.* Язык тела / А. Лоуэн. — С-Пб.: Гуманитар. агентство «Акад. Проект», 1997. — 383с.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. — С-Пб.: «Ювента»; «Наука», 1999. — 605с.
- Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 3-е изд. исправ. и доп. / В.С. Мухина. — М.: Интел-флай, 2013. — 1088с.
- Райх В.* Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков / В. Райх. — М.: Когито-центр, 2006. — 367с.
- Розин В. М.* Понятие и типы антропопрактик/ Антропопрактики: концепт и репертуар // Человек.гу. Альманах. Институт философии и права СО РАН. — 2017. — № 12. — 13- 33. — 16с.
- Рубинштейн С.Л.* Дневники. Выдержки из рукописей 1920-х годов / С.Л. Рубинштейн // Бытие и сознание. Человек и мир. — Москва, С-Пб.: Питер, 2003. — 512с.
- Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения / И.М. Сеченов. — М: ОГИЗ, 1947. — 647с.
- Старовойтов В. В.* Психоаналитическая теория детского развития Д. Винникотта / В. В. Старовойтов // История философии. — 2021. — Т. 26, — № 2. — 69–81с. — DOI 10.21146/2074-5869-2021-26-2-69-81.
- Танцевальные практики: семиотика, психология, культура/ Под общ. ред. А.М. Айламазян. — М.: Смысл, 2012. — 287с.
- Торопова А. В.* Знаковая функция музыкального интонирования как отражение мифологии сознания (к вопросу о психологических основаниях педагогики музыкального образования) / А. В. Торопова// Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». — 2015. — № 4 (12). — 39–52.

- Торопова А.В.* Интонирующая природа психики. Музыкально-психологическая антропология. Монография (переиздание) / А.В. Торопова. — М.: МПГУ, 2018. — 350 с.
- Торопова А.В.* Феномен интонирования как знаковая функция // Развитие личности. — 2012— № 1 — 136-151с.
- Торопова А.В.* Феноменология интонирующей функции музыкально-языкового сознания. Дис... д.психол.н. — М., 2017.
- Хоружий С.С.* Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. — М.: Институт св. Фомы, 2010. — 499с.

References

- Asafiev B.V.* Musical form as a process: in 2 books. 2nd ed. / B.M. Asafiev. — L.: Music, 1971. — 376 p.
- Bernstein N.A.* On the physiology of movements and motor activity / N.A. Bernstein. — Moscow: Nauka, 2004. — 496 p.
- Vasilyuk F.E.* On the history of the concept of experience / F. E. Vasilyuk // Scientific school L.S. Vygotsky: traditions and innovations: materials of the international symposium, Moscow, June 27–28, 2016. — Moscow: BUKIVEDI, 2016. — pp. 114-122.
- Winnicott D.V.* Transitional objects and transitional phenomena. Study of the first «not-self» subject. (1953) // “Anthology of modern psychoanalysis”, M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2000
- Winnicott D.* Game and reality. M.: Institute of General Humanitarian Research, 2002. 288 p.
- Vygotsky L.S.* Thinking and speech // Collection. cit.: In 6 vols. — T. 2. — M.: Pedagogika, 1982. — 504 p.
- Gertsman E.V.* Pagan and Christian musical antiquities / E.V. Hertzman. — St. Petersburg: Lebedushka, 2006. — 656 p.
- Golosovker Ya.E.* Logic of myth / Ya.E. Golosovker. — Moscow: Nauka, 1987. — 216 p.
- James W.* Psychology / W. James. — Moscow: Pedagogy, 1991. — 367 p.
- Zinchenko, V.P.* Consciousness and the creative act. — Moscow: Languages of Slavic cultures. — 2010. — 592 p.
- Lowen A.* Body language / A. Lowen. — St. Petersburg: Humanitarian. Agency «Academic Project», 1997. — 383 p.
- Merleau-Ponty M.* Phenomenology of perception / M. Merleau-Ponty. — St. Petersburg: “Juventa”; “Science”, 1999. — 605 p.
- Mukhina, V.S.* Personality: Myths and Reality (Alternative view. Systematic approach. Innovative aspects): 3rd ed. corrected and additional / V.S. Mukhina. — Moscow: Intel-fly, 2013. — 1088 p.
- Reich V.* Character analysis: technique and basic principles for students and practicing analysts / V. Reich. — Moscow: Cogito Center, 2006. — 367 p.
- Rozin V. M.* Concept and types of anthropopractices / Anthropopractices: concept and repertoire // Chelovek.ru. Almanac. Institute of Philosophy and Law SB RAS. — 2017. — No. 12. — P. 13 — 33. — P. 16.

- Rubinshtein S.L.* Diaries. Extracts from manuscripts of the 1920s / S.L. Rubinstein // Being and consciousness. Man and the world. — Moscow, St. Petersburg: Peter, 2003. — 512 p.
- Sechenov I.M.* Selected philosophical and psychological works / I.M. Sechenov. — M: OGIZ, 1947. — 647 p.
- Starovoitov V.V.* Psychoanalytic theory of child development by D. Winnicott / V.V. Starovoitov // History of philosophy. — 2021. — Т. 26, No. 2. — P. 69-81. — DOI 10.21146/2074-5869-2021-26-2-69-81.
- Dance practices: semiotics, psychology, culture / Ed. ed. A.M. Aylamazyan. — Moscow: Smysl, 2012. — 287 p.
- Toropova A.V.* The sign function of musical intonation as a reflection of the mythology of consciousness (on the question of the psychological foundations of the pedagogy of music education) / A. V. Toropova // Bulletin of the UNESCO Department "Musical Art and Education". — 2015. - No. 4 (12). — P. 39 – 52.
- Toropova A.V.* The intoning nature of the psyche. Musical-psychological anthropology. Monograph (reprint) / A.V. Toropova. — M.: MPGU, 2018. — 350 p.
- Toropova A.V.* The phenomenon of intonation as a sign function // Personality development. — 2012— No. 1 — P. 136 – 151.
- Toropova A.V.* Phenomenology of the intoning function of musical-linguistic consciousness. Dis...d.psychol.s. — M., 2017.
- Khoruzhy S.S.* Lantern of Diogenes. A critical retrospective of European anthropology. — M.: Institute of St. Thomas, 2010. — P. 499.

Информация об авторах

Торопова Алла Владимировна, доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Центр фундаментальной и консультативной персонологии; ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Институт изящных искусств, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8687-917X>, e-mail: allatoropova@list.ru

Information about the authors

Toropova Alla V., Dr. of Psychology, Professor, National Research University Higher School of Economics, Center for Fundamental and Consultative Personology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Pedagogical University», Institute of Fine Arts; Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8687-917X>, e-mail: allatoropova@list.ru

Получена: 20.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 20.09.2023

Accepted: 30.09.2023

РАЗВИТИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И РОЛЬ ДРУГОГО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРМОДАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ ЭКСПРЕССИВНЫМИ ИСКУССТВАМИ

СИДОРОВА В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

В статье описывается работа переживания в контексте интермодальной терапии экспрессивными искусствами с точки зрения культурно-исторического подхода и идеи опосредованности Л. С. Выготского. Проводятся параллели между идеей замещения основателя интермодальной терапии экспрессивными искусствами Паоло Книлла и опосредованным решением проблемы на территории искусства в контексте сессии интермодальной терапии экспрессивными искусствами. В статье рассматривается влияние интермодальных переходов, а также роли Другого для продуктивного развития переживания и смыслотворчества. Также в статье проводится сравнительный анализ роли и позиции терапевта в различных подходах терапии искусствами; описываются различные виды резонансов, в том числе вводится понятие «эстетический резонанс».

Ключевые слова: интермодальная терапия экспрессивными искусствами, продуктивное развитие переживания, эстетический резонанс.

Для цитаты: Сидорова В.В. Развитие переживания и роль Другого в контексте интермодальной терапии экспрессивными искусствами // Познание и переживание. 2023. Т. 4. № 3. С. 57–69. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_05

Для контактов: Сидорова Варвара Владимировна, varvarasi@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF EXPERIENCE AND THE ROLE OF THE OTHER IN THE CONTEXT OF INTERMODAL THERAPY WITH EXPRESSIVE ARTS

SIDOROVA V.V.

Moscow Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia

The article describes the work of experiencing in the context of intermodal therapy expressive arts therapy from the point of view of the cultural-historical approach and the idea of mediation by L. S. Vygotsky. Parallels are drawn between the ideas of replacing the founder of intermodal expressive arts therapy, Paolo Knill, and the indirect solution of the problem in the territory of art in the context of the methodology of intermodal expressive arts therapy. The article describes the influence of intermodal transfer, as well as the role of the Other for the productive development of experience and meaning-making. The article also provides a comparative analysis of the role and

position of the therapist in various approaches to art therapy and describes various types of resonances, including the concept of «aesthetic resonance».

Keywords: intermodal therapy with expressive arts, productive development of experience, aesthetic resonance.

For quote: *Sidorova V.V.* The development of experience and the role of the Other in the context of intermodal therapy with expressive arts // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2023. V. 4. № 3. P. 57–69. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_05 (in Russ.).

For contacts: Varvara Vladimirovna Sidorova, varvarasi@mail.ru

Терапия искусства объединяет различные направления: танцевально-двигательную терапию, терапию изобразительными искусствами, музыка-, драма- и фототерапию. Все они возникли в разное время как мономодальные направления со своими теориями, основателями, международными ассоциациями, обучающими программами. Для них характерно углубленное использование только одного основного вида искусства в терапевтической индивидуальной или групповой сессии.

«Интермодальная терапия экспрессивными искусствами», она же «мульти-модальная терапия экспрессивными искусствами», возникла в 70-ые годы прошлого века в США и Европе и использует в одной терапевтической индивидуальной или групповой сессии различные виды искусств и переходы между ними. Среди основоположников этого направления обычно называют имена Паоло Книлла, Шона МакНиффа, Стивена и Элен Левин, Натали Роджерс, и других. Сейчас это бурно развивающееся направление со своими изданиями, международными конференциями и международной ассоциацией (International Expressive Arts therapy Association — www.ieata.org), возникшей в 1994 году.

Таблица 1

Направления терапии искусствами

Мономодальные направления	Интермодальное или мультимодальное направление
Арт-терапия или терапия визуальными искусствами (Art-therapy) Танцевально-двигательная терапия (Dance-Movement therapy) Музыкотерапия (Music-therapy) Драма- или Театротерапия (Drama therapy) Фототерапия (Photo therapy)	Интермодальная терапия экспрессивными искусствами (Expressive arts therapy)

Есть несколько важных черт, отличающих интермодальную терапию экспрессивными искусствами от арт-терапии и мономодальных направлений терапии искусствами.

Во-первых, интермодальная терапия искусствами использует в одной терапевтической индивидуальной или групповой сессии различные виды искусств или модальности и переходы между ними. В то время как арт-терапия и мономодальные направления используют в основном одну модальность или один вид искусства.

Во-вторых, отличие от классической арт-терапии и танцевально-двигательной терапии, выросших на психоаналитическом основании, методологически интермодальная терапия экспрессивными искусствами опирается не на психоанализ, а на феноменологический подход и гуманистическую философию. В интермодальной терапии избегают интерпретаций, терапевт, скорее, помогает установить диалог и контакт с пришедшими образами и понять их послание. А вместо интерпретаций используется «эстетический отклик» (согласно Паоло Книллу), обратная связь, выраженная с помощью языка искусств (*Knill, Barba, Fuchs, 1993*).

В-третьих, если арт-терапия принесла искусство на территорию психотерапии, то в интермодальной терапии искусствами меняется само основание работы. Паоло Книлл предложил привнести психотерапию на территорию искусства, проведя параллели между психическими и художественными процессами и сделав возможным использование художественных процессов в терапевтических целях. Таким образом, мы, по сути, имеем дело с новой современной антропологической практикой, соединяющей достижения современной научной психологии, практической психологии и искусства.

Модальностью (или арт-модальностью) мы называем форму выражения, обычно связанную с тем или иным видом искусства, — например, танец, рисунок, музыку или звучание, и т.д. Этот термин напрямую связан с модальностями восприятия: визуальной, аудиальной, кинестетической, на основе которых и возникли различные виды искусства. Паоло Книлл также говорит о «модальностях воображения» (*Knill, Barba, Fuchs, 1995*), и о том, что воображение мультимодально по своей природе. Интермодальная терапия искусствами основывается на базовых свойствах психики и сознания, среди которых способность к межмодальной трансляции, полимодальность и образность сознания; она учитывает также важность телесного измерения (далее мы более подробно рассмотрим все эти термины и определения).

В этой статье мы предлагаем посмотреть на процессы, происходящие на территории экспрессивных искусств, с точки зрения культурно-исторического подхода Л. С. Выготского.

Одной из основных идей культурно-исторической психологии является постулат о том, что все психические функции и психические процессы развиваются и протекают при посредничестве культурных факторов и в присутствии носителя культуры. Можно сказать, что мышление речь и работа сознания являются слепленными культурой, культура придает им форму, как человеческая культура вообще, так и специфическая культура. Общеизвестен факт того, что дети, попавшие к животным и выращенные животными, не приобретают специфически человеческих форм сознания. Недостаточно просто родиться

человеком, надо быть воспитанным и взращенным в человеческой среде. И гарантом вхождения в эту сугубо человеческую среду является хотя бы один носитель человеческой культуры — посредник. Сама культура, включающая речь, орудия труда, произведения искусства, и т.д. также становится посредником в формировании и развитии психических процессов и работы сознания.

Идея опосредования — одна из основных идей концепции Выготского. Он развивал ее, в том числе, на примере этапов развития внутренней речи у детей (Выготский, 2001), а также на обучении мыслительным операциям, чтению, письму, счету и категоризации. Прежде всего для того, чтобы овладеть мыслительными операциями, ребенку необходимо много раз проделать операции с предметами-посредниками, чтобы произошла интериоризация и освоение того или иного аспекта мыслительной деятельности. Таким образом, манипулируя с предметами-посредниками, дети обучаются мыслительным операциям (примером тому могут быть счетные палочки).

Л. С. Выготский прежде всего исследовал развитие познавательных когнитивных функций. Но представим, что речь идет о внутренней психической работе сознания, связанной с переживанием. Ф. Е. Василюк выделял переживание как комплексную работу сознания, направленную на производство смысла. Говоря о переживании, Ф. Е. Василюк пишет, что «термин «переживание» используется нами не в привычном для научной психологии смысле, как непосредственная, чаще всего эмоциональная, форма данности субъекту содержаний его сознания, а для обозначения особой внутренней деятельности, внутренней работы, с помощью которой человеку удастся перенести те или иные (обычно тяжелые) жизненные события и положения, восстановить утраченное душевное равновесие, словом, справиться с критической ситуацией» (Василюк, 1984, с.3). Как утверждает Ф.Е. Василюк, переживание является внутренней психической работой сознания, подключающей сразу множественные процессы и аспекты сознания, как когнитивные (попытка осознать), чувственные или эмоциональные, телесные и др. Таким образом, мы можем говорить о **продуктивной работе переживания**, которая приводит к разрешению противоречия и выхода из кризиса невозможности. *«Именно эта общая идея производства смысла позволяет говорить о переживании как о продуктивном процессе, как об особой работе».* И далее Василюк подчеркивает *«творческий характер переживания»* (Василюк, 1984, с. 9).

Но бывает, что работа переживания может стать непродуктивной, сопровождаемая заикленным потоком мыслей и повторяющихся изматывающих чувств, ведущим к тупику и переживанию бессмысленности и отсутствия «смысла».

Также в своей теории он рассматривает «удачные» и «неудачные» переживания, соотнося их с совладанием и психологической защитой. Удачные переживания — гибкие, реалистичные, целенаправленные, осознаваемые — способствуют росту адаптивных возможностей при достижении цели приспособления к действительности. Неудачные переживания — протекают непроизвольно, неосознаваемо, нереалистично, без учета целостной ситуации и перспективы.

Об этом тупике говорил Паоло Книлл, сравнивая проблемно-ориентированный и арт-ориентированный подходы. Паоло Книлл сравнивал саму проблему с тупиком, стагнацией, замороженным состоянием, и говорил о том, что именно работа на территории искусства и децентрация в арт-центрированном подходе позволяет выйти из тупика проблемного мышления и переживания (Книлл, 2005). Таким образом, переход на территорию искусства и манипуляции с объектами позволяет «добыть смыслы», увидеть смыслы, которые часто сами рождаются, появляются и проявляются на территории искусства.

Паоло Книлл вводит понятие «Третий», обозначая им те неожиданные смыслы, которые рождаются в творческом акте. Этим Третьим могут быть неожиданные потеки краски, рождающие новый образ, который встраивается в систему смыслов и несет надежду, например, неожиданное переживание в процессе создания арт-формы, чувство красоты и осмысленности.

Руководствуясь логикой культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, перевод переживания на язык искусства и территорию искусства и дистанцирование от него, создание арт-формы с последующими манипуляциями с арт-формой способствуют более продуктивной работе переживания. Мы имеем дело с внешними манипуляциями с арт-формой, которые становятся заместителем внутренних процессов, связанных с **работой переживания**. Как говорят терапевты, экспрессивными искусствами, «создавая искусство — мы создаем смыслы» (Making art-making senses). Именно в процессе создания сотворения чего-то нового на территории поэзиса происходит выход из тупика и рождение новых смыслов.

Работа переживания осуществляется на листе бумаги или во время создания арт-формы в скульптуре или танце. Мы работаем «близко» к проблеме (Книлл, 2005), в таком случае клиент может выбрать — остаться с материалом проблемы, а терапевт может предложить прямой переход на территорию искусства, сохраняя связь с материалом проблемы или проблемного переживания. Описывая реальность терапевтической ситуации, это могло бы быть прямое предложение нарисовать проблему или станцевать проблему, перевести ее или какие-то из ее аспектов в движение.

В случае даже, если работа на территории искусства идет «далеко» от проблемы и мы имеем дело с децентрацией по Паоло Книллу, тем не менее бессознательно (хотим мы того или нет) происходит работа, способствующая выходу из тупика, запускающая и помогающая осуществиться совокупной работе переживания, которая, как мы знаем, осуществляется на многих уровнях сознания. Можно сказать, что работа переживания осуществляется на листе бумаги, когда мы рисуем, мнем бумагу, двигаемся или танцуем, пишем стихи и т.д. Одновременно мы имеем дело с внешним деланием, созданием чего-то нового и внутренней работой сознания.

Обобщая вышесказанное, мы можем утверждать, что переход на территорию искусства, интермодальные переходы между видами искусств в присутствии Другого, а также рождение Третьего способствуют продуктивному развитию переживания и рождению новых смыслов.

Интермодальные переходы способствуют саморазворачиванию сознания и продуктивной работе переживания.

В подходе интермодальной терапии экспрессивными искусствами мы помогаем разворачиваться саморазворачивающемуся потоку сознания, поддерживая и усиливая это разворачивание через интермодальные переходы. Например, мы можем попросить человека нарисовать линию на листе бумаги, а затем провести рукой линию в воздухе, отражающую движение линии на листе бумаги; мы можем спросить: «Какой образ напоминает вам это движение?», предоставив варианты: ракета, взлетающая вверх; змея, ползущая по земле; улитка, дорога или линия горизонта. Следующим шагом мы можем попросить написать сказку или историю про эту змею, улитку, дорогу, ракету... В результате мы неизменно получим историю, каким-то образом связанную с важными переживаниями и темами автора, хотя он, может быть, об этом и не подозревал сначала. Таким образом, языки искусства являются направляющим средством настройки и саморазворачивания сознания. В каком-то смысле этот процесс напоминает свободные ассоциации, использующиеся еще на заре психотерапии, но при этом свободные ассоциации, отличные в форму искусства.

В данном случае происходит перевод с языка сознания, языка психического на язык того или иного вида искусства, в котором задействуются телесные процессы, культурные коды и многое другое, позволяя произойти уникальности этого перевода, что само по себе является целительным шагом.

Паоло Книлл говорит о «модели замещения», имея в виду замещение решения проблемы решением художественной задачи (Сидорова, 2020). Но если мы посмотрим на модель замещения с точки зрения теории опосредованной психологии Л. С. Выготского, то по сути речь идет о том, что внешние действия с арт-объектом арт-формой становятся замещением внутреннего делания и психических переживаний. Диалог с Арт-формой становится разновидностью внутреннего диалога с собой. Мы имеем дело с опосредованным решением внутренних проблем. Книга Паоло Книлла на немецком языке называется «Искусство решения проблем», по сути мы именно этим и занимаемся на территории экспрессивных искусств. Замещая или переводя проблему на территорию искусства, мы находим решение именно на территории искусства, что способствует продуктивной работе переживания и рождению нового смысла, переживаемого в том числе и на телесном уровне, мыслечувственном живом опыте. И этот новый опыт уже встраивается в реальную жизнь клиента. Последние стадии архитектуры сессии Паоло Книлл так и называет «построением моста с реальной жизнью», где могут быть заданы вопросы о том, как этот опыт, полученный на территории искусства, помогает ответить на вопрос, запрос, справиться с переживанием, по-новому посмотреть на ситуацию. По сути, мы имеем дело с получением нового опыта, «расширением репертуара игры» и выходом из проблемного тупика при посредничестве искусства.

ВЫВОДЫ

1. Перевод языка переживания, языка внутренней реальности, языка проблемы на язык искусства и территорию искусства и дистанцирование от непосредственно переживания, создание и изменение арт-формы в ходе сессии способствуют более продуктивной работе переживания.
2. Интермодальные переходы способствуют саморазворачиванию сознания и продуктивной работе переживания.
2. Замещение проблемы и переживания художественной задачей на территории искусства приводит к решению задачи на территории искусства с последующим переносом сделанных открытий обратно на территорию буквальная реальности.

Если мы позволим себе дать определение интермодальной терапии экспрессивными искусствами (с точки зрения концепции Л. С. Выготского), *то интермодальная терапия экспрессивными искусствами представляет собой опосредованное решение проблем через внутреннюю работу и внутренний диалог с собой, который осуществляется и становится видимым через Диалог с Арт-формой (Третьим) в присутствии посредника (Второго или Другого), приводит через продуктивное развитие переживания к рождению новых смыслов.*

РОЛЬ ДРУГОГО

Еще одной основополагающей идеей Выготского Л. С. является представление о том, что для развития психических функций ребенку нужен Взрослый или Другой, который становится своего рода средой, стимулом и зеркалом развития ребенка, формируя «зону ближайшего развития» ребенка (Выготский, 1999).

В терапевтическом процессе речь не идет о развитии памяти, внимания, мышления, здесь происходят другие психические и психологические процессы, связанные с выходом из тупика и работой переживания, которые, однако, могут быть связаны с освоением нового способа действия, думания, чувствования, нового способа реагирования, с освоением новой роли, то есть по сути мы имеем дело с процессом обучения, научения, совладания и т.д. Конечно же, терапевт ни коем случае не выступает в роли Взрослого или, тем более, эксперта или знатока, только если речь не идет о научении того или иного способа создания арт-формы, что часто происходит в терапии искусствами.

Стивен Левин предлагает называть Экспертом именно клиента, а терапевта — Компаньоном, но как бы мы его не называли, все практики различных направлений терапии признают архиважную роль Другого, Терапевта, Компаньона, Коча, сопровождающего, свидетельствующего, направляющего или следующего, входящего в резонанс, рефлексизирующего, перефразирующего, задающего вопросы, думающего и чувствующего вместе, отзеркаливающего (Levine, 2005).

Именно отражаясь в Другом, мы лучше видим, понимаем и чувствуем себя. Это справедливо и про контакт с представителями других культур. Имен-

но отражение в Другом позволяет нам почувствовать свою собственную идентичность на различных уровнях.

Роль Другого в терапии искусства, как мы знаем, в соответствии с архитектурой сессии (Книлл, 2005), может быть разной, в зависимости от этапов архитектуры сессии. Терапевт на первом и заключительном этапе остается в роли терапевта, он превращается в арт-коуча в «сердце сессии», посвященной созданию арт-формы, проявляя эстетическую ответственность, эстетический отклик и входя в резонанс на различных уровнях взаимодействия.

По сути Другой в терапевтической ситуации воспринимается как посредник, помощник и свидетель выстраивания связей, нахождения смысла и взращивания новых психических навыков и способов реагирования. Но, помимо того, что в терапевтической ситуации есть Другой, в терапии искусства присутствует еще и Третий. Третьим, расширяя представления о «Третьем» Паоло Книлла (Книлл, Барба Фукс, 1995), мы можем назвать арт-форму, которая также является посредником. Поэтому в терапии искусства мы можем говорить о двойном посредничестве Другого (терапевта, компаньона) и Третьего (арт-формы или арт-процесса).

Я И ДРУГОЙ: РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ РЕЗОНАНСОВ ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЗОНАНС

Мы понимаем также, что в процессе интермодальной терапии искусства происходят множественные взаимодействия, ведь не только искусства или техники работают и задействованы в этом процессе, присутствие двоих (терапевта и клиента или коуча и эксперта) является необходимым условием для совершения этой работы. Здесь мы по сути приближаемся к большому философскому вопросу, поставленному в философии феноменологии «Я и Другой», в способности видеть себя в Другом и через Другого. Об этом же говорит культурно-историческая психология Выготского: о необходимой роли Другого носителя культуры в процессе вхождения в культуру, обучении, в осмыслении себя и в рождении идентичности. Нам нужны глаза другого, нам нужны уши другого, чтобы быть услышанным самим, нам необходимо отразиться в принимающих глазах Другого.

Мы можем использовать различные слова и метафоры для описания межличностного взаимодействия клиента и терапевта в процессе терапевтической ситуации, и различные направления терапии по-разному описывают роль и характер этого взаимодействия. Мы можем вспомнить о переносе в психодинамическом подходе, где терапевт прежде всего является надежным объектом; о фасилитировании творчества, которое выходит на первое место в гуманистическом подходе; о терапевте, который помогает переструктурировать и по-новому увидеть реальность в подходе гештальт-терапии. В следующей таблице представлена роль терапевта в различных подходах терапии искусства.

Таблица 2

Роль терапевта искусствами в различных подходах

Вид терапии	Суть подхода	Позиция терапевта
<i>Человеко-центрированная терапия экспрессивными искусствами (Натали Роджерс)</i>	Творчество включает самоисцеляющие способности психики. Вся жизнь может быть выражена через искусство.	Терапевт – фасилитатор творческого процесса, поддерживающий, присутствующий, создающий безопасное пространство для творчества и самоисцеления.
<i>Арт-центрированная терапия экспрессивными искусствами (Паоло Книлл)</i>	Возможно решить проблемы на территории искусства и перенести этот опыт в обычную жизнь.	На территории искусства терапевт превращается в арт-коуча, помогающего найти оптимальную форму. На терапевтической территории он помогает наладить диалог с образами и услышать их послание. Терапевт становится резонирующим компаньоном (С.Левин), создающим и поддерживающим резонансы на различных уровнях.
<i>Гештальт арт-терапия (Мала Бетенски)</i>	Терапевт и клиент вместе рассматривают произведение, пытаясь увидеть части целого и послание частей. «Если бы это пятно могло говорить, что бы оно сказало?..»	Терапевт помогает наладить коммуникацию с частями произведения и переструктурировать материал. Терапевт – помощник в переструктурировании материала, внимательно наблюдающий, присутствующий.
<i>Объектно-ориентированная динамическая арт-терапия (Мелани Кляйн, Дональд Винникот, Маргарет Наумбург, Эдит Крамер)</i>	«Хороший объект» – это постоянный объект. Акцент делается больше на отношения терапевта и клиента, нежели на арт-продукцию. Созданное произведение выступает как посредник и контейнер, важными становятся понятия «перенос» и «контрперенос» в арт-терапевтическом процессе.	Терапевт – «хороший объект», с точки зрения психоаналитической теории, постоянная, надежная фигура, способная контейнировать разрушительный психический материал.

<i>Трансперсонально-ориентированная арт-терапия</i>	Искусство помогает обнаружить высшие смыслы и почувствовать себя частью большего, что само по себе снимает невротическую отделенность.	Терапевт является гидом и проводником, помогающим увидеть надличные смыслы.
<i>Юнгианская арт-терапия (Пенни Льюис)</i>	В фокусе рассмотрения стадии сепарации и индивидуации. Рисунок, как архетипическая метафора процесса и послание из бессознательного.	Терапевт помогает клиенту прожить стадии сепарации и приблизиться к индивидуации. Терапевт использует интуицию и интерпретации.

Я бы хотела обратить ваше внимание на то, что в нашем подходе (подходе экспрессивных искусств) терапевт создает и поддерживает различного рода резонансы. Я бы хотела предложить использовать для описания взаимодействия в подходе концепцию «резонанс» (от итальянского “resono” — «откликаюсь»), которое пришло из физики колебательных систем и волн, описывающих различного рода колебательные системы — механические, оптические, электрические и акустические, где колебания одной системы могут усиливаться или гаситься колебаниями другой системы. Совместные колебания могут быть мощной силой, именно поэтому во время перехода моста солдатам командуют вольно, чтобы они не шли в ногу, иначе мост может обрушиться под воздействием резонансных колебаний.

В психологии существуют несколько терминов, использующих понятие резонанса.

1. В интегративном соматическом подходе Раджи Сельвама описывается понятие *межличностного резонанса* — взаимодействие между терапевтом и клиентом на тонком уровне. Западная парадигма мыслит индивида как отдельное изолированное существо. Но если мы отбросим эту идею, то станет понятно, что своим присутствием и состоянием мы все влияем друг на друга, создавая межличностные резонансы (Раджа Сельвам).

2. *Коллективный резонанс* — термин, введенный Натали Роджерс, описывает групповые процессы взаимонастройки и вибрирования на единых ритмах, объединенных одной и той же темой. Это часто происходит в процессе групповых сессий, в том числе терапии экспрессивными искусствами (Натали Роджерс, 2011).

3. *Соматический резонанс* — способность терапевта переживать в своем теле чувства и даже телесные ощущения, такие как боль, напряжение, расслабление, другие тонкие телесные реакция в присутствии клиента. Этот вид резонанса описывают различные представители соматической терапии и терапии травмы, такие как Джон Ингл, П. Паларо, П. Левин.

4. *Эстетический резонанс* — я предлагаю термин «эстетический резонанс» для описания процессов, которые происходят между терапевтом и клиентом или коучем и экспертом на территории экспрессивной терапии искусствами, где оба испытывают некий эстетический отклик, эмоциональный отклик в ответ на создаваемые в процессе работы арт-формы и на процесс, в который вовлечены оба. Это процесс эстетического резонанса складывается из совокупности тонких реакций Сознания-Тела обоих участников сессии или группы людей в ответ на арт-форму или процесс создания арт-формы и может включать в себя также соматический и межличностный резонансы. Его может отличать особое переживание красоты и правильности или аутентичности в различных формах, также как и описываемое Паволо Книллом Ага-переживание (Книлл, 1995). Например, когда группа или даже пара (терапевт и клиент) слушает поэтический фрагмент, или музыкальное произведение, или вместе смотрят на картину — это создает особую сонастройку, совместное переживание красоты и затронутости. Оно может по-разному откликаться в каждом, но это происходит и в то время, когда мы откликаемся эстетически, мы вступаем и переживаем эстетический резонанс.

Взаимодействие терапевта и клиента на территории экспрессивных искусств может быть описано в терминах психологического резонанса на многих уровнях: телесном, личностном, эстетическом; если идет речь о группе, то и коллективном. В этом взаимодействии важнейшим становятся: способность отзеркаливать, откликаться, присутствовать своим Телом-Сознанием и открыться возможности быть затронутым красотой. Это терапевтическое живое откликающееся присутствие становится еще одним мощным терапевтическим фактором и мелодией симфонии терапии экспрессивными искусствами.

Литература

- Василюк Ф.Е. Структура образа сознания // *Вопр. психол.* 1993. — №5. — 5-19с.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки // *Вопр. психол.* 1988. — №5. — 27-37с.
- Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Лабиринт, 1998.
- Выготский Л. С. Мышление и речь: психика, сознание, бессознательное / — Москва: Лабиринт, 2001.
- Сидорова В.В. Культура образа: культурная детерминация образа сознания. — Харьков: Гуманитарный центр, 2017.
- Сидорова В.В. Танец рисунка, голос линии, поэзия жизни: интермодальная терапия экспрессивными искусствами. — Москва: Герезис, 2020.
- Knill Paolo J., Barba H.N., Fuchs Margo N. *Minstrels of Soul: Intermodal Expressive Therapy.* —Toronto: Palmerston Press, 1995.

- Knill J. Paolo.* Soul nourishment, or the intermodal language of imagination // Foundations of Expressive arts therapy. Theoretical and clinical Perspectives. — L., Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 1999. P. 37-53.
- Knill Paolo J., Levine Ellen G., Levine Stephen K.* Principles and practice of expressive arts therapy. — L., Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2005.
- Rogers Natalie.* The Collective Connection for Groups Person. Centered Expressive Arts for Healing and Social Changes. Science & Behavior Books, 2011.

References

- Vasilyuk F.E.* The structure of the image of consciousness // Vopr. psikhol. 1993. No.5. C.5-19.
- Vasilyuk F.E.* Psychology of experience. — M.: Publishing House of Moscow State University, 1984.
- Vasilyuk F.E.* Levels of experience construction and methods of psychological science // Vopr. psikhol. 1988. No. 5. pp. 27-37.
- Vygotsky L.S.* Psychology of Art. — M.: Labyrinth, 1998.
- Vygotsky L. S.* Thinking and speech: psyche, consciousness, unconscious / — Moscow: Labyrinth, 2001
- Sidorova V.V.* Image culture: cultural determination of the image of consciousness. — Kharkiv: Humanitarian Center, 2017.
- Sidorova V.V.* Dance of drawing, voice of line, poetry of life: intermodal therapy with expressive arts. - Moscow: Geresis, 2020
- Knill Paolo J., Barba H.N., Fuchs Margo N.* Minstrels of Soul: Intermodal Expressive Therapy. —Toronto: Palmerston Press, 1995.
- Knill J. Paolo.* Soul nourishment, or the intermodal language of imagination // Foundations of Expressive arts therapy. Theoretical and clinical Perspectives. — L., Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 1999. P. 37-53.
- Knill Paolo J., Levine Ellen G., Levine Stephen K.* Principles and practice of expressive arts therapy. — L., Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2005.
- Rogers Natalie.* The Collective Connection for Groups Person. Centered Expressive Arts for Healing and Social Changes. Science & Behavior Books, 2011.

Информация об авторе

Сидорова Варвара Владимировна, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета клинической и консультативной психологии Московского Государственного Психолого-Педагогического Университета

Information about the author

Varvara V. Sidorova, Associate Professor of the Department of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Clinical and Counseling Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University

Получена: 20.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 20.09.2023

Accepted: 30.09.2023

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ И НОМОТЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТИПА РЕФЛЕКСИИ И УРОВНЯ КРЕАТИВНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ АРТ-ЛОГОТЕРАПИИ

ПОПОВА Т.А.^{а, б}, КИЛЬДИШОВА А.С.^а,

^а Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия,

^б Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

В статье рассматриваются перспективные возможности применения двух подходов в одном исследовании: номотетического и идеографического. Арт-логотерапевтическая методика, проведенная с целью диагностики, выявила и другие уровни — коммуникативный и терапевтический. Объединение номотетического и идеографического подходов делает исследование более объемным, выделяя тенденции и предлагая респондентам погрузиться в личный опыт, в собственные представления о жизни и о себе. В эксперименте приняли участие подростки. В ходе эксперимента участники отвечали на вопросы тестов, а также создавали продукт творческой деятельности, описывали и комментировали его. Смыслы, обозначенные респондентами, были проанализированы и сгруппированы по смысловым системам. Результаты эксперимента демонстрируют возможности объединения различных подходов в одном исследовании, что открывает пути более полного изучения как общих тенденций, так и выделение отдельных монографических описаний, не только иллюстрирующих отдельные феноменологические особенности, но позволяющие создать более полную картину ценностей, типов рефлексий и уровня креативности современного подростка.

Ключевые слова: номотетический подход, идеографический подход, арт-логотерапия, тип рефлексии, креативность.

Для цитаты: *Попова Т.А., Кильдишова А.С.* Идеографические и номотетические методы исследования типа рефлексии и уровня креативности в подростковом возрасте. Практика применения арт-логотерапии // *Познание и переживание*. 2023. Т. 4. № 3. С. 70–91. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_06

Для контактов: Татьяна А. Попова, elenia2@yandex.ru

IDEOGRAPHIC AND NOMOTHETIC METHODS FOR RESEARCHING THE TYPE OF REFLECTION AND LEVEL OF CREATIVITY IN ADOLESCENCE. PRACTICE OF ARTLOLOTHERAPY

TATYANA A. POPOVA ^{a, b}, ALISSA S. KILDISHOVA ^a,

^a Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia,

^b Federal State Budgetary Institution, Moscow, Russia

The passage discusses the prospective opportunities for employing two approaches within the same study: nomothetic and ideographic. Art-logotherapy diagnostics revealed another level – communicative and therapeutic. The integration of nomothetic and ideographic approaches makes the research more comprehensive, identifying trends and encouraging respondents to delve into personal experiences and their own perceptions of life and self. Teenagers participated in the experiment answering test questions and engaging in creative activities, describing and commenting on them. The meanings expressed by the respondents were analyzed and grouped according to semantic systems. The results of the experiment demonstrate the possibilities of combining different approaches in one study, opening avenues for a more thorough exploration of both general trends and the identification of individual monographic descriptions. These descriptions not only illustrate specific phenomenological features but also allow for a more complete picture of the values, types of reflections, and levels of creativity of a modern teenager.

Key words: nomothetic approach, ideographic approach, art therapy, reflection type, creativity.

For citation: *Popova T.A., Kildishova A.S.* Ideographic and nomothetic methods for researching the type of reflection and level of creativity in adolescence. Practice of artlotherapy // *Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]*. 2023. V. 4. № 3. P. 70–91. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_06 (in Russ.).

For contacts: Tatyana A. Popova, elenia2@yandex.ru

Актуальность. Современные исследования в психологии все чаще используют применение методического аппарата, включающего в себя как номотетические, так и идеографические методы. Обратим внимание, что в отечественной психологии в 1922 году А.Р. Лурия, размышляя о «реальной психологии», писал о том, что психология, абстрагирующаяся от конкретных обстоятельств жизни индивида, превращается в догму, схему, фикцию, а следовательно, «реальная психология» должна стремиться к синтезу номотетического и идеографического принципов исследования, должна отказаться от искусственной модели эксперимента и обязательно учитывать роль индивидуальных биографий, условий развития, конкретики ситуаций и контекстов как в прошлом опыте, так и в моделируемых условиях исследования и общения с психологом (Лурия, 2003, с. 314).

В своей статье Х. Томаэ, опираясь на историю номотетико-идиографического вопроса, предполагает, что зачастую проблема «уникальности» личности в научных изысканиях вторична по отношению к «правильному» подходу к изучению человеческой личности. Идиографический подход, по мнению автора, основывается на феноменологической базе концептуализации психологического процесса. Но также исследователь подчеркивает, что существует необходимость интеграции с требованиями номотетического подхода, который делает акцент на получении и анализе психологического процесса (Thomae, 1999). Ранее ученые указывали на тенденции, требующие переосмысления и воплощения в феноменологической составляющей и идиографии случая (Smith, J.A., Harre, R., & Van Langenhove, L., 1995). Было отмечено, что изменение методологии происходит в вариантах поиска смысла: «исследование историй», «дискурс-анализ» или использование цифровых методов. В своей статье Х. Томаэ приходит к выводу, что поддержание компромиссов — это лучшая стратегия для исследования личности человека (Thomae, 1999). Для рассмотрения совместного применения номотетических и идеографических методов в данной статье была выбрана тема рефлексии. В период формирования личности, то есть в подростковом возрасте, тема рефлексии становится особенно актуальной, и проявления креативности также ярко заявляют о себе.

Подростковый возраст закладывает важнейшие основы в становлении личности, ее идентичности и направленности. Данный период сопровождается множеством новообразований в разных сферах: социальной, эмоциональной, интеллектуальной, телесной, ценностно-смысловой. Эрик Эриксон определяет «кризисом идентичности» подростковый возраст, что подразумевает активный поиск своего места в обществе, самоопределение (Erikson, 1959). В.Э. Чудновский считает, что ноологическое взросление поможет гармоничному становлению личности (Чудновский, 2015). Отметим, что в психологической литературе немало исследований, посвященных подростковому возрасту, в частности, изучению ценностно-смысловой сферы, психологических, социальных особенностей данного возраста, влияния творческой деятельности на формирование подростка, в то же время отмечается дефицит работ, посвященных взаимосвязи типа рефлексии и творческой направленности в данном возрасте (Психология смысла жизни: школа В. Э. Чудновского, 2021).

Актуальным является изучение новых направлений в психологии — арт-логотерапевтических методов, исследующих ценностно-смысловую сферу личности подростков; формирование рефлексии, ориентированной как на себя, так и на мир вокруг; развитие креативности как одной из важнейших способностей в построении и преодолении жизненных задач. Важным является и формирование общей образовательной среды, направленной на создание здоровых условий для исследования подростками их жизненного пространства, а также сопровождение их в этом процессе (Попова, 2020).

Цель исследования — изучить типы рефлексии и уровни креативности в подростковом возрасте и исследовать взаимосвязи.

Выборка

Респондентами для исследования стали 60 человек (46 участниц женского пола, 14 участников мужского пола), возраст от 13 до 17 лет. Средний возраст — 14,5 лет. Большинство участников исследования — тринадцатилетние подростки (46,6%), 21,6% участников — 14-15 лет, 31,6% — от 15 до 17 лет. 77% респондентов женского пола, 23 % — мужского пола.

Основная часть выборки состоит из учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ Казахстана, несколько респондентов обучаются на первых курсах колледжа.

Методы и методики

В исследовании были использованы методы теоретического анализа (сравнение, обобщение, систематизация и др.); методики психологической диагностики; методы статистической обработки данных (описательные статистики); корреляционный анализ — коэффициент ранговой корреляции Кендалла, арт-логотерапевтическое упражнение «Драгоценность», которое можно отнести к качественным методам исследования.

Программно-техническое обеспечение исследования. Сбор эмпирических данных производился программой Гугл Формы, через сайт onlinetestpad.com, использовались распечатанные бланки тестов.

Для статистической обработки полученных данных была использована программа IBM SPSS Statistics, version 19.

Эмпирические данные исследования были получены с применением следующих методик.

Методика «Дифференциальный тест рефлексивности» (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптева, Е.Н. Осина, А.Ж. Салихова).

Данная методика предназначена для изучения индивидуальных особенностей, основана на дифференциальной модели рефлексивности (впервые опубликована в 2014 году). Опросник состоит из 30 утвердительных тезисов, требующих выбора одного из четырех вариантов ответа: «нет», «скорее нет, чем да», «скорее да, чем нет», «нет». Дает возможность дифференцировать рефлексивность по трем шкалам: системная рефлексия, интроспекция и квазирефлексия.

Системная рефлексия основана на самодистанцировании и взгляде на себя со стороны, позволяет видеть одновременно полюс субъекта и полюс объекта, позволяет видеть как саму ситуацию взаимодействия во всех ее аспектах (включая и полюс субъекта, и полюс объекта), так и альтернативные возможности (Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., 2014).

Интроспекция фокусируется на своем внутреннем переживании и состоянии.

Квазирефлексия направлена на объект, который не имеет отношения к актуальной жизненной ситуации, провоцирует уход в посторонние размышления на отдаленные темы.

Дифференциальный тест креативности (Е.Е. Туник).

Диагностика личной креативности по методике Елены Евгеньевны Туник предназначена для определения четырех особенностей творческого человека: любознательности, воображения, сложности и склонности к риску. Методика является адаптированной версией теста Е. Торренса, впервые опубликованного в 1966 году (Туник, 2002).

Любознательность подразумевает стремление изучать устройство вещей, постоянный поиск новых путей (способы) мышления, изучение новых вещей и идей, поиск разных возможностей решения задач, стремление познать как можно больше.

Человек с развитым воображением склонен мечтать о различных местах и вещах; любит думать о явлениях, с которыми не сталкивался; видит то, что изображено на картинах и рисунках, необычно, не так, как другие; склонен что-то придумывать и сочинять; часто испытывает удивление по поводу различных идей и событий.

Сложность подразумевает ориентированность на познание сложных явлений, проявление интереса к сложным вещам и идеям; постановку перед собой трудных задач; стремление к изучению чего-либо без посторонней помощи; проявление настойчивости; предложение слишком сложных путей решения проблемы, чем это кажется необходимым; проявляет интерес к сложным заданиям.

Склонность к риску отображается в отстаивании своих идей без обращения внимания на реакцию других; постановке высоких целей и ориентированности на их осуществление; допуске для себя возможности ошибок и провалов; в любви к изучению новых вещей или идей; придерживании своего мнения; предпочтении иметь шанс рискнуть, чтобы узнать, что из этого получится.

Методика «Драгоценность» (Т.А. Попова) (Попова, 2020).

Данная методика является арт-логотерапевтическим упражнением, которое позволяет отразить ценность своей жизни через продукт творческой деятельности.

Для выполнения методики необходимы любые художественные материалы: участники могут лепить, рисовать, конструировать. В качестве задания предлагается слепить, изобразить, смоделировать ответ на вопрос «В чем моя ценность?». Предлагаются также дополнительные вопросы: «В чем ценность моей жизни? Что значит мое присутствие в мире, как я делаю его уникальным?»

Данная методика позволяет отследить ценности и смысловую направленность в жизни человека через изучение продукта творческой деятельности и комментарии автора. Таким образом появляется возможность проведения качественного исследования.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты исследования по методике «Дифференциальный тест рефлексивности» обработаны и размещены в таблице 1.

Таблица 1

**Описательные статистики по методике
«Дифференциальный тест рефлексивности»**

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Межквартильный размах	Минимум	Максимум
Квазирефлексия	27,8	5,5	28	8	16	36
Системная рефлексия	37,9	7,1	39	11	22	48
Интроекция	25,2	6,5	25	11	12	45

В Таблице 1 видно, что самые большие средние показатели респондентов относятся к шкале системной рефлексии, однако, важно отметить, что данные показывают большую склонность и к интроекции, и к квазирефлексии. Полученные данные демонстрируют соотношение участников выборки по преобладанию того или иного типа рефлексии: 55 из 60 респондентов набрали больший балл по шкале «Системная рефлексия», соответственно, 92 % выборки имеет большую склонность к системному типу рефлексии. Эти участники обладают хорошими способностями и потенциалом смотреть на ситуацию в ее комплексе внутренних и внешних факторов. Результаты, полученные по методике личностной креативности, нашли отражение в таблице 2.

Таблица 2

Описательные статистики по методике личностной креативности

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Межквартильный размах	Минимум	Максимум
Склонность к риску	15,3	4,5	15	5	3	26
Любознательность	13,8	5,1	14	8	2	24
Сложность	13,1	4,8	14	6	0	22
Воображение	10,9	4,2	11	6	0	19
Общая креативность	53,1	14,9	52	23	19	89

Согласно таблице, наибольший средний балл по выборке относится к параметру «склонность к риску», что согласовывается со стремлением к новому, к риску в подростковом возрасте. Средний балл общей креативности (суммарное всех шкал) равен 53,1, что является средним тестовым показателем, то есть группа показала общий средний уровень креативности (повышенный начинается от

61 балла). 47% участников выборки имеют средние тестовые показатели по общему уровню креативности, 30% — повышенные тестовые показатели, 18% — пониженные. Низкий тестовый показатель общего уровня креативности выявлен у 2% участников (1 человек), высокий уровень общей креативности показали 3% участников (2 человека). Данные подтверждают идею о том, что креативность находится в активной фазе формирования в подростковом возрасте. С одной стороны, подростки стремятся пробовать что-то новое, рисковать, познавать этот мир, делать по-иному, чем раньше; с другой — не обладают достаточным опытом и навыками, способствующими развитию творческих способностей.

Анализ взаимосвязи типа рефлексии и уровня креативности личности отражен в таблице 3.

Таблица 3

Анализ взаимосвязи уровня креативности и типа рефлексии

Показатели	Коэффициент корреляции $r_{\text{в-Кендалла}}$	Склонность к риску	Любознательность	Сложность	Воображение	Общая креативность
Квазирефлексия	$r_{\text{ху}}$	0,310*	0,215*	0,090	0,362*	0,277*
	p	0,001	0,021	0,335	<0,001	0,002
Системная рефлексия	$r_{\text{ху}}$	0,287*	0,335*	0,274*	0,385*	0,393*
	p	0,002	<0,001	0,003	<0,001	<0,001
Интроспекция	$r_{\text{ху}}$	0,037	-0,065	-0,194*	0,065	-0,047
	p	0,690	0,484	0,036	0,483	0,609

* - статистическая значимость $p \leq 0,05$

Анализируя данные, полученные при проведении исследования на наличие взаимосвязи между уровнем креативности и типом рефлексии по методикам «Диагностика личностной креативности» и «Дифференциальный тест рефлексивности», важно отметить значимую положительную корреляцию между системной рефлексией и всеми шкалами личностной креативности: «Склонность к риску» ($r=0,287^*$; $p=0,002$); «Любознательность» ($r=0,335^*$; $p<0,001$); «Сложность» ($r=0,274^*$; $p=0,003$); «Воображение» ($r=0,385^*$; $p<0,001$); «Общая креативность» ($r=0,393^*$; $p<0,001$).

Это означает, что подросток способен самодистанцироваться и анализировать ситуацию не только через призму собственного «Я», но и смотреть на мир вокруг. Предположительно, тогда повышается его открытость к новым возможностям, це-

леполагание, проявление настойчивости, стремление решать трудные задачи, интерес к новому, воображение и креативное отношение к жизни в общем.

Шкала «Квазирефлексия» имеет также значимые положительные корреляции со всеми шкалами «Диагностики личностной креативности», кроме показателя «Сложность». Из этого можно сделать вывод о том, что если подросток склонен уходить в размышления на посторонние темы и ему сложно сконцентрироваться на актуальной ситуации, то это также может говорить о повышенном воображении, любознательности и креативности в целом.

По шкале «Интроспекция» («Дифференциальный тест рефлексивности») найдена значимая отрицательная корреляция со шкалой «Сложность» («Диагностика личностной креативности») ($r=-0,194^*$; $p=0,036$), что подтверждает взгляд на такой тип рефлексии, как на одностороннюю.

Анализ взаимосвязи уровня креативности и типа рефлексии у подростков дает основание сделать вывод о том, что склонность к квазирефлексии в подростковом возрасте имеет прямую взаимосвязь с воображением, любознательностью и общей креативностью подростка; в то же время системная рефлексия, как наиболее адаптивная и многогранная (по Д.А. Леонтьеву), имеет прямую корреляцию со всеми показателями теста «Диагностика личностной креативности». Таким образом, можно отметить тенденцию: чем выше креативность, тем, возможно, большее разнообразие и гибкость в рефлексии.

Приведенные результаты показывают взаимосвязь типа рефлексии с показателями личной креативности. Тестовые методики дают возможность установления фактов при помощи номотетических методов, описывая в целом корреляционные связи. Но в нашем исследовании также было важно рассмотрение системы личностных смыслов и изучение целостной картины. Арт-логоупражнение в данном случае было использовано не как терапевтическое, а как диагностическое, но в то же время дающее понимание через идиографический подход.

Арт-логоупражнение «Драгоценность» помогает осознать ценность собственной жизни. «Идея упражнения была основана на высказывании В. Франкла о коперниковском перевороте — мы должны не у жизни спрашивать, чем она ценна для нас, а представить, что жизнь спрашивает у нас о нашей ценности» (Попова, 2020).

Для выполнения методики необходимы любые художественные материалы. Участникам предлагается:

а) нарисовать, слепить, смоделировать какой-то объект или абстракцию, размышляя над вопросом: «В чем моя ценность? Что значит мое присутствие в мире, и как я делаю его уникальным?»

б) опираясь на полученный продукт творческой деятельности, письменно ответить на заданные вопросы.

В рамках нашей работы было проведено арт-логотерапевтическое упражнение «Драгоценность» среди всех участников исследования. С одной группой оно проводилось в рамках образовательного процесса офлайн, для них были подготовлены специальные бланки с местом для рисунка и вопросами. Часть участников выполняли данное упражнение онлайн в рамках научно-образо-

вательного проекта «Смысл жизни и судьба. Как построить собственное будущее?». У этих участников была возможность представить свои продукты творческой деятельности, рассказать о них, ответить на дополнительные вопросы, внести изменения. Еще одна часть испытуемых выполняли данное упражнение через Google - формы и загружали свои рисунки на портал, также оставляя ответы на дополнительные вопросы онлайн.

Отметим, что как условия, так и выбранный материал отличались при выполнении упражнения. В рамках проекта у участников было больше времени и больше возможностей экспериментировать с разными материалами. Например, помимо изобразительных средств некоторые участники работали с пластилином, фольгой или бумагой. Были участники, которые использовали дигитальные средства для выполнения упражнения. Несколько участников отказались выполнять данные упражнения, аргументируя нежеланием или малым возрастом для понимания своей ценности. Методы арт-терапии часто применяются для исследования экзистенциальных данностей и личностного роста человека (Кильдишова, 2021).

За основу анализа нами была взята типология систем жизненных смыслов Котлякова В. Ю., который выделил (Котляков, 2013):

- гедонистические смыслы;
- коммуникативные смыслы;
- статусные смыслы;
- семейные смыслы;
- экзистенциальные смыслы;
- когнитивные смыслы;
- альтруистические смыслы;
- смыслы самореализации.

Предложенная инструкция была подвергнута анализу экспертами-психологами.

Обозначенные участниками смыслы были проанализированы и распределены по категориям. В таблице отражены ответы участников.

Таблица 4

Системы жизненных смыслов участников исследования

Системы жизненных смыслов	Ответы участников исследования
Семейные смыслы	«Смысл в семье», «Семья — самое главное в жизни» «Ценность моей жизни — в семье» «Семья — для меня ценность» «Семья — это мое все» «Мои родители, моя кошка» «Ценность моей жизни — в семье» «Смысл жизни — в семье, близких мне людях их поддержке» «Все близкие рядом» «Ценность моей жизни — это создание в будущем моей семьи, чтобы в ней царила любовь, доверие и поддержка»

	«Моя ценность и поддержка — семья» «Моя семья»
Гедонистические смыслы	«Смысл — счастье, здоровье, сон; это то, что нужно всем» «Смысл жизни — в чем-то новом. Жизнь без эмоций не имеет смысла» «Получение удовлетворения от момента» «Пельмешки, картошка жареная и вообще вся еда моя любимая» «Я живу для того, чтобы жить счастливо и решить все свои проблемы» «Ценность моей жизни — это природа и спокойствие» «Ценность — легкость в жизни» «Ценность — то, что я чувствую жизнь яркой и насыщенной, во мне всегда так много всего бурлит» «Восхищаться этим миром» «Мои чувства»
Коммуникативные смыслы	«Получение удовлетворения от окружения и людей, с которыми проводишь время» «Ценность — это дружба, позитив, вклад» «Ценность моей жизни в друзьях» «Друзья» «Мои друзья» «Я люблю проводить время с друзьями и помогать им. Ценность — когда ты понимаешь, тебя понимают» «Моя ценность — нести добро, тепло, часто через общение» «Ценность — быть поддержкой для других, несмотря на то, что сам можешь казаться хрупким» «Я умею дружить и поддерживать разных людей и видеть их плюсы» «Отдавать любовь близким и друзьям» «Стараюсь делиться с людьми именно хорошим» «Я знаю язык жестов и могу разговаривать с глухонемыми людьми»
Статусные смыслы	«Деньги, успех» «Деньги» «Добиваться любой ценой» «Я — жизнь, я — дочь, я — гимнастка, я — кадет, я — защитник, я — ребенок, я — гражданин, я — ученик»

Экзистенциальные смыслы	«Ценность — видеть эту жизнь и понимать ее» «Ценность — любовь» «Любовь» «Ценность моей жизни — это найти ее смысл» «Любовь — драгоценность жизни. Без любви не было бы нас» «Смысл жизни — в любви» «Любовь, поддержка» «Моя ценность — дарить любовь через искусство. Я вношу в этот мир музыку искусства» «Ценность — то, что я живу» «Моя ценность в том, что я впитала много любви и отдаю ее» «В мире очень тяжело сейчас, будто темнота, но я не теряю надежду и жду рассвет» «Я умею побеждать трудности и видеть жизнь не только в серо-белых тонах, но и в ярких» «Ценность — то, что я чувствую жизнь яркой, насыщенной, во мне всегда так много всего бурлит» «Моя ценность — жить и идти вперед, несмотря ни на что, быть верным своим принципам»
Когнитивные смыслы	«Мудрость и ум — моя ценность» «Все пережитые события, воспоминания делают меня той, кем я являюсь сейчас» «Моя ценность в том, что я разная, и я умею дружить и поддерживать разных людей, видеть их плюсы» «Мне нравятся глаза людей, они загадочные, мне кажется, я умею видеть красоту в людях» «В мире очень тяжело сейчас, будто темнота, я не теряю надежду, жду рассвет» «Я не знаю, в чем моя ценность, наверное, в том, что я ее ищу» «Мне кажется, на этот вопрос лучше обо мне ответят другие» «Сокровища — мои знания, мой характер, мои чувства»
Альтруистические смыслы	«Ценность — быть поддержкой для других, несмотря на то, что сам можешь казаться хрупким» «Люблю поддерживать» «Ценность моей жизни заключается в том, что я несу свет окружающим через свои поступки, слова, поведение» «Нести добро, тепло»

Смыслы самореализации	«Я прощаю и вместо зла даю добро» «Миссия, вклад» «Ну, как у всех, у меня есть своя уникальность, и я делаю многие вещи по-своему, никто, кроме меня, так не сделает» «В моей жизни ценность — это то, кем я хочу стать. Я хочу стать врачом, это мечта. Но кто знает, может, она сбудется, я сделаю лекарство от неизлечимых болезней» «Моя мечта связана с музыкой, моя ценность — дарить любовь через искусство. Я вношу в этот мир музыку искусства» «Восхищаться этим миром и приносить в него красоту через творчество» «В том, кем я стану. Я мечтаю стать стилистом, визажистом или модельером» «Я и мои особенности»
-------------------------------------	---

Ниже представлена диаграмма, показывающая соотношение ответов участников исследования по типам жизненных смыслов.

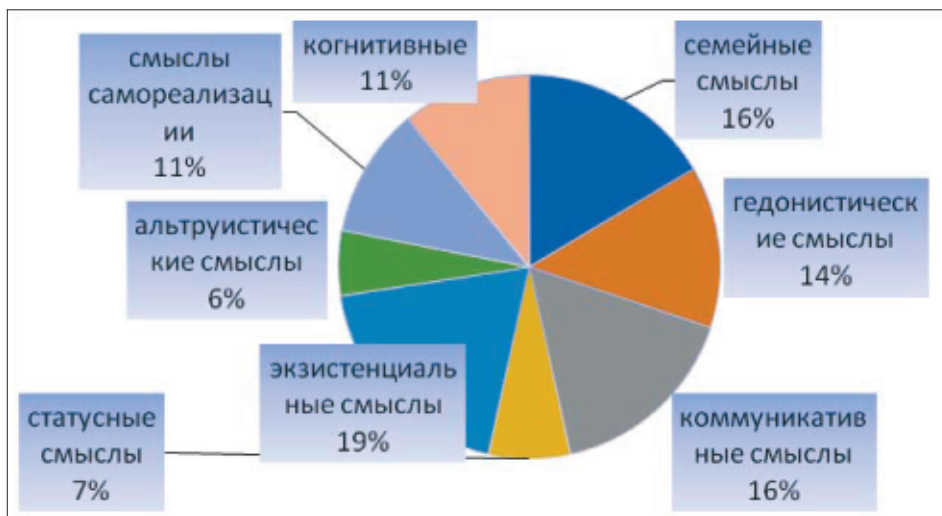

Рис. 1. Соотношение ответов участников по типам жизненных смыслов

На рисунке 1 можно увидеть, что большую часть ответов (19%) участников исследования можно отнести к экзистенциальным жизненным смыслам. К таким ценностям относятся любовь, свобода выбора, ценность жизни как таковой, и т.д. Важно отметить, что большей части респондентов, отмечающих подобным видом ценность своей жизни, от 14 и более лет.

На рисунке 2 приведены примеры работ участников, отображающих экзистенциальные смыслы, среди которых: «видеть жизнь и понимать ее», «то, что я живу», «любовь».

Рис. 2. Экзистенциальные смыслы (примеры работ участников)

Следующие по популярности ответы можно отнести к семейным смыслам и ценностям (16%), коммуникативным (16%) и гедонистическим (14%). Действительно, большое количество участников отмечали самой большой ценностью своей жизни семью, как собственную, которая является большой поддержкой, так и ценность построения семьи в будущем. На рисунках ниже отображены примеры работ участников, обозначающие семейные смыслы.

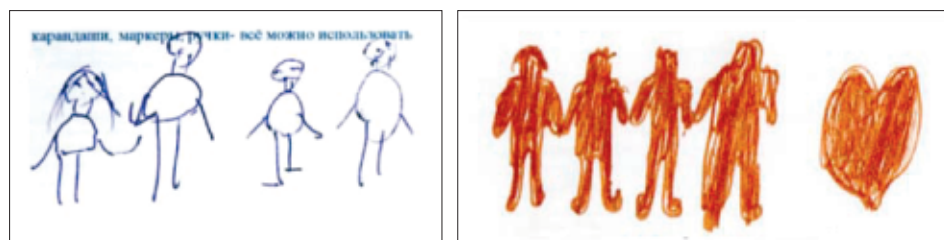

Рис. 3. Семейные смыслы (примеры работ участников)

Большая часть ответов, относящихся к коммуникативным смыслам, посвящена друзьям, что очень свойственно подросткам. Во многих случаях отмечается ценность помогать, делать что-то для других, проводить время вместе.

Так, участница Д. (12 лет) назвала своей ценностью знание языка жестов, отмечая, что вокруг нее много таких людей и она может с ними общаться. Данный пример, а также другие работы, посвященные коммуникативным смыслам, отображены на Рисунке 4.

Рис. 4. Коммуникативные смыслы (примеры работ участников)

К гедонистическим смыслам можно отнести ценности наслаждения жизнью, поиск комфорта, радости, счастья, проживания позитивных эмоций. Подростки ценят счастливую жизнь, успех, сон, здоровье, яркую эмоциональную насыщенность. Ниже можно увидеть примеры работ, отображающие гедонистические смыслы участников.

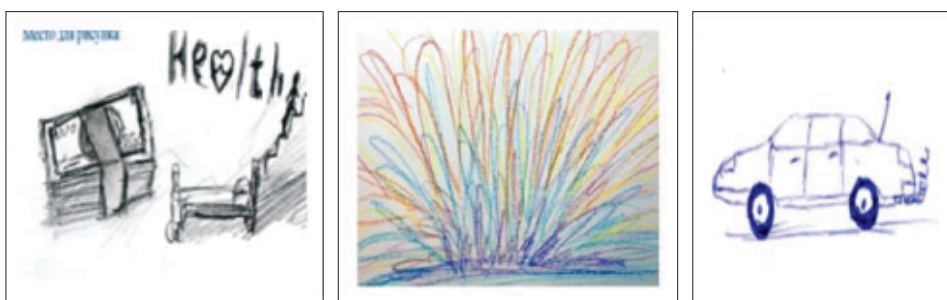

Рис.5. Гедонистические смыслы (примеры работ участников)

Достаточно много ответов (11%) посвящены смыслам самореализации своей миссии, призванию, мечте, будущей профессии, важности понимания и развития своих способностей, талантов, качеств характера. В ответах много отсылок как к своей будущей профессии, так и к самопознанию. Подростки мечтают о профессиях: врача, стилиста, модельера; видят своей миссией занятия музыкой, в частности, распространение классической музыки, творчество. На Рис. 6 отображены работы участников, отображающие смыслы самореализации.

Рис. 6. Смыслы самореализации (примеры работ участников)

Такое же количество ответов (11%) могут быть отнесены к когнитивным жизненным смыслам. Такие подростки стремятся познавать жизнь, ставят перед собой вопросы, стремятся понять как себя, так и окружающий мир. Участник Т. (15 лет) пишет: «В мире очень тяжело сейчас, будто темнота, но я не теряю надежду и жду рассвет» (Рис.7). Участница А. (14 лет) комментирует свой рисунок: «Я не знаю, в чем моя ценность, наверное, в том, что я ее ищу» (см. рис.7).

Рис. 7. Когнитивные смыслы (примеры работ участников)

Меньше всего ответов соотносится со статусными (7%) и альтруистическими ответами (6%). Первое связано с достижением успехов, положением в обществе. Второе — с самоотдачей, помощью другим.

Среди статусных смыслов отмечается стремление подростков достичь своих целей любой ценой, позиционирование себя как гражданина, защитника и т.д. На Рисунке 8 отображены примеры работ участников, отображающие статусные смыслы.

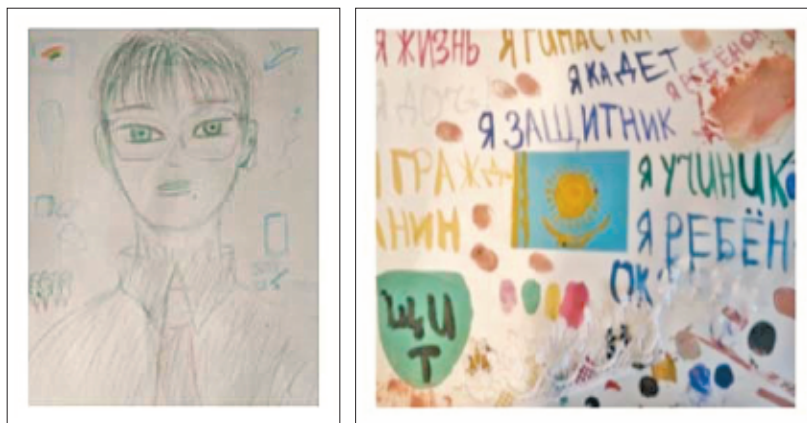

Рис. 8. Статусные смыслы (примеры работ участников)

Подростки, участвующие в исследовании, в качестве альтруистических смыслов отображают желания нести доброту, свет, добро, помогать и поддерживать других. Ниже представлены примеры работ участников, отображающие данные жизненные смыслы.

Рис. 9. Альтруистические смыслы (примеры работ участников)

При анализе продуктов творческой деятельности подростков, выполнивших упражнение, можно выделить определенные группы образов, через которые участники обозначают свои жизненные смыслы (в порядке убывания частоты их использования):

- 1) Сердце
- 2) Люди, глаза
- 3) Цветы, деревья, пейзажи
- 4) Животный мир (кошка, заяц, дракон, бабочка)
- 5) Различные предметы (свеча, книга, машина, деньги, компьютер и т.д.)
- 6) Геометрические фигуры, кластер
- 7) Абстрактные образы

Например, участница Д. (14 лет) (см. рис.10), изобразила на сине-фиолетовом фоне множество глаз, комментируя, что «может, красота разных людей выражена в их необычности, разности». Отметим, что в проективных методах существуют интерпретации, и часто глаза в рисунках могут обозначать тревогу автора или боязнь. В арт-терапевтических методах и методиках мы обращаемся к интерпретации автора. Как считает Маргарет Наумбург, Натали Роджерс и многие другие арт-терапевты, — только автор знает истинное значение того или иного образа или символа. Автор ПТД основывается на собственном жизненном опыте, поэтому мы не можем давать свои интерпретации, даже если они указываются, как наиболее распространенные. В данном случае девушка выбрала глаза, возможно, как символ уникальности («необычность и разность»).

Рис.10. Рисунок участницы Д., 14 лет (Артлогоупражнение «Драгоценность»)

Участница К. (13 лет) (рис.16) изобразила на рисунке деревню «Кривозенка» и много деревьев, отображая ценность семьи и совместное время у бабушки.

Рис.11. Рисунок участницы К., 15 лет (Артлогоупражнение «Драгоценность»)

Методика «Драгоценность» может иметь широкий диагностический спектр. Существует возможность продиагностировать не только направленность жизненных смыслов человека, но (как и изотерапевтическим методом) и состояние, в котором находится человек. Таким образом, можно увидеть наличие смыслов и ценностей, а также их утрату.

Пример идеографического исследования на основании продукта творческой деятельности 14-летней школьницы В. (см. рис. 12).

Подросток зачеркнула свой первый рисунок и заклеила его стикерами, нарисовав дерево и написав под вопросом о ценности ее жизни — «Ни в чем». На вопрос педагога, важно ли то, что под стикерами, девочка ответила, что рисовала бабушку, но бабушка умерла недавно, а отношения с ней и были ее драгоценностью. Никто из педагогов и школьных психологов не знал до этого о случившемся горе в жизни школьницы и ее семьи, тем самым не имели возможности оказать поддержку. Осознание ценности теплых взаимоотношений произошло через переживание потери, и девушка еще остро реагировала на случившееся. С другой стороны, рисунок вселяет надежду, что нарисованное дерево по известной проективной методике означает метафорический портрет автора, и дерево продолжает жить. Оно нарисовано схематично, наспех, но оно живое, оно растет, возможно, вопреки. Это для нас пересекается с франкловским «сказать жизни «да», несмотря ни на что». Работа со школьницей показала, что для нее очень отчетливо стали проявляться смыслы, стал понятен смысл и ценность близких отношений, и ощущение пустоты, и отсутствия ценности. В этот момент еще раз можно прочувствовать то, что наличие и значимость любимых и близких людей — дар, который важно ценить. Потери в жизни неизбежны, и в эти моменты мы переживаем страдания и боль, но именно они делают нас сильнее. Важным было исследовать смыслы — слова говорят и демонстрируют отсутствие смысла — «ни в чем», а рисунок находится в противоречии, показывая, что он есть, только сейчас из-за потери, боли как будто утерлся и он, но осталось живое свидетельство жизни — дерево.

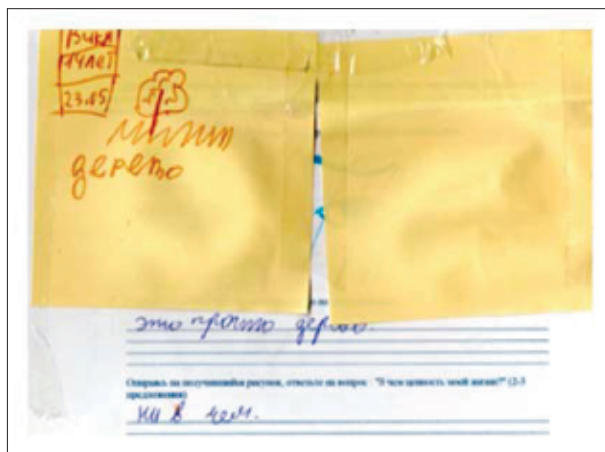

Рис. 12. Рисунок участницы В., 14 лет (Артлогоупражнение «Драгоценность»)

Таким образом, отсутствие понимания ценности и смысла может быть также важным сигналом в процессе психолого-педагогического сопровождения детей.

Анализ продуктов творческой деятельности участников показал неоднородность жизненных смыслов, отображаемых участниками, что выражено в маленьких процентных различиях между выбранными категориями смыслов. Подростки отмечают совершенно разные жизненные смыслы и ценности, среди которых сложно определить приоритеты. Это подтверждает тот факт, что подростки находятся в активном процессе поиска и формирования своих жизненных ориентиров, на что оказывают влияние разные факторы. Большое количество работ участников, отображающих экзистенциальные смыслы, также подтверждает актуализирующиеся в этом возрасте: стремление поиска смысла жизни вообще, желание понять мироустройство и свое место в нем. Большое влияние также на это могли оказать социальные, экономические события последних лет, включающие карантин, ковид и его последствия для общества и отдельных семей.

Заключение.

Результаты исследования показали, что подростковый возраст является сензитивным для проявления рефлексии. В результате номотетического исследования было установлено, что респонденты в подавляющем большинстве (а именно 92 %) имеют большую склонность к системному типу рефлексии, что обеспечивает их адекватностью и способностью рассматривать ситуации в комплексном варианте с учетом внутренних и внешних факторов. При выявлении уровня креативности были получены следующие результаты: 47% участников выборки имеют средние тестовые показатели по общему уровню креативности, 30% – повышенные тестовые показатели, 18% – пониженные. Также в исследовании была поставлена задача изучения взаимосвязи, в результате чего удалось выяснить значимую положительную корреляцию между системной рефлексией и всеми шкалами личностной креативности: «Склонность к риску» ($r=0,287^*$; $p=0,002$); «Любознательность» ($r=0,335^*$; $p<0,001$); «Сложность» ($r=0,274^*$; $p=0,003$); «Воображение» ($r=0,385^*$; $p<0,001$); «Общая креативность» ($r=0,393^*$; $p<0,001$). Вероятно, это означает, что подросток способен самостоятельно анализировать, а также самодистанцироваться, смотреть на мир вокруг, при этом проявлять открытость и интерес к новому, решать трудные задачи, проявлять воображение и креативное отношение к жизни в общем. Шкала «Квазирефлексия» также имеет значимые положительные корреляции со всеми шкалами «Диагностики личностной креативности», кроме показателя «Сложность». И это как раз показывает, что для подросткового периода нет в этом никаких противоречий, потому что для подростка это период становления «Я»: он одновременно целеустремленный и, в то же время, «витает в облаках». Но для размышлений о ценности недостаточным становится применение тестовых методик. «Драгоценность» (как качественная методика) позволяет уловить разные смыслы, увидеть невербальные феномены и прочитывать вербальные ответы про продукты творческой деятельности. Анализ ответов дает возможность сделать вывод о подтверждении наличия гибкой рефлексии, что означает близость к системной рефлексии. О креативности говорит то, что дети используют абстрактные образы, форму, цвет.

Результаты исследования демонстрируют возможности объединения различных подходов в одном исследовании, что делает исследование целостным, открывает пути глубокого изучения как общих тенденций, так и выделение отдельных монографических описаний, не только иллюстрирующих феноменологические особенности, но позволяющие создать одновременно более детальную и, в то же время, общую картину ценностей, типов рефлексий и уровня креативности современного подростка.

Литература

- Кильдишова А.С. Арт-терапия и личностный рост человека // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-terapiya-i-lichnostnyy-rost-cheloveka> (дата обращения: 18.11.2023).
- Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов/ В.Ю. Котляков [Текст] // Вестник КемГУ. — 2013. — №2. — 148с.
- Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике [Текст] / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — Т. 11. — №. 4. —110-135с.
- Лурия А.Р. Принципы реальной психологии (о некоторых тенденциях современной психологии) // Лурия А.Р. Психологическое наследие. Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. — М., 2003. — 295-383с.
- Попова Т.А. Артлоготерапия: раскрытие ценностей творчества и смысла // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020: Электронный сборник материалов XXV Международного симпозиума / Отв. ред.: Г.А. Вайзер, Т.А. Попова, Н.В. Кисельникова — М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. — 315с.
- Попова Т.А. Экзистенциальная направленность в проектной деятельности студентов и школьников// Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XXV Международного симпозиума / Отв. ред.: Г.А. Вайзер, Т.А. Попова, Н.В. Кисельникова. — М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. — 315 с.
- Психология смысла жизни: школа В. Э. Чудновского. Коллективная монография [Текст] / под ред. Т.А. Поповой, Н.Л. Карповой, Г.А. Вайзер, К.В. Карпинского. — М.: Смысл, 2021. — 676 + XII с.
- Туник Е.Е. Диагностика личностной креативности [Текст] / Е.Е. Туник // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: сборник / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. — М., 2002. — 59-64с.
- Чудновский В.Э. К вопросу о необходимости учебного курса формирования смысло- жизненных ориентаций старшеклассников [Текст] // Вестник МГОУ, серия «Психологические науки». 2015. No 1. — 66-72с.

- Erikson E.H.* Identiliti and the life cycle. Psychological issues/ E.H. Erikszon // Psychological issues. — 1959. — Vol.1. — No 1. — 191 p.
- Hans Thomae* (1999). The Nomothetic-Idiographic Issue: Some Roots and Recent Trends., 28(1-2), 187–215. doi:10.1023/a:1021891506378
- Smith, J.A., Harre, R., & Van Langenhove, L.* (Eds.). (1995). Rethinking psychology. London: Sage

References

- Kildishova, A. S.* (2021). Art Therapy and Personal Growth // Psychological Issues of Meaning of Life and Acme, 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-terapiya-i-lichnostnyy-rost-cheloveka> (Accessed: 18.11.2023).
- Kotlyakov, V. Y.* (2013). Methodology «System of Life Meanings» // Bulletin of KemSU, 2, 148.
- Leontiev, D. A., & Osin, E. N.* (2014). «Good» and «Bad» Reflection: From Explanatory Model to Differential Diagnosis // Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 11(4), 110–135.
- Luria, A. R.* (2003). Principles of Real Psychology (On Some Trends in Modern Psychology) // *Luria A.R.* Psychological Heritage. Selected Works on General Psychology. Eds. J.M. Glozman, D.A. Leontiev, E.G. Radkovskaya. Moscow, 295–383.
- Popova, T. A.* (2020). Art-Logo Therapy: Revealing the Values of Creativity and Meaning // Psychological Issues of Meaning of Life and Acme: Electronic Collection of Materials of the XXV International Symposium. Eds. G.A. Vayzer, T.A. Popova, N.V. Kiselnikova. Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution «Psychological Institute of RAS,» 315.
- Popova, T. A.* (2020). Existential Orientation in Project Activities of Students and Schoolchildren // Psychological Issues of Meaning of Life and Acme: Electronic Collection of Materials of the XXV International Symposium. Eds. G.A. Vayzer, T.A. Popova, N.V. Kiselnikova. Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution «Psychological Institute of RAS,» 315.
- Psychology of the Meaning of Life: V.E. Chudnovsky's School. Collective Monograph (2021). Eds. T.A. Popova, N.L. Karpova, G.A. Vayzer, K.V. Karpinsky. Moscow: Smysl, 676 + XII p.
- Tunik, E. E.* (2002). Diagnosis of Personal Creativity // Social-Psychological Diagnosis of Personality and Small Groups: Collection / N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuilov. Moscow, 59-64.
- Chudnovsky, V. E.* (2015). On the Need for a Course on the Formation of Meaning-Life Orientations of High School Students // Bulletin of MGOU, series «Psychological Sciences,» 1, 66-72.
- Erikson, E. H.* (1959). Identity and the Life Cycle // Psychological Issues, 1(1), 191 p.
- Hans Thomae* (1999). The Nomothetic-Idiographic Issue: Some Roots and Recent Trends., 28(1-2), 187–215. doi:10.1023/a:1021891506378
- Smith, J.A., Harre, R., & Van Langenhove, L.* (Eds.). (1995). Rethinking Psychology. London: Sage.

Информация об авторах

Попова Татьяна Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования, научный руководитель магистратуры «Арт-терапия в психологическом консультировании и развитии личности» Московского Института Психоанализа, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>, e-mail: elenia2@yandex.ru

Кильдишова Алиса Сергеевна, магистр педагогических наук, магистр психологии, преподаватель Московского Института Психоанализа, Москва, Россия, e-mail: elsie.jc@mail.ru

Information about the authors

Tatyana A. Popova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Non-State educational private institution of higher education «Moscow Institute of Psychoanalysis», Senior Researcher of the Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy of Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research», Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8772-8990>, email: elenia2@yandex.ru.

Alissa S. Kildishova, Master of Pedagogical Sciences, Master of Psychology, Lecturer at the Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, email: elsie.jc@mail.ru

Получена: 20.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 20.09.2023

Accepted: 30.09.2023

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЧАСТНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ ОБ ОБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

НИКИТИН И.Ю.

Университет Джона Ф. Кеннеди, г. Плезант Хилл, Калифорния, США

В статье автором предлагается развитие тезиса о необходимости разделения психоаналитического исследования художественного творчества на субъект-ориентированное (художник) и объект-ориентированное (произведение); даются отдельные размышления о сущности последнего. Автором приводится мнение по вопросу технических методов объект-ориентированного исследования и их места в итоговом анализе; обосновывается отнесение объект-ориентированного исследования к глубинной (нюансированной психоанализом) герменевтике; рассматривается аспект определения степени отношения объект-ориентированного анализа к понятию «художественности», приводятся доводы в пользу необходимости отнесения последнего к искусству; выдвигается положение о частичном соответствии смыслов объект-ориентированного исследования научному знанию с позиций позитивистской философии; утверждается роль исследования на стыке науки и искусства.

Ключевые слова: психоанализ, художественное творчество, художественность, наука, герменевтика, позитивизм.

Для цитаты: Никитин И.Ю. Частные примечания об объект-ориентированном психоаналитическом исследовании художественного творчества // Познание и переживание. 2023. Т. 4. № 3. С.92–106. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_07

Для контактов: Никитин Илья Юрьевич, nikitin.ilia89@gmail.com.

PARTICULAR NOTES ON OBJECT-ORIENTED PSYCHOANALYTIC RESEARCH OF ARTWORK

ILIA YU. NIKITIN

John F. Kennedy University, Pleasant Hill, CA, USA

In the article, the author proposes the development of the thesis on the need to separate the psychoanalytic study of artistic creativity into subject-oriented (artist) and object-oriented (work) and provides separate reflections on the essence of the latter. The author gives opinion on the issue of technical methods of object-oriented research and their place in the final analysis, justifies the attribution of object-oriented research to deep (nuanced by

psychoanalysis) hermeneutics, considers the aspect of determining the degree of relation of object-oriented analysis to the concept of «artistry» and provides arguments in favor of the need to attribute the latter to art, puts forward a position on partial correspondence of the meanings of object-oriented research to scientific knowledge from the standpoint of positivist philosophy, the role of research at the intersection of science and art is asserted.

Keywords: psychoanalysis, artistic creativity, science, artistry, hermeneutics, positivism.

For citation: Nikitin I. Yu. Particular notes on object-oriented psychoanalytic research of artwork // *Poznanie i perezhivanie* [Cognition and Experience]. 2023. V. 4. № 3. P. 92–106. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_03_07 (in Russ.).

Corresponding author: Nikitin Ilia Yurievich, nikitin.ilia89@gmail.com.

1

«Пожалуй, достаточно очевидно, что художник должен быть объяснен из своего творчества, а не из несовершенств своей натуры и не из личных конфликтов, которые представляют собой лишь прискорбные последствия того факта, что он — художник»
(Юнг, 1991, с. 118).

В работе «Синописис фрейдистского психоанализа художественного творчества и отдельные соображения по вопросу целей психоаналитического исследования» (Никитин, 2023) ранее нами постулировалась необходимость разделения психоаналитического исследования художественного произведения по его целям: на субъект-ориентированное, фокусирующееся на художнике, и на объект-ориентированное, центрированное на самость художественного произведения. В отношении последнего, выведя художника за скобки анализа, было сделано утверждение, что объект-ориентированное исследование изучает только содержание манифестного и не стремится познать побудительные или бессознательные мотивы и драйвы автора, используя для этого инструментарий работы по толкованию сновидений (анализ процессов сгущения, смещения, вторичной обработки, образования символов), а также свободные ассоциации самого аналитика.

Принимая во внимание, что отмеченное различие психоаналитического исследования художественного произведения по его целям ранее не рассматривалось отечественными авторами в какой-либо достаточно широкой манере и, следовательно, не бралось во внимание при реализации соответствующих научных изысканий, актуальным вопросом — в особенности в свете имеющейся общепсихологической критики указанных работ в части их ненаучности и художественной несамостоятельности — становится приведение некоторых дополнительных развернутых доводов в обоснование необходимости заявленной дифференциации и (как будет продемонстрировано далее в настоящей ра-

боте) самостоятельности объект-ориентированного психоаналитического исследования, в то время как субъект-ориентированное исследование уже было подробно нами рассмотрено в отдельной работе (см. Никитин, 2023b).

Для начала зададимся вопросом, толкование ли одно создает ценность исследования, или психоаналитическое прочтение самостоятельно в тех смыслах, которые рождаются в ходе анализа? И в действительности, стоит ли говорить о техническом инструментарии исследования, если в конечном итоге теория не фальсифицируема, а значит, и ее верификация, эмпирическая проверка ее достоверности невозможны, как гласит популярное положение Поппера (Бусыгина, 2012)? Выдвинем мнение, что обсуждение технического инструментария объект-ориентированного исследования обнаруживает свою крайне ограниченную полезность — приемы анализа уместно подвергать методологическому препарированию, только если они рассматриваются через призму потенциальной опровергаемости результата анализа, возможности повторения аналитического исследования с целью перепроверки его результатов или проведения иного подтверждающего эксперимента, что, как убедительно отмечал Поппер, в части психоанализа само по себе весьма затруднительно (Голубев, Уткина, 2022).

Стоит отметить, что нефальсифицируемость психоаналитического изыскания применительно к литературоведению, впрочем, говорит не о том, что оно псевдонаучно по сути, а о том, что оно относится в меньшей степени к строгому научному исследованию и в большей — к сфере философского искусства, психологизированной глубинной герменевтике, в отношении которой экстраполяция критерия фальсифицируемости будет являться неприменимой. Так, со ссылкой на Лакана и Рикера Мокшанцев, уместно отмечает, «что занятия психоанализом напоминают, скорее, работу литературного критика, чем науку» (Мокшанцев, 2018, с. 6), а Мазин напоминает, что, «размышляя о положении психоанализа в культуре, Фрейд видел для своего детища место именно между поэзией и наукой» (Мазин, 2017, с. 267).

Сам Фрейд в «Исследованиях истерии» писал достаточно прямо: «Меня доныне занимает, что написанные мною истории болезни читаются как повести, ведь это лишает их серьезной научной чеканки. Я должен здесь утешиться тем, что ответственность за этот результат несет, скорее, самая природа предмета, а не мои предпочтения <...>, представление душевных процессов, привычное для писателя, позволяет мне достичь видения хода истории болезни, применяя незначительное количество психологических формул» (Фрейд, цит. по Старовойтову, 2010, с. 36). В действительности, если мы откажемся от (отметим, ненужных) попыток приравнять объект-ориентированное исследование с ортодоксально понимаемым научным знанием, сформулированное Фрейдом замечание перестанет представлять проблему, требующую разрешения. Принимая предмет исследования настоящей статьи за знание вненаучное, то есть знание, не укладывающееся в строго заданные постулаты научной рациональности, а также демонстрирующее иной, не соотносящийся с научным способ познания реального мира (к чему, например, могут быть отнесены инсайты аналитика, его «ага-моменты», откровения, etc.), мы тем самым освобождаем объект-ориенти-

рованное исследование от бремени противопоставления научному знанию, не умаляя его собственного достоинства — достоинства искусства, как предлагает Алейникова: «Это [субъективное в психоанализе — И.Н.] — искусство (которое, естественно, имеет право на существование), но это — Искусство с большой буквы, доступное далеко не всем, это искусство в руках З. Фрейда и очень небольшого числа талантливых аналитиков» (Алейникова, 2013, с. 8).

2

Зададимся иным вопросом, раскрываются ли притязания исследования на художественную самооценку исключительно в техническом таланте исследователя, а именно, в его владении специфическими приемами толкования? Утвердив ранее несущественность обсуждения технического инструментария, а значит, и до некоторой степени поставив под сомнение примат его использования, мы логически приходим к заключению, что не только и не столько он порождает поэтику работы исследователя.

Выдвинем положение, что редуцирование психоаналитического анализа художественного произведения к совокупности технических методов толкования имеет результатом умаление присущей анализу ценности, а именно той внутренней поэтики, что являет психоаналитический язык описания сам по себе. Круглова удачно отмечает здесь наличие у психоаналитической теории способности индуцировать новые ценности в исследуемых явлениях и утверждает: «Применительно к литературоведению это означает, что психоаналитическое прочтение, сфокусированное на художественном тексте как на его предмете, позволит раскрыть в нем новые смыслы» (Круглова, 2022, с. 230).

Не технический набор приемов (который хотя и предусмотрен, но может быть дополнен, видоизменен либо вовсе заменен на глубинно-психологическое толкование как таковое), но следование психоаналитическому дискурсу (в самом широком смысле — акцент на имплицитном, но не эксплицитном содержании) само по себе возводит объект-ориентированное исследование в относительную категорию художественного, при этом степень художественности здесь остается всецело зависимой от аналитического таланта; анализ может быть скуп, и тогда итоговый продукт исследования бульваризируется, становясь безликим образцом научно-популярной психологии, а может являть глубину мысли и проникновенные психологические озарения, обогащающие анализируемое и раскрывающие его ранее неизвестные грани, делая анализ образцом искусства.

Относительность эстетической оценки степени соответствия художественному (в противовес банальному), их демаркация, остается здесь открытым вопросом, убедительный ответ на который может дать только профессиональное сообщество в каждом конкретном случае, что делает невозможным какую-либо выработку единых критериев объективной оценки «степени художественности» для всего многообразия случаев психоаналитических исследований художественного творчества.

Делает ли приведенное рассуждение психоаналитический анализ художественного произведения самостной культурной единицей, или его самостоятельность всегда остается условной, неразрывно связанной с предметом анализа? С одной стороны, дискурс психоаналитического прочтения всегда будет оставаться в орбите анализируемого произведения, с другой — можем ли мы отказать ему в самодостаточности только на этом основании? Самобытность психоаналитического дискурса (как вида искусства) в прикладном аспекте обнаруживает себя в тех результатах, которые достигает анализ, — освещении темных углов экспозиции, выявлении новых содержаний, изобличении смыслообразующей проблематики, выявлении базового конфликта и декомпозиции имманентной сути произведения и исследования его главных действующих лиц. В качестве знаковых примеров возможно здесь сослаться на работы Фрейда — «Жуткое», «Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена», «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве», «Достоевский и отцеубийство» (Фрейд, 1995); перечень других убедительных работ, например, включает исследования К.Г. Юнга творчества Д. Джойса и П. Пикассо; работы Э. Нойманна о Л. да Винчи и М. Шагале (Юнг, Нойманн, 1996); статьи Д. Ранкур-Лаферьера по работам Н.В. Гоголя, А. Солженицына и А.С. Пушкина (Ранкур-Лаферьер, 2004); здесь также могут быть упомянуты менее известные российскому читателю работы К. Абрахама о Дж. Сегантини; М. Бонапарт об Э. По; Э. Эриксона о М. Лютере и М. Ганди. Уместно будет привести мнение П. Рикера, однозначно утвердившего: «Психоанализ сам есть момент развития культуры, поскольку интерпретация, которую он дает человеку, является непосредственным и весьма существенным вкладом в культуру как целое; благодаря психоанализу, интерпретация становится моментом культуры; интерпретируя мир, психоанализ изменяет его» (Рикер, 1996, с. 27).

3

Роднясь в своем естестве непосредственно с художественным творчеством, объект-ориентированное исследование становится вещью в себе и попадает в зависимость от аналитического таланта исследования, способного в равной степени как на скупую банализацию, так и на высокий литературный слог. Допустимо ли будет сказать, что вышеизложенное формулирует врожденный изъян объект-ориентированного исследования, изобличая его отдаленность от научного? — Нет. Так, например, Сурков уместно отмечает, что значительная компонента наличествующего вненаучного знания в психоанализе (связанного, в широком смысле, с ролью личности исследователя как таковой), в сочетании с компонентой научной, не может являться базисом для признания науки (исследования) псевдонаучной, поскольку существование и развитие стерильной научной дисциплины, свободной от вненаучного знания и не подверженной его влиянию, невозможно априори (Сурков, 2004). Впрочем, приведенное мнение не снимает некоторых существенных рисков — как, в частности, постулирует Эсман, говоря о том, что при отсутствии анализанта в прикладном пси-

хоанализе (кто является источником проверяемых данных и подтверждением или опровержением толкований психоаналитика) возникает риск чрезмерного упрощения и дикого психоанализа. Не менее существенный риск возникает также в отсутствие каких-либо выраженных в клиническом сеттинге анализантом стоп-факторов, у аналитика появляется возможность манипулировать данными через призму собственных представлений (отвергая неподходящее или неумещающееся в его (ее) теорию), скрывать лакуны в собственном понимании описываемой ситуации (Эсман, 2001). Указанному риску, как отмечалось ранее при обсуждении критериев качественного субъект-ориентированного психоаналитического исследования, мы противопоставляем только междисциплинарность в подходе к анализу, а именно, рассмотрение исследуемого феномена с позиций разных психоаналитических школ для цели недопущения упущения существенных аспектов исследуемого (Никитин, 2023).

Апеллируя к Рикеру, Филатов отмечает: «интерпретация не сводится к простому декодированию сообщений на основе заранее установленного кода, — это искусство, оперирующее не знаками, а символами. Под символом понимается всякая структура значения, где один смысл — прямой, исходный, буквальный — подразумевает одновременно и другой смысл — косвенный, скрытый, иносказательный, который может быть понят лишь через первый» (Филатов, 2016, с. 208-209). Так, к объект-ориентированному исследованию применимы те критерии, которые предъявляются и к самому художественному творчеству, как, например, способность вызывать у читателя «полноценный процесс эстетического восприятия, или, по-иному, событие эстетического опыта» (Бычков, Маньковская, 2017, с. 222). Для того, чтобы полнее оценить соответствие психоаналитического исследования признаку художественного произведения, рассмотрим полную цитату Бычкова, что в контексте текущего обсуждения видится уместным:

«К художественно значимым эстетика относит произведения, созданные по принципу образно-символического отображения или выражения любой реальности (метафизической, духовной, природной, материальной, рукотворной, социальной, психической и т.п.) и позволяющие реципиенту проникнуть в смысловые глубины выражаемой реальности, отображаемого предмета или самого произведения, недоступные для познания и постижения никакими другими средствами и простирающиеся нередко далеко за пределы самого отображаемого явления и выражающих его образов» (там же).

Прежде, чем предпринять попытку соотнесения объект-ориентированного психоаналитического исследования с приведенным мнением, следует отметить, что вопрос художественности является широко дискутируемым и не имеет однозначного определения. Для создания контекста рассмотрим несколько общих утверждений. Так, в классической искусствоведческой трактовке, эстетические качества искусства, прекрасное и возвышенное в его сущности, формируют признак художественности (Бычков, 2015). Согласно другому мнению, под художественностью — принадлежностью объекта к сфере искусства

— понимается сопряжение параметров духовности, образности и эстетически ценной объективации (Шутемова, 2012).

Видится очевидным, что понимаемые в вышеприведенном смысле признаки художественного в конечном продукте объект-ориентированного психоаналитического исследования наличествуют. Трудно отрицать разворачивание события эстетического опыта, например, при прочтении классических работ Фрейда по теме художественного творчества, которые, несомненно, наполнены поэтикой высокого литературного слога. Стоит отметить на полях, что неслучайно Фрейд в свое время получил премию Гете именно за литературные достижения, а названная в его честь премия вручается объединением под наименованием «Немецкая академия языка и поэзии». Корреспондирующим будет утверждение, что объект-ориентированное исследование отображает глубинно-психологическую реальность нового толка (будучи адресованной иными средствами литературоведческого изучения), остающуюся неизведанной и сокрытой за художественной оболочкой изучаемого произведения. Так, в трактовке Бычкова, указанное делает объект-ориентированное исследование художественно значимым. Невзирая на то, что сам Фрейд в примечании к «Жуткому» отмечал, что психоаналитик работает в иных плоскостях, отличных от предмета изучения эстетики (Фрейд, 1995), мы не можем отказать психоаналитическим работам и в прекрасном, и в возвышенном, что убедительно демонстрируют работы уже упомянутого Ранкур-Лаферьера, среди прочих воспринимаемые, как полностью независимый и самостоятельный жанр творчества. Схожим образом отказ психоаналитическим исследованиям в образной светской духовности, апелляции к высшим человеческим ценностям, вопросам морали и нравственности будет являться заблуждением, что дает утвердительный ответ на вопрос о принадлежности объект-ориентированного психоаналитического исследования к художественному.

4

Допустимо утверждать отношение исследования к художественному, когда движущий импульс работы тяготеет к изучению динамики бессознательно-го содержания (относительно литературного творчества будет уместнее сказать «латентного» смысла произведения), к драматургии конфликтов между структурными элементами психического (проявляющимися персонификациями в протагонисте, дейтерагонисте, триагонисте, антагонисте произведения), к изучению характера разворачивания защитных механизмов (специфических разрешений базисных проблематик и конфликтов, обусловленных выборами действующих лиц произведения), к изучению символообразования (подспудных первопричин, скрываемых автором за средствами художественной выразительности) и комплексов (установочных констелляций из представлений героев произведения, осуществляющих существенное влияние на их характер и поведение) — среди основных вещей; так, адресуя описанное, исследовательский импульс выстраивается в связанную, целостную систему мышления, по-

нений и суждений, в психоаналитическую метапсихологию — «сущностное и неразрывное единство теории, методологии и психотерапевтической практики» (Филатов, 2016, с. 206), что раскрывает внутреннюю красоту исследования и делает его доподлинным образцом художественного творчества.

Уровняв анализирующее с анализируемым в части принадлежности обоих к художественному, мы, впрочем, не можем говорить об их полном тождестве, как минимум, с той позиции, что объект-ориентированное исследование, как вид творчества, предпринятого с позиций психологизированной глубинной герменевтики, не остается только метафизической спекуляцией, образцом специфического философского искусства, но и формирует принципиально новое научное знание в отношении исследуемого объекта через призму психоаналитической метапсихологии, что обуславливает его внутреннюю уникальность, а именно, положение на стыке искусства и науки.

Нанси пишет: «Своеобразие психоанализа, придающее ему всю его разрушительную силу и эпохальный размах, состоит в том, что он открыл мир мысли, который априори растворяет смысл, который не просто располагает смыслом вне истины или вне строгости понятий <...>, но который принципиально смещает смысл, выпроваживая его по своему требованию и оставляя истину как мешающую этому требованию» (Нанси, 2011, с. 70). С приведенным мнением, кажется, сложно спорить, ведь генерируя фундаментально новые глубинно-психологические смыслы, отличные от оригинальных (изложенных автором в исследуемом произведении), объект-ориентированное психоаналитическое исследование обретает и научную самостность тоже. Здесь важно сделать принципиальную оговорку: в настоящей статье была сделана попытка отстоять место объект-ориентированного психоаналитического исследования в ряду философских исследований и, исходя из предложенного понимания, определить вненаучность его изысканий, выведя в дальнейшем суждение о принадлежности объект-ориентированного исследования к художественному в противовес научному. Формирует ли приведенное рассуждение противоречие с вышеприведенным утверждением о том, что исследование порождает и научные смыслы тоже? Прежде чем мы сможем ответить на поставленный вопрос, следует предпринять усилие в отношении определения научности познания рассматриваемого вида деятельности, другими словами, определить, являются ли порождаемые объект-ориентированным исследованием смыслы научными как таковыми. Для указанной цели обратимся к позитивизму¹ Кон-

¹ Позитивизм — философское направление мысли XIX-XX вв., связанное в первую очередь (классический позитивизм) с именами Конта, Миля и Спенсера, строящееся на тезисе о том, что «каждая наука — это есть отдельная философия, поэтому цель позитивизма — это развитие методологии наук и поиск связей между ними» (Гимадиева, 2021, с. 374). В частности, Конт видел в науке наивысший акт человеческого разума, следовательно, утверждалась их теснейшая взаимосвязь, из чего постулировалась необходимость формирования истории науки и ее эволюционистский характер, то есть сама история науки понималась как развитие (Антонова, Чеботарева, 2012). Целью науки, соответственно, определялся сбор фактов (то есть знаний реальных, а не мнимых, метафизических, например, относящихся к религии или философии) — устойчивых и опытных данных, за-

та, как одному из ключевых философских течений, адресовавшим проблему, и его уложениям, выработанным в отношении демаркации научного и ненаучного знания.

Конт считал, отмечает Черненко, что научное знание — это «эмпирическое знание, а поскольку опыт не имеет окончательных границ, то научное знание следует рассматривать как относительное, которое меняется, уточняется со временем. Постоянное подчинение воображения наблюдению выступает основным условием всякого научного исследования» (Черненко, 2020, с. 60). Так, в наиболее общем виде в соответствии с положениями классического позитивизма первой волны выделяются принципы: верифицируемости (согласно которым научными могут считаться только те заявления, которые поддаются проверке на практике и, одновременно, основываются на фактах; именно это уложение позитивизма впоследствии было развито Поппером в принципе фальсификации); системности (понимаемой, как устремление научного знания синтезировать разрозненные положения на основе принципа детерминизма в целостное понимание, в теорию); интерсубъективности (тенденцию описания объекта исследования в форме, очищенной от субъективных содержаний, как, например, художественное произведение без апелляции к личности художника); репродуктивности (возможности тиражировать результаты, то есть повторять, воспроизводить их) (Рахматуллин, 2014; Хамидуллин, Рахматуллин, 2016; Хуббеев, 2015).

В отношении принципа верифицируемости первая и ключевая ремарка была сделана в начале настоящей статьи, где нами была определена непреложность принципа к объект-ориентированному исследованию. Стремится ли

конов, определяющих связи и взаимоотношения между явлениями, их опись и систематизация (Черненко, 2020). Принципы позитивизма первой волны, сформулированные Контом, это, в первую очередь, направление от простого к сложному (последовательность возникновения знания в виде отдельных научных дисциплин) и от абстрактного к конкретному (стремление философии к разрешению вопросов, о которых возможно получение реального знания). Так, основоположник позитивизма, исходя из указанных принципов, считал, что задачей философии является охват совокупности наук, открытие общих закономерностей и систематизация знания (Гимадиева, 2021). В альтернативном изложении принципы классического позитивизма, его ключевые особенности — это ориентация науки на раскрытие реальности (в числе прочего это будет выражаться в очистке знания от философских конструкций и теоретических уложений); феноменализм (формулировка законов); неразрывность связи науки с реальностью; «признание единства науки через сведение (=редукцию) его к особенностям естественных наук (их методам, объяснительным процедурам и пр.)» (Бряник, 2011, с. 73); признание метафизики ненаучной и не имеющей существенного значения для науки; восприятие науки в качестве явления самодостаточного, т.е. имеющего критическое влияние на все стороны человеческой жизни и, одновременно, не подверженного в какой-либо значительной степени влиянию внешних факторов (Бряник, 2011). Непосредственно термин «позитивный», в трактовке Конта, имел несколько определений: «реальное в противоположность химерическому; полезное в противоположность бесполезному; достоверное в противоположность сомнительному; точное в противоположность смутному; положительное в противоположность отрицательному» (Конт, цит. по: Короткий, 2017, с. 29).

направление работы исследователя-психоаналитика к синтезу и сложению в единство понимания, к выработке слаженной теории? Принимая во внимание сам характер исследования, его акцент на имплицитном содержании произведения, на декодировании латентных форм в их первоначальное состояние, распутывании художественной образности и вытяжки из нее доподлинных содержаний, допустимым будет сказать, что объект-ориентированное исследование в своей сути и есть работа интегративная, имеющая своей целью формирование стройного и внутренне непротиворечивого психоаналитической метапсихологии знания, другими словами — следующая принципу системности. Последнее, по сути, наиболее очевидным образом роднит рассматриваемое исследование с наукой в том понимании, какое в ее отношении выражал сам Конт; так, Подвойский указывает: «В сознании ученого [Конта — И.Н.] действительность предстает как комплекс фактов, связанных между собой определенным (неслучайным) образом. Обнаруживать и описывать при помощи обобщающих суждений регулярные связи и отношения между эмпирическими явлениями — такова важнейшая задача научного познания» (Подвойский, 2002, с. 100). В части интерсубъективности в предшествовавшей работе (Никитин, 2023) нами уже были даны исчерпывающие комментарии, что позволяет с определенной уверенностью утверждать, что объект-ориентированное исследование свободно от субъективных содержаний. Репродуктивность здесь предстает несколько более неоднозначным вопросом, возвращающим нас к первоначальному обсуждению технического инструментария исследования; так, с одной стороны, при заданности методов (анализа процессов сгущения, смещения, свободных ассоциаций и пр.) не возникает сложностей любому исследователю повторить путь своего визави, проделав над художественным произведением тот же набор манипуляций с позиций психоаналитического толкования. С другой стороны, если мы говорим о более индивидуальном процессе понимания (толкования), всецело зависящем от аналитического таланта исследователя, тиражируемость становится категорией относительной, из чего мы можем сделать вывод об условном соответствии критерию репродуктивности Конта.

Резюмируя, можно предварительно отметить, что логика приведенного рассуждения приводит нас к осторожному предположению о частичном соответствии смыслов объект-ориентированного психоаналитического исследования критериям научности в логике позитивистской философии, что, принимая во внимание специфическое положение исследования на стыке между искусством и наукой, является удовлетворительным результатом (учитывая, как таковую, неотносимость объект-ориентированного психоаналитического исследования к науке в строгом смысле слова).

Подводя итог, можно отметить, что объект-ориентированное психоаналитическое исследование может быть отнесено к глубинной, нюансированной психоанализом герменевтике, «как системе и совокупности методов адекватного истолкования и объяснения текстов в самом широком их понимании» (Креминский, 2000, с.1); при условии следования психоаналитическому дискурсу является специфическим образцом художественного творчества, сво-

бодным от жестких требований, предъявляемых к научному исследованию в условиях вынесения за скобки анализа автора произведения; не является свободным от необходимости следования теории и практике психоанализа, его приемам и методам, чтобы оставаться в русле применяемой метапсихологии, а значит, и иметь возможность в пределах аналитического таланта исследователя претендовать на художественность, как минимум, с позиций формы (в то время как та же претензия с позиции содержания – вопрос сугубо индивидуальный каждой отдельной работы); при ряде оговорок, в порождаемых собою смыслах не лишено научной компоненты, а значит, представляет собой действительный образец знания на пересечении науки и творчества.

Литература

- Алейникова Т.В. Психоанализ и психофизиология (психоанализ – наука или искусство?) // Вестник психофизиологии. – 2013. – № 1 – 6-16с.
- Антонова О.А., Чеботарева Е.Э. Философия и история науки во Франции от О. Конта до А. Койре // Epistemology & Philosophy of Science, 2012. – №3, – 193-206с.
- Брянник Н.В. Позитивист ли К.Р. Поппер? // Эпистемы, 2011, Вып. 6: Опыт, – 71-76с.
- Бусыгина Н.П. и др. Психоаналитическая интерпретация как исследовательская стратегия // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. – Т. 20. – №. 4. – 60-84с.
- Бычков В.В. Художественность как сущностный принцип искусства // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – 3-13с.
- Бычков В.В., Маньковская Н.Б. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства // Вестник славянских культур. – 2017. – Т. 43. – №. 1. – 222-243с.
- Голубев А.Е., Уткина Н.В. Современные концепции идентификации научного познания // Modern European Researches. – 2022. – Т. 1. – №. 1. – 74-81с.
- Гимадиева Л.И. Философия позитивизма // Скиф, 2021. – №12 (64) – 373-376с.
- Кремминский В.И. Особенности герменевтической интерпретации художественного произведения // Культура народов Причерноморья. – 2000.
- Круглова Е.Е. Стратегии анализа и практика изучения И.С. Тургенева в психоаналитическом аспекте // Перекрестки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве. – 2022. – 227-237с.
- Короткий С.В. Легистские источники позитивизма О. Конта в социологии // Научные исследования в сфере общественных наук: инновации и опыт: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 2017. – 28-39с.
- Мазин В.А. Некоторые комментарии к статье «В защиту психоанализа» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2017. – № 4(114). – 263-268с.

- Мокшанцев Л.В.* Психоанализ и наука // Гуманитарный вестник. 2018. — №10 (72) — 1-12с.
- Нанси Ж.-Л.* Психоанализ // Философский журнал. 2011. — №1 (6).
- Никитин И.Ю.* Синописис фрейдистского психоанализа художественного творчества и отдельные соображения по вопросу целей психоаналитического исследования // Познание и переживание. 2023 — Т. 4 — № 2 — 96-107с. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_02_06
- Никитин И.Ю.* Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра. Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023, 4(1), — 158-172с.
- Подвойский Д.Г.* Предметно-методологическое самоопределение новой науки о человеческом обществе: Огюст Конт и его теория // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2002. — №. 1. — 100-115с.
- Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ — М.: Ладомир, 2004. — 1017с.
- Рахматуллин Р.Ю.* Особенности научного познания // Молодой ученый. — 2014. — №. 16. — 211с.
- Рикер П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. — М.: Искусство, 1996. — 270с.
- Старовойтов В.В.* Психоанализ и художественное творчество // Философские науки, 4, 2010, — 35-42с.
- Сурков В.Н.* Гносеологические ориентиры в становлении и предметном самоопределении психологического знания: дис. — Омск: Омский гос. пед. ун-т. 2004.
- Юнг К.Г., Нойманн Э.* Психоанализ и искусство. — М.: REFL-Book, 1996. — 304с.
- Юнг К.Г.* Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М, 1991. — 103-119с.
- Филатов Ф.Р.* Герменевтика психоаналитического процесса. Труд и искусство понимания // Теория и практика психоанализа: Юбилейный сборник научных трудов, Выпуск 2, 2016. — 206-219с.
- Фрейд З.* Художник и фантазирование. — М.: Республика, 1995. — 400с.
- Хамидуллин Р.Г., Рахматуллин Р.Ю.* Особенности научного познания // Вестник научных конференций. — 2016. — №. 1-5. — 198-199с.
- Хуббеев Р.И.* Основные критерии научности знания // Вестник научных конференций. — 2015. — № 4-5(4). — 95-96с.
- Черенькая С.В.* Позитивизм // История и философия науки: Учебно-методическое пособие. — 2020. — 59-66с.
- Шутемова Н.В.* Поэтичность, художественность, эстетичность: к проблеме соотношения понятий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. — №4.
- Эсман А.* Что «прикладывается» в прикладном психоанализе // Russian Imago. — 2001. — Т. 2002. — 483с.

References

- Alejnikova T.V.* Psihoanaliz i psihofiziologiya (psichoanaliz – nauka ili iskusstvo?) [Psychoanalysis and Psychophysiology (psychoanalysis - science or art?)] //Bulletin of Psychophysiology. - 2013. – No. 1 – p. 6-16. (in Russ.)
- Antonova O.A., Chebotareva E.E.* Filosofiya i istoriya nauki vo Francii ot O. Konta do A. Kojre [Philosophy and History Sciences in France from A. Comte to A. Coire] //Epistemology & Philosophy of Science, 2012, №3, 193-206 (in Russ.)
- Bryanik N.V.* Pozitivist li K.R. Popper? [Is K.R. Popper a positivist?] //Epistems, 2011, Issue 6: Experience, 71-76 (in Russ.)
- Busygina N.P. et al.* Psihoanaliticheskaya interpretatsiya kak issledovatel'skaya strategiya [Psychoanalytic interpretation as a research strategy] //Counseling psychology and psychotherapy. - 2012. – Vol. 20. – No. 4. – pp. 60-84. (in Russ.)
- Bychkov V.V.* Hudozhestvennost' kak sushchnostnyj princip iskusstva [Artistry as an essential principle of art] // Questions of philosophy. - 2015. – No. 3. – pp. 3-13. (in Russ.)
- Bychkov V.V., Man'kovskaya N.B.* Hudozhestvennost' kak metafizicheskoe osnovanie esteticheskogo opyta i kriterij opredeleniya podlinnosti iskusstva [Artistry as a Metaphysical basis of aesthetic Experience and a criterion for determining the authenticity of art] // Bulletin of Slavic Cultures. – 2017. – Vol. 43. – No. 1. – pp. 222-243. (in Russ.)
- Chernen'kaya S.V.* Pozitivizm [Positivism] //History and Philosophy of Science: An educational and methodological guide. -2020. – pp. 59-66. (in Russ.)
- Esman A.* Chto «prikladyvaetsya» v prikladnom psihoanalize [What is «applied» in applied psychoanalysis] //Russian Imago. – 2001. – Vol. 2002. – P. 483. (in Russ.)
- Filatov, F.R.* Germenevtika psihoanaliticheskogo processa. Trud i iskusstvo ponimaniya [Hermeneutics of the psychoanalytic process. Labor and the Art of Understanding] // Theory and practice of psychoanalysis: Anniversary collection of scientific papers, Volume 2, 2016. – pp. 206-219. (in Russ.)
- Freud S.* Khudozhnik i fantazirovanie [The artist and fantasy]. M.: Respublika, 1995, 400 p. (in Russ.)
- Gimadieva L.I.* Filosofiya pozitivizma [Philosophy of Positivism] //Skif, 2021, №12 (64), 373-376. (in Russ.)
- Golubev A.E., Utkina N.V.* Sovremennye koncepcii identifikatsii nauchnogo poznaniya [Modern concepts of identification of scientific knowledge] //Modern European Researches. – 2022. – T. 1. – №. 1. – C. 74-81. (in Russ.)
- Hamidullin R.G., Rahmatullin R.Yu.* Osobennosti nauchnogo poznaniya [Features of scientific knowledge] //Bulletin of scientific conferences. - 2016. – No. 1-5. – pp. 198-199. (in Russ.)
- Hubbeev, R.I.* Osnovnye kriterii nauchnosti znaniya [The main criteria of scientific knowledge] //Bulletin of scientific conferences. – 2015. – № 4-5(4). – pp. 95-96. (in Russ.)
- Jung K.G., Neumann E.* Psihoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and art]. – M.: REFL-Book, 1996. – 304 c. (in Russ.)

- Jung K.G.* Psihologiya i poeticheskoe tvorчество [Psychology and poetic creativity] // Self-consciousness of the European culture of the twentieth century: Thinkers and Writers of the West about the place of culture in modern society. — М, 1991. — pp. 103-119. (in Russ.)
- Kreminskij V.I.* Osobennosti germenевticheskoy interpretacii hudozhestvennogo proizvedeniya [Features of hermeneutical interpretation of a work of art] // Culture of the peoples of the Black Sea region. — 2000. (in Russ.)
- Kruglova E.E.* Strategii analiza i praktika izucheniya I.S. Turgeneva v psihoanaliticheskom aspekte [Strategies of analysis and practice of studying I.S. Turgenev in the psychoanalytic aspect] // Intersections of interactions: a dialogue of Russian and foreign literature in time and space. — 2022. — pp. 227-237. (in Russ.)
- Korotkij S.V.* Legistskie istochniki pozitivizma O. Konta v sociologii [Legist Sources of O. Comte's Positivism in Sociology] // Scientific research in the field of social sciences: innovations and experience: a collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference, 2017, 28-39. (in Russ.)
- Mazin V.A.* Nekotorye kommentarii k stat'e «V zashchitu psihoanaliza» [Some comments on the article «In defense of psychoanalysis»] // An inviolable reserve. Debates about politics and culture. — 2017. — № 4(114). — Pp. 263-268. (in Russ.)
- Mokshantsev L.V.* Psihoanaliz i nauka [Psychoanalysis and Science] // Humanitarian Bulletin. 2018. No. 10 (72) — pp. 1-12. (in Russ.)
- Nansi Zh.-L.* Psihoanaliz [Psychoanalysis] // Philosophical Journal. 2011. №1 (6). (in Russ.)
- Nikitin I.Yu.* Sinopsis frejdistskogo psihoanaliza hudozhestvennogo tvorчества i ot-del'nye soobrazheniya po voprosu celej psihoanaliticheskogo issledovaniya [Synopsis of Freudian psychoanalysis of artwork and particular considerations on the issue of psychoanalytic research object] // Cognition and Experience. 2023 V. 4 № 2 P. 96—107. doi: 10.51217/cogexp_2023_04_02_06 (in Russ.).
- Nikitin I.Yu.* Psikhobiografiya: nekotory'e razmy'shleniya o krizise zhanra [Psychobiography: Some reflections on the crisis of the genre]. Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, 4 (1), 2023, 158-172 pp. (in Russ.)
- Podvojskij D.G.* Predmetno-metodologicheskoe samoopredelenie novej nauki o chelovecheskom obshchestve: Ogyust Kont i ego teoriya [Subject-methodological self-determination of the new science of human society: Auguste Comte and his theory] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. - 2002. — No. 1. — pp. 100-115. (in Russ.)
- Rancour-Laferriere D.* Russkaya literatura i psikhoanaliz [Russian literature and psychoanalysis]. М.: Lodomir, 2004, 1017 p. (in Russ.)
- Rahmatullin R.Yu.* Osobennosti nauchnogo poznaniya [Features of scientific knowledge] // Young scientist. — 2014. — №. 16. — p. 211. (in Russ.)
- Rikyor P.* Germenевtika i psihoanaliz. Religiya i vera [Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and faith] — Moscow: Iskustvo, 1996. — 270 p. (in Russ.)
- Starovoitov V.V.* Psikhoanaliz i khudozhestvennoe tvorчество [Psychoanalysis and artistic creativity] // Philosophical Sciences, 4, 2010, 35-42 pp. (in Russ.)

Shutyomova N.V. Poetichnost', hudozhestvennost', estetichnost': k probleme sootnosheniya ponyatij [Poetry, artistry, aesthetics: on the problem of the correlation of concepts] // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2012. №4. (in Russ.)

Surkov V.N. Gnoseologicheskie orientiry v stanovlenii i predmetnom samoopredelenii psihologicheskogo znaniya [Epistemological guidelines in the formation and subject self-determination of psychological knowledge]: dis. — Omsk: Omsk State Pedagogical University. 2004. (in Russ.)

Информация об авторах

Никитин Илья Юрьевич, магистр искусств в области интегральной психологии, специалист в области организационной психологии, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1806-1740>, e-mail: nikitin.ilia89@gmail.com

Information about the authors

Ilia Yu. Nikitin, Master of Arts in Integral Psychology, Specialist in Organizational Psychology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1806-1740>, e-mail: nikitin.ilia89@gmail.com

Получена: 07.09.2023

Принята в печать: 30.09.2023

Received: 07.09.2023

Accepted: 30.09.2023

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Ежеквартальный научный журнал
«ПОЗНАНИЕ И ПЕРЕЖИВАНИЕ»

Учредитель и издатель:
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Адрес редакции и издательства:
Российская Федерация, 121170, г. Москва,
Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14

Телефоны:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Сайт:
inpsycho.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-78205 от 20.03.2020 г.

Все права защищены. Все материалы, опубликованные в журнале, являются собственностью Московского института психоанализа и защищены авторским правом. Их использование разрешается только в личных некоммерческих целях после получения письменного согласия от редакции журнала

Quarterly scientific journal
“COGNITION & EXPERIENCE”

Founder and publisher:
Moscow Institute of Psychoanalysis

Address of the editorial office and publishing house:
Russian Federation, 121170, Moscow,
Kutuzovsky prospect, 34, building 14

Phones:
+7 (495) 782-39-99, 782-34-43

E-mail:
cogexpjournal@gmail.com

Website:
inpsycho.ru

Mass media registration certificate:
PI № FS77-78205 dated 03/20/2020

All rights reserved. All materials published in the journal are the property of the Moscow Institute of Psychoanalysis and are protected by copyright. Their use is permitted only for personal non-commercial purposes after obtaining written consent from the editorial board of the journal